ГЕОРУСИСТИКА

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ

АНТИКВА
ПРЕДПРИЯТИЕ

Симферополь
2010

УДК 811
ББК 81.411.2
Р 83

В сборнике представлены работы, посвященные проблеме варьирования русского языка в разных странах. Особое внимание при этом уделяется георусистике, рассматривающей в качестве своего основного объекта особого рода мир, системообразующим фактором которого является использование русского языка как средства социального взаимодействия.

Для специалистов в области лингвистики, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется проблемами развития русского языка в XXI веке.

Георусистика. Первое Приближение: Сб. науч. ст. / Под редакцией А. Н. Рудякова – *Симферополь: Антиква, 2010. – 152 с.*

Верстка: *А. Н. Александров*
Дизайн: *Е. В. Мажарова, А. Н. Александров*
Технческий редактор *Е. В. Мажарова*

Подписано в печать: 14.09.2010
Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times Nem Roman.
Объем 7,21 уч.-изд. л., 40,5 усл.-печ. л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в СПД «Барановский А. Э.»
95006, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 94

ISBN 978-966-2930-58-0

© Издательство «Антиква», оригинал-макет, 2010
© КРИППО, текст, 2010
© А. Н. Рудяков, предисловие, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник статей представляет собой, скорее, некую цепь вопросов, чем ответов. И это естественно, потому что, как справедливо писал В. Бибихин, наука и есть непрерывная цепь вопросов. Именно способностью порождать все новые и новые вопросы наука отличается от научной публицистики.

Думаю, что вопросов к русистике начала 21 века накопилось немало. И это обусловлено рядом объективных причин, среди которых основными, на мой взгляд, являются следующие.

Во-первых, это замкнутость получаемого русистикой знания на «внутринаучное» потребление; наша наука сегодня – это «русистика для русистики»; это каталогизация языковых фактов, их регистрация, не более. Русистика мало что может дать внешнему пользователю порождаемого нами знания. И те ответы, которые кажутся нам исчерпывающими, вряд ли устроят, например, информатика. Для социума – мы наука о запятых и о том, что нужно говорить «звонИт», а не «звОнит».

Во-вторых, по моему мнению, это все еще сохраняющаяся приверженность уходящим в прошлое «гносеологическим призмам». О смене необходимости перехода от «субстанционализма» к функционализму я писал не раз, поэтому здесь скажем о том, что мир русистики состоит из иерархий, а не сетей. Для иллюстрации этого тезиса в предисловии нет места, поэтому отошлю читателя к книге Ф. Капра «Паутина жизни».

Таким образом, георусистика – это попытка ответа на вопрос об объекте русистики с точки зрения функционалиста, исповедующего сетевое и метасистемное видение мира.

Термин «георусистика» был предложен мною в 2009 году в докладе на Первом крымском лингвистическом конгрессе. Хотя приближение к этому новому, по мнению многих коллег, направлению лингвистических исследований началось на несколько лет раньше, когда в проблематику наших традиционных ялтинских конференций по функциональной лингвистике мы включили вопрос о российском и украинском национальных вариантах русского языка. Следующим этапом стала высказанная в докладе на первой конференции «Русский язык в поликультурном мире» (2007, фестиваль «Великое русское

слово») идея о том, что объектом русистики 21 века является Русофония – глобальное русскоязычное пространство.

По моему глубокому убеждению, георусистика – это не только и не столько новое направление исследований, сколько сама русистика 21 века, осознавшая в качестве своего основного объекта особого рода мир, единственным и главным системообразующим фактором которого является использование русского языка как средства социального взаимодействия.

Идея георусистики оказалась востребованной лингвистами. Об этом говорит, на мой взгляд, тот факт, что доклады «Георусистика и украинский национальный вариант русского языка», «Георусистика – русистика 21 века», «Георусистика и лингвистические механизмы формирования национальных вариантов языка» были поставлены на пленарные заседания организаторами IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, март 2010), IV Международной научно-практической конференции «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, июнь 2010), Международной конференции «Язык и общество в современной России и других странах» (Москва, июнь 2010). Важным свидетельством потребности русистики в новом направлении взгляда являются и позитивные высказывания коллег в личных беседах.

Вместе с тем, нельзя не сказать и о сильном сопротивлении, оказываемом не столько самой идее существования георусистики, сколько положению о том, что русский языковой мир формируется национальными вариантами русского языка. Удивительно, что идею украинского варианта русского литературного языка категорически не приемлют как украинские националисты, так и целый ряд российских русистов, призывающих людей во всем мире лучше учить русский, чтобы «не делать ошибок». Удивительно, как легко свойство русской речи 46 миллионов человек может быть объявлено ошибкой. Это, конечно же, самый простой и в то же время самый бесперспективный способ решения проблемы.

В этой ситуации очень полезным для наших оппонентов было бы внимательное чтение книги А. Д. Швейцера «Очерк современного английского языка в США», особенно той ее главы, которая посвящена истории английского языка в США. Наши сегодняшние споры и разногласия поразительным образом повторяют споры и разногласия в Штатах начала 19 века.

И все же георусистика в предлагаемом понимании – это требование времени. Прежде всего потому, что георусистика предполагает осознанное и последовательное совершенствование русского языка с целью увеличения его конкурентоспособности в современных условиях. При этом кардинально изменяется отношение к феномену взаимодействия языков, которое воспринимается не как источник «порчи» русского языка, но как важнейший ресурс его совершенствования, развития, экспансии.

Вильгельм фон Гумбольдт был прав, высказав в терминах своей эпохи очень глубокую мысль о том, что каждый конкретный язык есть одна из множества попыток абсолютного духа найти эталонный способ своего выражения.

И действительно, мы часто забываем о том, что все земляне говорят на одном языке – Языке Человека. Именно этот Язык вообще, являющийся объектом внимания общей лингвистики, является инвариантом по отношению к конкретным языкам. Свойства этого инварианта – универсалии – присущи всем языкам нашей планеты. Наивно воспринимать конкретные языки в качестве «испорченных» версий Языка вообще. Их сущность заключается в реализации инварианта в различных этнических, социальных, географических, природных условиях, совокупность которых можно с известной долей условности именовать «позицией реализации Языка вообще».

Конкретные языки есть варианты Языка вообще.

В свою очередь каждый конкретный язык, в нашем случае – русский, является инвариантом по отношению к множеству своих вариантов – территориальных, социальных, региональных, национальных... Собственно говоря, это множество вариантов русского языка является одной из форм его существования. Это множество вариантов русского языка и формирует русскоязычный мир, который в 21 веке является планетарным, глобальным, не зависящим от государственных границ. Этот языковой мир требует соответствующей языковой политики.

Убежден, что сегодня важнейшими составными частями русскоязычного мира, который было бы наивно сводить к простому множеству русофонов, являются национальные варианты русского языка.

Не следует считать выдвинутую мною гипотезу о существовании украинского варианта русского языка аксиомой. Я исхожу из, очевидного на мой взгляд, тезиса о том, что мировой язык не может не порождать варианты, функционируя в разных странах в ситуации постоянного и активного взаимодействия с другими языками. Это – естественное поведение языка. И если таким образом ведут себя английский, немецкий, испанский, арабский, французский…, то почему общемировые закономерности не должны касаться русского языка, который, вопреки логике развития человечества, остается якобы «моноцентрическим» только потому, что русисты не торопятся осознавать происходящие с русским языком изменения. Пора признать, что варьирование языка – не есть его распад, смерть, уничтожение.

И еще одна мысль, которая кажется мне актуальной в этом контексте.

Можно говорить «по-русски» и «на русском». Я понял разницу между двумя этими выражениями, читая воспоминания об Анне Ахматовой, которая, прочитав в журнале «Огонёк» рассказ Бунина «Ворон» и встретив там выражение «черные битюги», сказала: «Поздравляю. Он забыл русский язык». Тогда я подумал, что есть своего рода «степень русскости» речи, обусловленная

тем, насколько соответствует позиции номинации избранная субъектом говорения номинативная единица.

Важно осознавать функциональный механизм выбора говорящим субъектом средства номинации для «здесь-сейчас» существующей ситуации именования. Семантема ‘черный’ в русском языке как семантический инвариант реализуется микрополем вариантов, среди которых есть и слово, предназначенное для обозначения масти лошади. Поэтому «по-русски» конь – вороной, но «на русском» – он может быть черным. Не следует отвергать говорящего «на русском»: «he does his best».

Приведу еще один показательный пример. В русском языке сегодня существуют номинативные единицы, являющиеся основными разговорными вариантами выражения семантемы ‘сотрудник дорожной правоохранительной службы’: «гаишник», «даишник», «гибэдедэшник» (касательно последнего слова я как человек, всю свою жизнь говорящий на русском языке и преподающий русский язык, не уверен, потому что сегодня я – носитель украинского русского и поэтому не уверен, насколько употребительно это последнее слово в России; может быть «дэпээсник»?). На мой взгляд, эти слова можно назвать условно «советизмом», «украинизмом» и «россиизмом», так как они присущи соответственно советскому, украинскому и российскому вариантам русского языка. При этом перечисленные термины обозначают не принадлежность к этносу, а принадлежность к определенной стране.

Статьи, которые вошли в эту книги отражают этапы осмысления понятия георусистика, дискуссионные вопросы, взгляды оппонентов. Важной составной частью книги стали статьи о крымском функционализме как теоретической основе георусистики.

Конечно же, говоря о георусистике и об украинском национальном варианте русского языка, нельзя не упомянуть политические следствия такого восприятия языковой ситуации в русофонном пространстве.

Я уже писал в статье «Наука и политика» о том, что единственным, на мой взгляд, способом приблизить время, когда общепризнанным станет понимание того, что можно быть одновременно и не «против» Украины и «за» русский язык, является признание существования «нашего» русского языка, каковым и является украинский вариант русского языка, который, оставаясь русским языком, отличается все же от российского варианта русского языка. Это – идея для консолидации Украины. Это – вклад русистов в эту консолидацию. Это констатация того, что существует обширная общность людей, для которых идентичность сводима не к русской национальности, а к русскоязычности.

С другой стороны, опасения по поводу того, что признание существования национальных вариантов русского языка каким-либо образом разрушает Русофонию, не должно беспокоить Россию. Единство по образу монолита,

которое является идеалом для ушедших в прошлое эпох, в 21 веке недостижимо. Русскоязычность – этот важнейший интегрирующий социальный фактор – не исчезает в национальных вариантах, а укрепляется и приобретает безграничные ресурсы для своего распространения и совершенствования. Совершенствования, жизненно необходимого для русского языка, участвующего (и успешно участвующего) в жесткой конкурентной борьбе с другими мировыми языками, также существующими в форме множества вариантов. Осмысленное, управляемое, совершенствование русского языка – важнейшее следствие георусистики.

На мой взгляд, георусистика – это русистика, способная стать компонентом науки 21 века. Это русистика, соответствующая новой научной парадигме 21 века. И, на мой взгляд, неприятие идеи георусистики рядом коллег обусловлено межпарадигмальным непониманием. Преодоление этого межпарадигмального барьера сложный и, увы, не общедоступный шаг. Хочу упомянуть здесь прекрасную аналогию, приведенную в беседе со мной Ю. В. Дорофеевым, который вспомнил сцену из пьесы Б. Брехта «Жизнь Галилея». Там главный герой предлагает своим оппонентам просто посмотреть в телескоп, чтобы убедиться в его правоте относительно расположения звезд, но они пускаются в рассуждения о том, что подобное расположение невозможно и поэтому не следует и смотреть на него.

Конечно, все мы имеем право на собственную точку зрения. Поэтому во второй части предлагаемого сборника мы публикуем историю обсуждения проблемы украинского национального варианта русского языка.

Надеюсь, что предлагаемая книга окажется полезной для всех наших коллег, независимо от того, разделяют они наше беспокойство по поводу «сегодня» нашей науки или нет.

Еще раз повторю, что я и мои коллеги не настаиваем на абсолютной правильности и однозначности предлагаемых нами решений. Но мы убеждены в своевременности постановки новых для русистики вопросов.

А. Н. Рудяков

РАЗДЕЛ 1
ГЕОРУСИСТИКА – РУСИСТИКА 21 ВЕКА

А. Н. Рудяков

Георусистика – русистика 21 века

В 2007 году я стал одним из инициаторов проведения в Крыму фестиваля «Великое русское слово», стержневым и отличительным компонентом которого, на мой взгляд, должна была стать серьезная научная конференция, названная Оргкомитетом «Русский язык в поликультурном мире». Мне думалось, что для этой конференции должно быть найдено серьезное концептуальное теоретические основание, некий особый взгляд, некое новое видение уже достаточно привычной проблематики. Мы должны были на конференции реализовать особое геополитическое положение Крыма: есть вещи, которые лучше заметны с периферии системы, чем из ее центра.

Такой идеей стала идея Русофонии как глобального русскоязычного мира, единственным интегрирующим фактором которого является использование русского языка как средства социального взаимодействия. Именно тогда – в июне 2007 года – был сформулирован тезис о том, что именно Русофония – объект русистики XXI века.

Принципиально новым, как представляется, стал взгляд на русскоязычный мир как на целое, активно взаимодействующее с другими языковыми мирами. Целое, формируемое национальными вариантами русского языка, среди которых для меня наибольший интерес представлял и представляет украинский национальный вариант русского языка. Надо сказать, что обсуждение вариантов русского языка на конференциях по функциональной лингвистике мы инициировали значительно раньше, выделив отдельную секцию, призванную обсудить эту проблему.

Решающее значение для понимания сути изменений, которые вынуждена пережить русистика в XXI веке, имеет осознание того, как представляется, что в эпоху прогрессирующей глобализации глобальное же взаимодействие языковых миров не должно восприниматься как некое посягательство планетарной «нерусскости» на некое абсолютную «русскость». Напротив, русистика должна видеть в этом взаимодействии важнейший ресурс развития, совершенствования, обогащения русского языка, ресурс повышения его устойчивости в глобальной межъязыковой конкурентной борьбе. Иначе говоря, русистика должна посмотреть на межъязыковое взаимодействие функционально.

В этом контексте, мне кажется, очень уместна мысль В. фон Гумбольдта, который сказал, что всякий конкретный язык есть очередной шаг в поиске абсолютным духом своего идеального воплощения. Неразумно было бы не использовать все самое удачное из этих попыток для совершенствования своего родного языка.

Русистика должна изучать взаимодействие русского языкового мира с другими языковыми мирами, а не абстрагироваться от него. Эта русистика и есть георусистика. Русистика, конечно же, уже сегодня геолингвистична. Но неосознанно, стихийно. Время – осознавать свою геолингвистичность и использовать это знание.

Таким образом, георусистика, в моем понимании, – это не новая лингвистическая дисциплина, которых так много появляется в последнее время. Я всегда был и остаюсь противником растаскивания целостного объекта нашей науки по множеству мини- и микролигвистичек.

Георусистика – это «старая добрая» наука о русском языке, осознавшая в начале 21 века, что она есть подсистема геолингвистики, общей лингвистической дисциплины о планетарном (ноосферном) языковом мире Человека, представляющем собой сложное единство «-фоний». В отличие от термина «георусистика», предложенного мною в ряде последних работ [6], термин «геолингвистика» не является принципиально новым. Он достаточно давно используется в качестве синонима терминов «лингвистическая география» и «лингвогеография»:

«ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ (лингвогеография, геолингвистика), раздел лингвистики, изучающий вопросы территориального размещения языков и языковых явлений (на земном шаре, на континентах, в рамках более мелких географических ареалов). Приведенное определение является максимально широким. Неоднократно предпринимались попытки придать понятию «лингвистическая география» более частный смысл, а также противопоставить его близкому понятию «ареальная/пространственная лингвистика», однако в данной статье эти термины не различаются, а в понятие «лингвистическая география» включаются все аспекты географического распределения языков и языковых явлений.

Географические факторы исключительно важны для объяснения многих языковых явлений. Так, тип географической среды, в которой распространяются языки, принципиально влияет на характер генетических связей между формирующимися языками или диалектами» [4].

По словам С. Н. Кузнецова, «геолингвистика как научная дисциплина институционализирована, она разрабатывается учеными не только в индивидуальном порядке, но и посредством коллективной работы в специально созданных научных обществах. С 1965 г. активно действует «Американское общество геолингвистики» (The American Society of Geolinguistics), созданное по инициативе известного лингвиста и полиглота Марио Пеи (он интересовался также вопросами интерлингвистики). Существует и «Международное общество диалектологии и геолингвистики», издающее с 1993 г. ежегодник «Dialectologia et Geolinguistica (DiG)» [5].

Однако в понимании задач и пределов компетенции геолингвистики единства не наблюдается. Между собой конкурируют несколько воззрений.

Одни исследователи стремятся минимализировать область геолингвистики, другие, наоборот, придают ей значение своего рода планетарной модели, описывающей общемировую лингвистическую ситуацию».

Наше понимание геолингвистики как общей лингвистической дисциплины о планетарном (ноосферном) языковом мире Человека, представляющем собой сложное единство частных языковых миров, закономерно тяготеет к описанию глобальной языковой ситуации.

Геолингвистику, таким образом, интересует не столько взаиморасположение языков, сколько взаимопроникновение и взаимодействие существующих на планете языковых миров.

Георусистика существует наряду с геоиспанистикой, героманистикой, геоукраинистикой и другими частными языковедческими дисциплинами.

Повторим, что принципиально новым в концепции Русофонии, как представляется, стал взгляд на русскоязычный мир как на организованное множество национальных вариантов русского языка, активно взаимодействующее с другими организованными множествами национальных вариантов иных языков.

Краеугольными в переходе к пониманию русистики как георусистики являются такие категории как инвариант/вариант и национальный вариант языка.

«Национальные варианты языка появляются в результате территориального обособления носителей языка и развития в разных территориальных образованиях (например, национальные варианты английского языка, функционирующего в Англии, США, Канаде, Австралии)» [10, с. 35].

В этом определении достаточно отчетливо проявляются своего рода предрассудки науки о русском языке. Предрассудки, обусловленные, на мой взгляд, прежде всего, мировоззренческими причинами.

Во-первых, дело в том, что в советской лингвистике второй половины прошлого века в рамках теории вариантов существовала развитая концепция полинациональных языков. На основе анализа целого ряда национально неоднородных языков в рамках, прежде всего, социолингвистических исследований были выработаны принципиальные положения, объективно отражающие специфику таких языковых ситуаций, когда две и более страны используют в качестве средства социального взаимодействия один язык. Это, разумеется, английский язык в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии; французский во Франции, Бельгии, Канаде, Швейцарии; немецкий в Австрии, ФРГ, Швейцарии; испанский в Испании и большинстве стран Латинской Америки; португальский в Португалии и Бразилии.

Целый ряд постулатов, которые мы сегодня обсуждаем, давно стали аксиомами для исследователей европейских языков, среди которых мало кто усомнится в том, что немецкий язык, например, наряду с английским, испанским, французским, арабским и некоторыми другими, фактически реализуется в виде отдельных национальных вариантов. Более того, аксиомой является поло-

жение о том, что все национальные варианты языка являются равноправными в том смысле, что к ним неприменим критерий «правильный» – «неправильный», «чистый» – «испорченный». В то же время в структуре множества национальных вариантов всегда выделяется доминирующий, основной вариант.

Уже тогда обсуждалась проблема, которую я назвал «проблемой степени вариативности национального варианта» [8]. Отмечалось, что существует целая шкала возможностей, на одном конце которой – едва заметные различия, в то время как на другом – национальные варианты английского языка в Великобритании и США.

Уверен, что металингвистические причины, по которым автор приведенного выше определения национального варианта языка не привела в качестве примера национальные варианты русского языка, существующие в России, Украине, Белоруссии, Казахстане.., достаточно очевидны и не требуют особых комментариев. К сожалению, факторы эти обладают сильной инерцией и все еще трудно преодолимы. В глубинной своей основе они производны от различий иерархического и «сетевого» способов восприятия мира [3].

Во-вторых, проблема заключается в том, что для русистики понятие вариант прочно связано с понятием норма. Норма и варианты – вот как это звучит в лингвистическом обиходе. Как правило, когда речь заходит о вариантах, в «общественном лингвистическом сознании» возникает ассоциация с чем-то деструктивным, самим своим существованием негативно влияющим на литературную норму, разрушающим литературную норму. Говоря о варьировании, лингвисты имеют в виду прежде всего то или иное видоизменение формы знака: «Поэтому в современной лингвистике по отношению к разным видам синонимии понятия варианта и вариативности не используются. Они применяются главным образом к таким различиям языковых единиц, которые не связаны с разницей в их значении. Иначе говоря, вариативность – это прежде всего несоответствия во внешнем виде, в форме языковых знаков, которые имеют один и тот же смысл... Возникает вопрос: на каком основании мы говорим о вариантах, вариативности? Ведь вариант – это видоизменение, разновидность какой-то основы. Но что может рассматриваться в качестве такой основы, допускающей варьирование? Какова точка отсчета при установлении вариативных форм? При ответе на эти вопросы мы сталкиваемся с одним из фундаментальных лингвистических и социолингвистических понятий – понятием языковой нормы [2, с. 37-39].

Между тем, в функциональной лингвистике отношения инварианта и варианта видятся несколько иначе [9]. Покажем их на примере фонологии и семантики. Так, фонема <г>, существующая в системе фонем русского языка как «не- <х>», «не-<к>», «не-<т>» и другие, определяется набором фонологических признаков.

Фонема в этой форме своего существования как один из идеальных звуков, избранных русским языком для формирования своих означающих, является инвариантом по отношению к множеству вариантов. Это – звукотипы, реализующие ее в различных фонетических условиях, именуемых в фонологии позициями. Так, в сильной позиции фонема <г> реализуется звукотипом [г]; в слабой, например, в конце слова – [к]; в словах «бухгалтер», «господи», «бог» … – [γ].

Варианты фонемы <г>, не будучи тождественны по своим субстанциональным свойствам, тем не менее, тождественны функционально. Они являются манифестаторами фонемы в той или фонетической позиции. Конечно же, основной вариант фонемы <г> звукотип [г] – это иной звукотип, чем, скажем, вариант [к], представляющий фонему в слабой позиции. Иной артикуляторно и акустически. Тем не менее, эти звукотипы тождественны по своей функции: цель их бытия в системе русского языка – бытие вариантами конкретной фонемы.

Это пример демонстрирует важную для лингвистики ситуацию функционального тождества субстанционально нетождественных единиц.

Отношения функционального инварианта и вариантов изоморфны для всех подсистем языка. В семантике эти отношения осложняются односторонностью инварианта и двусторонностью знаковых вариантов. Мы писали об этом феномене, именуя его «семантема» и определяя в качестве основной единицы системы номинативных средств естественного языка [9].

Рассмотрим в качестве примера семантему ‘неформальный лидер’, которая на уровне языковой абстракции представляет собой стратифицированный набор сем: ‘лицо’ ‘направляющее деятельность’ ‘социальной группы’ ‘на основе авторитета, неформальной власти’.

В различных позициях номинации эта семантема может быть реализована следующими вариантами: *«лидер», «вожак», «главарь», «неформальный руководитель», «неформальный лидер», «руководитель не по праву, а по авторитету», «неофициальный руководитель», «руководитель не по должности, а по способностям»* и т.д.

Перечисленные слова и словосочетания функционально тождественны: их функция заключается в экспликации конкретного языкового понятия. Смысл существования этих номинативных элементов в языковой системе заключается в том, чтобы реализовывать данное языковое понятие в различных ситуациях именования. Лингвистическая сущность этих слов и словосочетаний заключается не в их знаковости, а в их бытии вариантами семантемы.

Фактором, обусловливающим существование множества вариантов семантемы, является разнообразие типовых ситуаций, в которых семантеме «приходится» реализоваться. Совокупность условий, определяющих осу-

ществляемый говорящим выбор одного из возможных способов экспликации языкового понятия, мы называем позицией.

Регулятивность языка присутствует в сфере номинации в форме типических состояний «среды» – в форме множества позиций, требующих использования определенных вариантов той или иной семантемы. Говорящий в своей речевой деятельности – «беспрерывном процессе номинации» – сталкивается с необходимостью выразить конкретное языковое понятие. Говорящий располагает арсеналом средств такого выражения – совокупностью вариантов семантемы. В каждом конкретном случае возникает своего рода «кроссворд»: для экспликации семантемы в данной позиции будет избрана та номинативная единица, которая с точки зрения субъекта говорения максимально точно соответствует числу и характеру «клеточек»-признаков, присущих данной ситуации. Аналогия с кроссвордом достаточно наглядна: если в задании к нему мы прочитаем формулировку сигнификата, например, `орган зрения`, который необходимо выразить в заданной ситуации, определяемой числом букв, то наши действия будут совпадать с поведением в реальной речевой ситуации: мы попытаемся отыскать слово с указанным нам смыслом, которое вошло бы в требуемое число клеточек или соответствовало бы заданным параметрам ситуации общения. Если «клеточек» три, это – «око», если четыре – «глаз» и т.д.

После этих примеров ясно, что, говоря о национальных вариантах русского языка, мы имеем в виду, что русский язык как инвариант, противопоставленный другим инвариантам, таким как английский язык, украинский язык, немецкий язык, реализуется множеством функциональных вариантов.

Этот инвариант реализуется в различных «позициях», каковыми выступают государства: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан и многие другие. Конечно же, основным национальным вариантом русского языка (подобно основным вариантам фонемы, семантемы и других языковых единиц) является российский вариант русского языка. Именно он, равно как и основной вариант фонемы или семантемы, в массовом сознании отождествляется с самим инвариантом.

Российский вариант русского языка, тем не менее, это один из национальных вариантов русского языка, существующих на территориях иных государственных образований. К сожалению, мы до обидного мало знаем о том, что из себя представляют «неосновные» национальные варианты русского языка: каковы основные направления их варьирования, какова мера или глубина варьирования – на все эти и многие другие вопросы нет не только ответов, но и инструментария для их получения.

Адекватное понимание отношений функциональных инварианта и вариантов снимает все измышления о том, якобы, что говоря о национальных

вариантах, мы пропагандируем «распад» русского языка, его «суржиковизацию» и прочие околоязыковедческие ужасы. Конечно, вечные стоны о «порче» русского языка, страстные призывы встать на его защиту, проклятия в адрес тех, кто посягает на его исконность, с точки зрения обретения популярности более привлекательны. К сожалению, они имеют мало общего с реальностью и недопустимы в серьезном языковедческом обиходе.

Как представляется, внимательное и адекватное отношение к принципиально присущему естественному языку свойству существовать в форме множества вариантов заставило бы нас наконец-то отказаться от одного из самых стойких окололингвистических мифов – мифа о том, что любое взаимодействие языков, взаимодействие, ставшее обыденным делом в эпоху глобализации, приводит к «порче» «чистых», «идеальных», «правильных» языков.

Великий и могучий русский язык «портят» столетиями, начиная с Петра Великого, а может быть и раньше. А он все остается великим и могучим как по причине своего действительного величия, так и потому, что «порча» при ближайшем рассмотрении оказывается явлением совсем иного порядка.

Итак, в центре внимания георусистики находится глобальное русскоязычное пространство, для именования которого мы предлагаем использовать термин «Русофония».

На этом пространстве существует особая общность людей, населяющих значительную часть нашей планеты, представляющая собой надгосударственное, наднациональное, надкультурное, надконфессиональное множество русофонов – лиц, использующих русский язык для осуществления социального взаимодействия.

Географические границы русофонии определяются только одним фактором – использованием русского языка как средства социального взаимодействия. Именно русский язык является главным и единственным интегрирующим фактором русофонии (равно как французский язык – по отношению к франкофонии, английский – к англофонии, украинский – к украинофонии и так далее…).

Русофония – ровесница русского языка. Ее размеры и структура варьировались в разные эпохи, в разные времена, но Русофония существует с тех пор, как возникает русский язык. Существует в теснейшем переплетении с другими «-фониями», с которыми она взаимодействует и конкурирует.

Обратившись к истории языкознания, а именно к средним векам, мы обнаружим там феномены сходной природы: «Воспринятые от античности элементы цивилизации обретают новую жизнь. Они оказываются включенными в те надгосударственные культурно-идеологические образования, которые складываются под влиянием различных религиозных концепций. Каждый из складывающихся (под влиянием религии) вторичных культурных миров – конфуцианство, буддизм, брахманизм, джайнизм, ислам, иудаизм,

православие, католицизм и т. п. – характеризуется определенной правовой общностью. **Границы этих «миров» определены границами распространения текстов на соответствующих языках. Тексты идеологического, нравственно-этического, историко-культурного содержания играют ведущую роль в поддержании цельности этих «миров»** (выделено нами – *А.Р.*). В целях сохранения смыслового единства тексты канонизируются. Канонические тексты выходят за пределы государственных образований, стремятся охватить возможно большее количество людей, расширить территорию их применения. Общество оказывается как бы разделенным каноническими текстами, письменными «культурными» языками, совершенно независимо от родовых, племенных или территориальных языков и диалектов, их близости или неблизости, родства или неродства» [1].

За «вторичными культурными мирами» легко угадываются соответствующие «-фонии» в том понимании, которое предлагается в данной статье. В функции интегрирующих текстов сегодня выступают также своего рода «канонические» тексты, к каковым следует отнести произведения русской классической литературы и науки.

Конечно же, понимание Русофонии (или русскоязычного пространства – термин не имеет особого значения, главное правильно увидеть это явление и дать ему адекватное определение), которую, в зависимости от цивилизационных пристрастий, можно назвать также Русословие или Русоречие, не может быть сведено к простому множеству русофонов. По своему устройству Русофония (как и любая иная «-фония») представляет собой стратифицированное множество национальных вариантов русского языка. Основными составными частями этой сложнейшей системы являются центр, ядро и обширные периферийные зоны.

Решающее значение для адекватного понимания феномена Русофонии и, соответственно, определенного видения объекта русистики имеет, на наш взгляд, последовательно системное толкование центра, ядра и периферии системы как равноправных составных частей целого, обладающих разными функциями. Термины «центр», «ядро» и «периферия» не имеют значение ‘столица’ и ‘провинция’, ‘главное’ и ‘второстепенное’, ‘лучшее’ и ‘третьесортное’.

Если ядро – это носитель качественной определенности системы, то периферия выполняет не менее важную функцию – она обеспечивает взаимодействие с другими системами. В случае Русофонии – с другими языковыми мирами. Интерфейсом этого взаимодействия являются национальные варианты русского языка.

Очевидно, что центральной частью русофонного языкового коллектива является население России. К ядерной части мы относим население стран, в которых русский язык является одним из основных средств осуществления

социального взаимодействия, независимо от того, является ли он родным или приобретенным, – это Украина, Белоруссия, Казахстан и другие страны СНГ.

На поистине безбрежной периферии этого без преувеличения всепланетного пространства – все те, кто в той или иной степени владеет русским языком.

Геолингвистика обязательно построит классификацию языковых миров. В первом приближении в основу ее могут быть положены такие признаки, как глобальность или неглобальность; количественные характеристики (георазмеры, количество контактов с другими языковыми мирами и, как следствие, количество национальных вариантов; число носителей, число стран-носителей и др); непрерывность/«пятнистность» языкового мира и многие другие.

В системе представлений георусистики кардинальным образом изменится оценка самого феномена межъязыкового взаимодействия. И это изменение стимулируется не только и не столько закономерностями развития человеческого познания.

Не будет преувеличением сказать, что все существующие на Земле естественные языки участвуют в глобальном состязании, победители которого станут теми языками, на которых будут говорить земляне в далеком будущем. Именно победители, потому что, по моему глубочайшему убеждению, человечество никогда не станет моноязычным.

Круг потенциальных претендентов на победу в этой «языковой гонке» человечество уже определило. Это – мировые языки, в число которых входит и русский язык.

У меня нет сомнений в том, что именно он будет той вершиной развития славянской языковой семьи, которая войдет в ограниченное число планетарных языков далекого – очень далекого – будущего. Но будет ли это тот язык, который мы объявляем каноном и пытаемся оградить от любого взаимодействия с иными языками, привычно объявляя результаты такого взаимодействия «порчей»? Я уверен, что нет. Это язык, воспринявший все самое продуктивное из тех языковых систем, с которыми ему довелось взаимодействовать. Это язык, коллектив носителей которого нашел в себе мудрость осознанно работать над совершенствованием своего языка. И здесь нельзя не сказать о том, что такая постановка проблемы влечет за собой необходимость разработки моделей совершенствования русского языка и соответствующей языковой политики, способствующей их реализации.

Борьба языков за существование является объективным процессом, и все языки нашей планеты вольно или невольно принимают в ней участие. Владея или имея дело исключительно с теми языками, которые находятся в «лидирующей группе», мы часто не представляем себе масштабы гибели языков. Потрясающе информативным в этом смысле является «Красная книга» языков народов России.

Поэтому объективный процесс сокращения числа языков, обслуживающих коммуникативные потребности землян, не должен быть процессом уничтожения языков, поглощения языков, забвения языков. Проблема заключается в том, каким способом сделать так, чтобы «слабые» языки в этом глобальном процессе стали не поглощаемыми объектами, а партнерами в формирования мировых языков.

Это и должно стать одним из направлений деятельности георусистики, которая должна стать наукой не о консервации русского языка в его мифической – «чистой» – ипостаси, а о его совершенствовании. Георусистика должна сделать процесс совершенствования русского языка как главного интегрирующего фактора русскоязычного пространства осознанным, управляемым, целенаправленным. Если для традиционной русистики желателен и достаточен моноязычный исследователь, то для георусистики насущно необходим полилингв, способный к осознанному отношению к взаимодействию языков, способный критически относиться к иным языковым системам с целью совершенствования системы своего родного языка. Ближе всего к этому – специалисты по РКИ, знающие трудности изучения русского языка для людей разных национальностей. Это знание должно быть переориентировано под новый вектор: что в русский язык может быть заимствовано для его совершенствования. Это тонкий процесс, требующий особого такта, вкуса, знаний, квалификации. Это процесс интимный, имплицитный, требующий на определенном этапе целой системы внедрения соответствующих изменений в повседневную языковую практику. Языковые коллективы, осознавшие масштаб власти, даваемой геолингвистическим знанием, и осознанно предпринимающие усилия для переориентации деятельности лингвистов в новом направлении, получат неоспоримые преимущества.

В этом смысле исследование национальных вариантов русского языка является источником бесценной информации, потому что в процессе взаимодействия языков каждый из них получает возможность оптимизации того или иного звена своей структуры.

Подобные исследования требуют соответствующего инструментария, позволяющего получать адекватное знание. В этом отношении особенно актуальна разработка функциональной концепции механизма языкового варьирования.

Дело в том, что вопреки бытующему мнению возникновение вариантов языка связано не только и не столько с появлением новых – не существующих в одном из них – языковых единиц. Механизм варьирования функционален и связан, прежде всего, с изменением ценностных качеств языковых единиц [7].

Мы уже писали о том, что русская фонема <г> как один из идеальных звуков, избранных русским языком для формирования своих означающих, реализуется на уровне типов микрополем своих вариантов, в роли которых выступают звукотипы. Основным вариантом фонемы <г> является [г], пред-

ставленный в сильной позиции. В то же время основной вариант [г] не является единственным вариантом. В других фонетических позициях фонема <г> реализуется другими звукотипами ([γ],[к]…), являющимися неосновными вариантами данной фонемы.

Система русского языка в процессе возникновения национальных вариантов остается неизменной: фонема <г>, равно как и другие фонемы русского языка, формируют единый для всего языкового мира звуковой строй. Изменяется ценность того или иного варианта фонемы в соответствующем микрополе. Так, (несомненно под влиянием украинского языка) в украинском варианте русского языка [γ], который в российском варианте русского языка допустим в ограниченном количестве слов, стремится занять позицию основного варианта. Думаю, пришло время признать, что данное явление уже не может быть определено как речевая ошибка. С учетом существования российского и украинского вариантов русского языка следует, видимо, говорить о том, что для последнего [г] и [γ] допустимы в сильной позиции.

В случае с пресловутыми «на Украине» и «в Украине» действует тот же механизм: в украинском варианте русского языка в позиции основного варианта оказался неосновной вариант выражения данного сигнификата. Мы уже говорили и писали о том, что на вопрос «как правильно «на Украине» или «в Украине»?» может быть дан только один ответ: в российском варианте русского языка правильно «на», в украинском – «в».

Вместе с тем, конкуренция «в» и «на» в этом случае является блестящим образцом того, как национальные варианты русского языка влияют друг на друга. Это интереснейшая проблема, заслуживающая особого внимания.

Итак, фонологическая и грамматическая система русского языка – едина и неизменна. Различные национальные варианты используют те возможности, которые в ней заложены. Очевидно, что и [γ] и «в Украине» не являются заимствованиями.

Сказанное в полной мере применимо и к системе номинативных средств русского языка. Механизм изменения ценности варианта семантемы в разных национальных вариантах русского языка изоморфен фонемному.

Очевидно, однако, что функциональное описание механизма возникновения национальных вариантов русского языка в рамках георусистики должно быть сопряжено с вопросами, традиционно относимыми к социолингвистической проблематике.

Между моими первыми выступлениями по этому поводу и сегодняшним днем прошло достаточно много времени. Мне кажется целесообразным привести здесь некоторые, на мой взгляд, наиболее показательные на них реакции. Это нужно в том числе и для того, чтобы «детские болезни», которыми уже переболели германистика и романистика, у русистов протекали с меньшими осложнениями.

Так, например, отрицание самого факта существования того или иного национального варианта языка на начальном этапе осознания этой проблемы в том или ином социуме является непременным, обязательным условием развития процесса. Это наблюдалось, в частности в Новой Зеландии, где длительное время в прошлом в самой стране и за ее пределами ставился под сомнение сам факт существования самостоятельного новозеландского варианта английского языка, который возникает в том числе и во взаимодействии с языком маори.

Вызывает резкие возражения тезис о паритете отдельных национальных вариантов одного языка и, как следствие, тезис о том, что литературная норма национальных вариантов может отличаться. Как правило, мотивы этих и многих других возражений находятся за рамками лингвистики.

Закономерное, естественное и благотворное взаимодействие русского и украинского языковых миров не могло не привести к возникновению украинского варианта русского языка. Равно как и российского варианта украинского языка. К сожалению, оба эти интереснейших феномена практически не исследованы прежде всего по идеологическим причинам.

Между тем, осознание того факта, что украинский национальный вариант русского языка не является «языком враждебного государства», чуждым для нашей страны, а напротив, есть «наш» язык, язык, порожденный самим существованием Украины, должно в немалой степени способствовать выбору адекватной языковой политики для нынешней украинской языковой ситуации.

Хотелось бы рассказать здесь о дискуссии, которая развернулась на последнем конгрессе МАПРЯЛ в Варне, в ходе которой представляющий Финляндию профессор Арно Мустайоки, рассказывая о языковой ситуации в своей стране, сказал, что «наш шведский» очень отличается от «шведского шведского», и что этот факт давно не обсуждается в соответствующих лингвистических науках.

Нам очень хотелось бы, чтобы выражение «наш русский» стало нормой для всех жителей Украины и даже для такой специфической категории этого населения как политические деятели. Как представляется, наступил такой момент нашей и государственной и научной истории, когда мы должны понять, что «російська мова» – это не ‘язык России’, а, по сути своей, наш украинский национальный вариант русского языка,

Георусистика это наука о русофонии – о мире, творимом русским языком и взаимодействующем с другими языковыми мирами.

Нам следовало бы признать, что «русскоговорящесть» как свойство личности не предполагает тождество национальности, культуры, отечества. Это иной вид общности людей, вид, приобретающий едва ли не решающее значение в эпоху глобализации. Это вид, разрушающий «старые» идентичности и творящий новые. Нельзя недооценивать меру внутреннего единства такого

языкового мира, прежде всего потому, что язык – это орудие власти, язык – это орудие влияния на сознание человека.

Итак, русистика должна стать наукой, ориентированной на исследование взаимодействия русского языка с другими языками с целью постоянного совершенствования русского языка.

Источники и литература

1. Амирова Т. А. Очерки по истории лингвистики / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. – М. : Наука, 1975. – 559 с.

2. Беликов В. И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.:РГГУ, 2001. – 439 с.

3. Капра Ф. Паутина жизни / Ф. Капра. – К.: «София»; М.: ИР «София», 2003. – 336 с.

4. Кибрик А. А. Лингвистическая география [Электронный ресурс] / А. А. Кибрик. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/LINGVISTICHESKAYA_GEOGRAFIYA.html

5. Кузнецов С. Н. Геолингвистика [Электронный ресурс] / С. Н. Кузнецов. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/printer_197.html

6. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / А. Н. Рудяков // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 7-10.

7. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика / А. Н. Рудяков. – Симферополь: Таврия-плюс, 1998. – 224 с.

8. Рудяков А. Н. Русофония и русистика в XXI веке / А. Н. Рудяков // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, – 2007. – № 110, т. 1. – С.7-9.

9. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – К.: Грамота, 2004. – 224 с.

10. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В. Ю. Михальченко) / В. Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

11. Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. – М., «Academia», 2002. – 378 с.

В. Ю. Михальченко

Национальный вариант языка как результатего адаптации к этнолингвистическим условиям

Вариант языка является одной из форм его существования. Он возникает в ре-зультате дифференциации языка под влиянием различных этнолингвистических факторов. В социолингвистике различаются следующие разновидности (варианты) языка в зависимости от причин, вызвавших их появление: социальные варианты (социальные диалекты, социолекты), возникающие в процессе функционирования в различных социальных слоях общества, территориальные варианты языка (территориальные диалекты), этнические варианты языка (этнолекты) и национальные варианты языка, являющиеся результатом территориального обособления носителей языка и развития в разных территориально-государственных образованиях, например национальные варианты английского языка в Англии, США, Канаде, Австралии [10, с. 35]. Можно считать, что варианты языка формируются под влиянием специфики экстралингвистического контекста и являются одной из форм адаптации языка к условиям функционирования. Как из-вестно, для формирования вариантов языка важны не только экстралингвистические факторы, но и длительность их действия. В науке большинством ученых признаются варианты таких языков, как английский, испанский, французский. Хотелось бы вкратце обратить внимание на процессы и специфику формирования этнических и национальных вариантов русского языка. Нам представляется, что наиболее удобно рассмотреть эти процессы на материале стран, в которых контакты русского языка с местными языками имеют длительную историю, с одной стороны, и достаточно хорошо изучены, с другой стороны. Наиболее важными параметрами формирования национального варианта является наличие экстралингвистических условий, длительность совместного функционирования языков и наличие достаточного количества изменений в русской речи местных русскоязычных общностей. Таким образом мы попытаемся рассмотреть этот вопрос на примере функционирования русского языка в Республике Литва.

Литва является одной из наиболее монолитных в национальном отношении стран Европы (ср. 1989 г. ≈ 82,5%, а в 2004 г. ≈ 83,5% жителей являются литовцами). Другие крупные языковые общности – русские и поляки по своей численности в последние десятилетия поменялись местами: если в 1989 г. русская языковая общность составляла 9,4% жителей Литвы, а польская – 8,2%, то в 2004 г., наоборот, более крупной стала польская языковая общность – 6,7% жителей (ср. русская языковая общность – 6,3%>). Более значительным, чем изменения в национальном составе жителей, было влияние юридического фактора – объявления литовского языка государственным

языком республики. Это создавало условия для целенаправленного, планомерного расширения общественных функций литовского языка в разных сферах организованного общения среди различных языковых общностей. В советский период в Литве функционировала трехкомпонентная социально-коммуникативная система, поскольку литовский, русский и польский языки в разной степени функ-ционировали в некоторых сферах организованного общения (начальное, среднее, высшее образование, книгопечатание, массовая коммуникация). В связи с этим создавались возможности для формирования языковой компетенции русского и польского языков не только в домашнем общении, но и в школах. Это создавало условия для успешного дальнейшего функционирования этих языков в разных сферах культуры указанных языковых общностей [8].

В постсоветские десятилетия усилились тенденции языкового единения респуб-лики, что выражается в действии следующих тенденций:

– расширяются социальные функции литовского языка в сферах орга-низованного общения,

– постепенно к государственному языку приобщаются разные языковые общности республики,

– активизируются социальные функции иностранных языков, в частности анг-лийского,

– постепенно сужаются социальные функции языков нацменьшинств, каковыми являются русскоязычная и польскоязычная общности.

Таким образом, меняется состав и доминанты социально-коммуникативной системы в республике: усиливаются функциональные позиции литовского языка, который постепенно становится функциональной доминантой, повышается социальный престиж иностранных языков, особенно английского, который фактически становится средством единения, интеграции в Европейский Союз. Статус русского языка в Литве – язык национального меньшинства (6,3% населения). Языковые права этой и других языковых общностей представлены в «Европейской Хартии национальных языков», которую Литовский Сейм ратифицировал и реализует в своей языковой политике. Следует отметить, что наиболее благоприятные условия для реализации языковых прав нацменьшинств обычно создаются в районах их компактного проживания: наибольшее количество русскоязычного населения проживает в портовом городе Клайпеде (21,3% всех жителей города) и в Вильнюсе (14%), поэтому именно в Клайпеде на русском языке выходят из печати не только еженедельники, но и ежедневник.

Говоря о статусе русского языка в Литве, следует помнить о том, что русский язык – язык с широкими общественными функциями, один из языков ООН и ЮНЕСКО, язык международного общения. Чаще всего о его функциях в Литве исследователи пишут лишь в связи с тем, что это язык русской или

русскоязычной диаспоры, т.е. национального меньшинства. Хотя эти функции пересекаются, видимо, нельзя забывать о том, что важно его функционирование в обучении всего населения республики, так как именно в этой сфере формируется языковая компетенция. Так, русский язык в литовских общеобразовательных школах изучают как второй иностранный язык с 6-го класса. Русский язык как иностранный в последнее время становится все более популярным, его изучают почти 67% учащихся, посещающих литовские школы. В 2002 году 83% жителей Литвы указали, что из всех иностранных языков лучше всего знают русский язык [газета «Литовский курьер», 2005, № 8]. Таким образом, фактический статус русского языка в Литве значительно превышает уровень его юридической трактовки, юридического статуса.

Учитывая изложенное выше, можно отметить, что в Литве произошли значительные изменения в функционировании социально-коммуникативной системы республики. Функциональной доминантой стал литовский язык, а языки нацменьшинств постепенно сужают свои функции. На смену этим функциям приходит литовский язык. Меняются и типы двуязычия: если в советское время наиболее распространенными были литовско-русское и русско-литовское двуязычие, то в настоящее время усиливаются позиции литовско-английского и других типов двуязычия с иностранными языками, причем наиболее распространенным вторым иностранным языком является русский язык.

В республике изменился вектор развития социальных функций языков. Этот вектор направлен в сторону расширения социальных функций литовского языка как языка единения многонационального населения республики, а также в сторону усиления, активизации иностранных языков как средств интеграции Литвы в Европейский Союз. Русский язык продолжает функционировать в Литве в качестве полифункционального языка. Он применяется в республике как язык межличностного общения людей разных национальностей, а также как язык русскоязычной общности. Русский язык функционирует в высшем и среднем образовании, а также в сфере массовой коммуникации [2]. Наряду с этим можно отметить и некоторые неправомерные, отрицательные явления. Так, наблюдаются процессы постепенного вытеснения русского языка из школьного обучения русскоязычной диаспоры (перевод детей в литовские школы, сокращение уроков русского языка, сокращение количества школ), что вызывает недовольство русского национального меньшинства. Видимо, в этой области иногда игнорируется принцип постепенности, добровольности. Конечно, имеются основания расширять социальные функции государственного языка, усиливать его функцию средства единения языковой общности, однако гармоничное развитие сложной языковой общности республики требует учета желания диаспоры культивировать собственный родной язык и свою нацио-нальную культуру.

С точки зрения социальной лингвистики при изменении языковой ситуации необходимо учитывать социальные потребности всех языковых общностей и во избежание языковых конфликтов смену языковых доминант следует проводить медленно. Мировой опыт содержит примеры постепенного, бесконфликтного изменения языковой ситуации: в Индонезии языковая смена, по прогнозам ученых, будет длиться почти сто лет – с 1941 по 2041 гг. [10, с. 97].

Таковы основные тенденции софункционирования компонентов социально-коммуникативной системы в Республике Литва на современном этапе. Эти тенден-ции отражают ситуацию переходного периода, формирование новой языковой ситуации, при которой функциональными доминантами, основными компонентами социально-коммуникативной системы вместо дихотомии литовский/русский становится литовский/английский. Судьба русского языка, его место в социально-коммуникативной системе республики, скорее всего, будет зависеть от успехов развития Российской Федерации и от интенсивности экономического и культурного сотрудничества между двумя странами.

Встает вопрос: имеются ли результаты функционального взаимодействия литовского и русского языков? Отражается ли оно в языковом или речевом взаимодействии? Совершенно очевидно усиление влияния английского языка на литовский язык и ослабление влияния русского языка на литовский язык. Вместе с тем вектор взаимодействия компонентов социально-коммуникативной системы явно склоняется в пользу функциональной доминанты – литовского языка. Следует отметить, что многовековое экономическое и культурное взаимодействие балтийских и славянских народов дало незначительные результаты влияния балтийских языков на русский литературный язык [3, с. 68, см. также Топоров, 1972]. В. Кипарский отметил всего 12 слов, которые русский литературный язык заимствовал из балтийских языков: деготь, пакля, ковш, кувшин, янтарь, ендова (яндова), вентерь, валандаться, баланда, клуня, скирда, курпы. Однако влияние одного языка на другой не исчерпывается конечными результатами – вхождением слова в систему лексики литературного языка. Существуют промежуточные результаты речевого взаимодействия: окказиональные, локальные и региональные заимствования [6; 9]. Все зависит от силы импульса –достаточен ли он, чтобы то или иное чужое слово распространилось в той или иной чужой языковой общности. Важными причинами таких заимствований является «безэквивалентность» лексики, языковой дефицит, частотность и социальная актуальность тех или иных слов для языкового существования языковой общ-ности.

В «Словаре балтизмов в славянских языках» Ю. А. Лаучюте представлены слова балтийского происхождения, заимствованные в славянские языки непосредственно из балтийских языков, через посредство других языков (на-

пример, в северные диалекты русского языка через посредство например, финских языков) и слова небалтийского происхождения, проникшие в славянские языки через посредство балтийских языков [6, с. 4]. При составлении словаря учитывались разные сферы функционирования балтизмов – разговорный язык и язык памятников письменности. Особое внимание автором уделено географии распространения балтизмов в славянских языках, что дает представление об относительной хронологии балтизмов и о том, какие из славянских языков испытали наиболее сильное влияние, а какие – более слабое.

Изменение в социально-коммуникативной системе Литвы, а именно усиление функционирования государственного литовского языка, по свидетельству ученых, отражается в том, что русский язык в Литве из-за влияния на него литовского языка приобретает специфические черты [1].

Литовский язык в связи с новыми условиями его функционирования в Литве усиливает влияние на русскую речь соответствующей языковой общности. Взаимодействие русского языка с литовским происходит во всех сферах функционирования русского литературного языка: бытовой, общественно-политической, научной и официально-деловой. Н. Авина приводит следующие примеры влияния литовского языка на русский язык:

1) в русской речи используются литовские слова, преимущественно отражающие новые реалии и не имеющие аналогов в русской действительности: «seniūnas» староста, «seniūnija» округ, в котором ведет дела староста, «savivaldybė» самоуправление, «pašalpa» денежное пособие;

2) расширение значения и сочетаемости слов, чаще всего интернационализмов: «akcija» акция, действие, связанное со снижением цен, скидка, «studija» изучение;

3) семантическое и фразеологическое калькирование: красивая погода, красивый день – по аналогии с литовскими словосочетаниями «gražus oras» «graži diena»;

4) активизация синтаксического калькирования: Благодарим Вам за участие; Пока нет оснований сомневаться словам генерала.

Автор отмечает также другие явления взаимодействия языков (в ударении, в письме) и делает вывод о том, что «влияние литовского языка распространяется на различные системные уровни русского языка, на разные формы его функционирования – устную и письменную» [1, с. 4].

Совершенно очевидно, что лексические заимствования из литовского языка в русскую речь закономерны, так как практически заимствуется безэквивалентная лексика, называющая реалии жизни республики, не имеющие соответствий ни в реальной жизни метрополии, ни в исконном языке. Таким образом, эти заимствования восполняют языковой дефицит и, видимо, распространены в силу своей социальной актуализации на всей территории ре-

спублики. В совокупности с указанными Н. Авиной другими явлениями влияния литовского языка на русскую речь в Литве они придают региональный колорит местной русской речи, формируя региональный вариант русского языка, отличный как от языка метрополии, так и от русской речи в других регионах мира.

Результаты взаимодействия русского языка в Литве с другими языками трудно оценить однозначно. С одной стороны, влияние литовского языка на русскую речь местного населения способствует социальной адаптации языковой общности к местным условиям, с другой стороны, явления взаимодействия нередко снижают культуру речи русских в Литве. Чрезмерное увлечение заимствованиями, особенно без надобности может привести к нежелательным для культуры речи последствиям. Так, например, исследования речи русских в Шяуляйским районе Литвы показали, что 62,2% информантов слишком часто используют литуанизмы в своей речи: в среднем каждое 21-е слово в их речи – литовское [13].

Особенный интерес вызывает смена трехкомпонентной системы обращений (имя, отчество, фамилия) на двухкомпонентную – имя + фамилия или должность (звание) + фамилия, например, «Ольга Петрова» или «преподаватель Петрова». Отметим, кстати, что отчество часто не употребляется и в современном русском литературном языке метрополии из-за влияния западных языков, в основном английского. В Литве изменение трехчленной традиционной системы под влиянием литовского меняется в сторону расширения употребления названий лиц по специальности, родству, соседству.

Исследователи отмечают, что проблемы культуры речи актуальны для русских всех социальных слоев, причем наиболее низкая культура русской речи наблюдается в Вильнюсе и Вильнюсском районе. Относительно правильна русская речь Клайпеды, Каунаса, а в Висагинасе, в котором проживает преимущественно русское население с высоким социально-образовательным уровнем, наиболее правильная [1].

Таким образом изменение языковой ситуации в Литве, усиление одного из компонентов социально-коммуникативной системы и пополнение, активизация новых компонентов социально-коммуникативной системы влияют на речевую практику разных языковых общностей. Это влияние сказывается в том, что усиливается употребление безэквивалентной лексики, локальных заимствований в речи разных языковых общностей, в то же время сам литовский язык испытывает усиление влияния английского языка. Процессы функционального взаимодействия влекут за собой речевое взаимодействие, снижающее культуру речи разных языковых общностей. Это делает актуальными сознательные усилия нормализаторов языка в проведении основных правил в жизнь. Некоторые языковые общности, например, русские, лишены помощи нормализаторов языка, т.к. нет органов, людей, аргументирующих

употребление локальных заимствований, закономерности их замены русскими соответствиями. В связи с этим возникает опасность потери данной языковой общностью русского лите-ратурного языка и его замены другой формой существования языка.

Язык, функционируя в условиях широкого распространения другого языка, обычно вырабатывает, с одной стороны, средства социально-речевой адаптации к этим условиям, с другой стороны, способы сохранения исконного языка, культурных традиций. В сосуществовании и в противостоянии этих двух тенденций состоит специфика динамики развития изолированной языковой общности [5]. Признавая социальную дифференциацию русского языка, наличие разных форм его существования в России, нельзя игнорировать его варьирование в зависимости от его контактирования с другими языками мира. Совершенно очевидно, что русскоязычные языковые общности в социальном плане не однородны и их речь в разной степени подвержена влиянию этнолингвистических условий. Этнолект, который формируется в результате адаптации речи к этническим условиям, или же национальный вариант языка, который подвержен усиленному влиянию местного языка, являются такими же формами варьирования языка, каковые наблюдаются в местах проживания основной массы носителей языка. Литературная форма существования языка, поддерживаемая средствами массовой коммуникации, школьным обучением, в наименьшей степени по сравнению с другими формами существования языка подвержена влиянию местных этнолингвистических условий и является своеобразным хранителем особенностей, черт исконного языка. Таким образом, мы считаем, что имеются все основания говорить об этнолектах и национальных вариантах языков как способах адаптации того или иного языка к определенным этнолингвистическим условиям.

Источники и литература

1. Авина Н. Язык русской диаспоры в современной Литве. // Отечественные записки, № 2 (23), 2005.

2. Казлаускене В. Литовский язык: проблемы применения в Восточной Литве в по-следнее десятилетие XX века. // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinatnes lasījumi materiāli. Vēsture, YI sējums, I daļa. Daugavpils, 2003.

3. Кипарский В. О балтизмах русского литературного языка. // Baltistica, 1973, IX (1).

4. Кондрашкина Е. А. Индонезия: языковая ситуация и языковая политика. М. 1986.

5. Контакты русского языка с языками народов Прибалтики. – Рига, «Зинатне», 1984.

6. Лаучюте Ю. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.

7. Литовский курьер, 2005, № 8.

8. Михальченко В. Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс, 1984.

9. Михальченко В. Ю. Влияние литовского языка на разные формы существования русского языка. // Взаимодействие и взаимообогащение языков СССР. М., 1987.

10. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В. Ю. Михальченко) / В. Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

11. Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos vyriausybės – www std.lt

12. Топоров В. Н. К вопросу о балтизмах в славянских языках (теоретический взгляд). – Latvijas PSR Zinatņu Akadēmijas Vēstis, 1972, N 2.

13. Шифрисова Ф. Ю, Абросимова Н. Некоторые особенности использования литуанизмов в родной речи русских Шяуляйского региона. // Valoda – 1999, Humanitārās fakultātas, IX. Daugavpils, 1999.

Е. А. Журавлева

Вариативность как основной признак мировых языков

Развитие этнических языков в современный период во многом зависит от межэтнической интеграции, «вида этнических процессов, заключающегося во взаимодействии уже сложившихся более или менее разнообразных по своим языково-культурным и др. параметрам этносов обычно в рамках многонациональных государств, что ведет к их постепенному сближению, к выработке общего самосознания и т.п.» [8, с. 50]. Результатом таких процессов может быть появление так называемых метаэтнических общностей. Межэтническая интеграция непосредственным образом влияет на языковую ситуацию: ведет к усилению языкового взаимовлияния, образованию языков-посредников, языков межнационального общения.

Связующим звеном всех этих процессов являются языковые контакты. Контакты – это наиболее заметные события языковой истории; именно контакты сильнее всего изменяют языки. «Изменения, обусловленные языковыми контактами, есть в истории каждого языка. Не существует генетически «чистых», «беспримесных» языков, которые бы в течение тысячелетий развивались без всякого влияния окружающей языковой среды, в полной обособленности от соседей. Любой современный язык – это сплав языковых элементов, происходящих из разных, родственных и неродственных языков и диалектов» [11, с. 170]. Любой исторически сложившийся развитый национальный язык является неоднородным, представляя собой достаточно сложную, многоступенчатую систему – совокупность форм, в которых он существует и проявляется. Это положение особенно актуально для языков мирового статуса, полинациональных языков, которые функционируют и развиваются вне метрополии и используются представителями нескольких этносов.

Ныне существующие этносы отличаются друг от друга не только по языку, особенностям культуры и традиций, по характеру и уровню общественного развития, но и по своей численности, типу расселения, по статусу в полиэтнических сообществах, в которые они включены либо целиком, либо частично. Все разнообразные этносы существующие на земном шаре в конце XX – начале XXI веков, живут компактно или разбросанно на территориях около 200 государств [6, с. 7].

Таким образом, современный мир и практически все существующие в нем государства полиэтничны, то есть население данных государств является этнически неоднородным. Полиэтничность государства напрямую связана с проблемой языков и аспектов для исследований языковедов открывается очень много, порою требующих безотлагательного решения.

В настоящее время все большее внимание лингвистов привлекают естественные языки все распространяющегося международного употребления.

К данному типу языков относятся прежде всего мировые языки, то есть те, которые признаны официальными, рабочими языками ООН: английский, французский, китайский, русский, арабский, немецкий.

Вопрос о мировых языках достаточно глубокий и рассматривается лингвистами неоднозначно. С древних времен многие нации боролись за признание господства своих языков в области международного общения. Между понятиями «мировой язык» и «международный язык» многие ученые ставят знак равенства. Под международными языками понимаются «языки, служащие средством общения народов разных государств … Выдвижение того или иного языка на роль мирового определяется совокупностью экстралингвистических (политических, экономических и культурных) и лингвистических факторов (к числу последних относится развитость функциональных подсистем языка, наличие отраслевых терминологий и пр.)» [20, с. 291]. Международные языки подразделяются на естественные и искусственные.

Понятие «мировой язык» – историческая категория XX в., она «качественно отлична от многих наддиалектных и наднациональных социально-языковых образований разных типов, в разных странах и в разные периоды: койне санскрита в Индии и странах буддизма, древнегреческого – в античной Европе, классического арабского – в мире ислама, средневековой латыни, французского в научном (в XVII-XVIII вв.), дипломатическом и ином общении, русского как «всесоюзного переводчика» … народов СССР и т.д.» [12, с. 56-57]. Мировые языки всегда имели большое значение для развития цивилизации и международных отношений, однако их роль никогда не была столь глобальной, как роль «мировых языков» в нынешних условиях научно-технического общечеловеческого прогресса, мощного потока информации, постоянных культурных и социально-экономических контактов, оперативной и всепроникающей сети массовой коммуникации, охватившей прессой, радиовещанием, звуковым кино и телевидением все континенты.

Мировыми языками признаются те, которые получили особенное распространение в силу разных причин, среди которых в качестве первостепенных можно рассматривать следующие: большое число говорящих на них людей (50-100 млн. и более), считающих их родными языками или пользующихся ими в качестве литературных в повседневной практической деятельности; большая территориальная распространенность (в нескольких странах, на нескольких континентах или, преимущественно, в одном, но крупном государстве); великие культуры, созданные на данных языках, пользующиеся авторитетом у других народов мира. Отнесение языка к разряду мировых – результат хотя бы одного из перечисленных, а чаще всех указанных факторов указывает на «более или менее международный характер данных языков тот факт, что их активно или пассивно знают или изучают во многих странах мира» [13, с. 54].

Мировой язык, будучи распространенным на огромной территории и употребляемым людьми разных национальностей, в зависимости от территории распространения и окружающей его иноязычной среды видоизменяется, оставаясь в ядерной своей характеристике тем же языком.

Наиболее важными и существенными для развития и функционирования языка являются следующие результаты деления языкового сообщества на несколько сообществ коммуникативных:

- В каждом из новообразуемых коммуникативных сообществ развиваются во всех важных видах деятельности собственные центростремительные тенденции, вырабатываются специфические формы и структуры общественного уклада, производства, культуры. Возникающие вследствие этого новые потребности в номинации в каждом из коммуникативных сообществ удовлетворяются автономно и своеобразно.
- В тех случаях, когда новообразованные коммуникативные сообщества представляют собой государственные образования, их границы будут препятствовать свободному распространению языковых инноваций за пределы данного сообщества. Различия в языковой политике, процессы унификации официального средства общения, особенности системы просвещения и др. увеличиваю дифференциацию языка и способствуют дальнейшему расхождению обеих его разновидностей.
- В каждом из таких коммуникативных сообществ существует особая языковая ситуация, своя специфика соотношений данного языка с другими контактирующими языками как внутри сообщества, так и за его пределами, что также способствует дивергенции.

«Под воздействием этих (и других) факторов один и тот же язык, функционирующий в разных коммуникативных сообществах, будет все в большей степени членениться на две или больше разновидностей, которые будут все более отклоняться друг от друга. Со временем возникает такое состояние, когда различия между такими разновидностями в инвентаре единиц, системных соотношениях элементов, функциях одних и тех же элементов становятся ощутимыми для самих носителей языка, и они начинают четко осознавать факт разделения их общего языка на особые варианты» [7, с. 8-9].

Так, исследуя английский язык, А. И. Домашнев говорил: «Наряду с известным принципом «один язык – одна нация» в действительности мы встречаемся довольно часто с языковыми ситуациями, когда две и более нации (национально-государственные общности) используют в качестве национального и официального (государственного) язык, который в лингвистическом плане, то есть с точки зрения сущности своей структуры и субстанции, является единым. Среди западноевропейских языков к ним относится английский язык в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии; французский во Франции, Бельгии, Канаде, Швейцарии; немецкий в Австрии, ГДР, ФРГ, Швейцарии; испанский в

Испании и большинстве стран Латинской Америки; португальский в Португалии и Бразилии» [5, с. 74]. Таким образом, мировой язык, активно используемый в разных странах, в окружении разных национальных языков, приобретает качества полинационального, поскольку отражает реалии окружающей его действительности и испытывает на себе влияние близкоконтактирующего языка, в каждом конкретном случае другого. Единство таких полинациональных, или национально негомогенных языков вовсе не предопределяет обязательного тождества их национальных «ипостасей», а, напротив, основано на признании того, что «…язык может не быть идентичным самому себе на всей территории своего распространения» [10, с. 393].

Язык, имеющий несколько центров развития, в которых формируются так называемые национальные варианты с собственными нормами, собственными языковыми процессами и с равноправным статусом, в лингвистике принято назвать полинациональным.

Полинациональный язык мы понимаем как «*вариант языка*, национально негомогенный язык, национально неидентичный язык, то есть используемый двумя и более нациями (национально-государственными общностями) в качестве *Национального языка, Государственного языка, Официального языка* и др.» [16, с. 172]. Краеугольным камнем данного положения являются понятия «национальная вариативность», то есть вид манифестации определенной языковой системы в соответствующем национальном центре; «национальные варианты», то есть варианты отдельных языковых единиц в национальных центрах; «(национальная) стандартная разновидность», то есть форма реализации языковой системы (в соответствующем национальном центре) на уровне кодифицированной нормы (соответствует понятию «национальный вариант литературного языка», принятому в отечественной вариантологии) [9, с. 12].

Согласно данным «Словаря социолингвистических терминов», «Полинациональный язык представляет собой особые формы функционирования единого языка (Г. В. Степанов), формы адаптации единого *литературного языка* к условиям, потребностям и традициям наций (А. И. Домашнев), плюрицентрический литературный язык (Г. Клосс), специфические черты полинационального языка проявляются в *кодификации языка* и образовании собственной (для каждого государства) *нормы* (А. И. Смирницкий). Полинациональный язык является разновидностью *нормы* единого литературного языка (напр., американский стандарт английского языка)» [16, с. 172]. Особое значение для теории полинациональных языков имеет термин «вариант», заимствованный из англо-американского языкознания, он для обозначения любой языковой разновидности, любого языкового вариантного типа или формы существования языка на основе представления о вариативности как основополагающем свойстве языковой системы и функционирования всех единиц языка и пред-

полагает рассмотрение данных языковых образований как вариантных типов с большей или меньшей степенью автономии в рамках определенного языкового целого.

Лингвистами достаточно глубоко изучены варианты таких полинациональных языков, как английский, испанский, немецкий.

Рассмотрены следующие варианты английского языка: Британский вариант английского языка – Ю. А. Зацный, Американский вариант литературного английского языка – А. Д. Швейцер, В. В. Тимофеева, Австралийский вариант английского языка – Л. Д. Почепцова, В. А. Мотовильская, О. А. Сабо, Л. А. Русецкая, Новозеландский вариант английского языка – Л. В. Турченко, Канадский вариант английского языка – Е. М. Бондаренко.

Испанский язык представлен в следующих вариантах: Кастильский вариант испанского языка – В. И. Саенко, Кубинский вариант испанского языка – И. А. Криворчук, В. С. Данилич, Колумбийский и Венесуэльский варианты современного испанского языка – З. М. Гогенко, Испанский язык Аргентины – С. А. Рызванюк, Испанский язык Кубы и Уругвая – И. В. Бонацкая, Испанский язык Кубы и Сальвадова – Н. П. Корбозерова, Испанский язык в Колумбии, Эквадоре и Пуэрто-Рико – Н. М. Фирсова. Проблеме испанского как полинационального языка посвящены труды ведущих латиноамериканских лингвистов: У. Тоскано Матеуса, Ф. Барриги Лопеса, У. Родригеса Кастело, Г. Альфредо Хакоме, З. Москосо Веги, М. Вакеро Рамиреса, М. Альвареса Насарио, П. Росарио.

Многочисленные варианты немецкого языка исследованы российскими учеными: Э. Д. Ризель, А. И. Домашневым, З. Г. Власовой, Г. А. Гаевской, И. Д. Перковской, Н. Г. Помазан, В. Т. Малыгиным, и зарубежными лингвистами: Г. Мозер, Б. Беш, А. Баур, Г. Риццо-Бауэр, А. Фальк, Р. Шлепфер, С. Кайзер, С. Эбнер, Я. Эбнер и др.

Проблему происхождения разновидностей французского языка в Америке ученые обсуждают до сих пор. Обширный анализ того, какие изменения произошли во французском языке за 400 лет его существования на чужой для него территории, в Канаде и США, дан в работах Н. И. Голубевой-Манаткиной, Канадский вариант французского языка рассмотрен в работах Е. А. Реферовской. В целом же, французский и португальский языки получили описание в меньшей степени, чем английский, испанский и немецкий языки.

Каждый из полинациональных языков имеет специфические черты, которые, однако, не всегда проявляются рельефно и имеют заметный отличительный характер, они могут касаться одного или нескольких ярусов языка. Наиболее заметны проявления особенностей в лексической системе, активном и пассивном запасе языка. Исследуя эту область, шведский германист С.-Г. Андерсон указывал, что, в одних случаях, между вариантами полинационального языка различий может почти не наблюдается, в других – существуют сформировавшиеся

национально специфические варианты данного литературного языка [1]. При рассмотрении национально-культурной специфики коммуникации обычно обращается внимание на ее проявление при сопоставлении разных языков. Исследователь испанского языка, как полинационального, Н. М. Фирсова подчеркивает, что «при изучении полинациональных языков не менее важно постижение национального своеобразия коммуникации носителей разных национальных вариантов одного и того же языка <…> В ряде случаев языковые единицы могут быть маркированы как лингвистической, так и экстралингвистической национально-культурной спецификой» [17, с. 17]. Уже само использование и отбор средств высказывания, которые не всегда прямо определяются системой языка, свидетельствуют о том, какое место в ней занимают эти средства. «Когда же происходит географическое или политическое обособление части социума, появляется множество новых денотатов, в состоянии языка накопляется все больше и больше отличий, и в результате он делится на варианты» [7, с. 13].

А. И. Домашнев предлагает проводить четкое разграничение различных типов дифференциации литературного языка, прежде всего потому, что в каждом отдельном из случаев литературный язык обладает различной функциональной стратификацией, имеет иную природу происхождения дифференцирующего материала, а также степень самой дифференциации литературного языка [4, с. 15].

Язык как естественная знаковая система развивается, то есть изменяется вместе с человеком и окружающим его миром. При этом, развиваются только те системы, которые функционируют. Развитие языка возможно только в том случае, если он выступает орудием речевой деятельности во всех ее видах: в говорении, слушании, чтении, письме. Развиваться может язык, если он употребляется не только в быту, но и в различных сферах человеческой деятельности (научной, производственной, социально-деловой, общественно-политической и в образовании).

Изучение сфер функционирования языка привело ученых к введению понятия «языковое пространство», под которым «могут пониматься географические, демографические или социальные параметры распространения того или иного языка в современном мире» [15, с. 5]. Другим важнейшим фактором, определяющим функционирование и развитие языков, является характер коммуникативного пространства. «Характерной особенностью современного открытого и динамично развивающегося общества является постепенный переход от состояния преимущественной моноэтничности к полиэтничности» [18, с. 7], а значит, постоянному взаимодействию людей разных национальностей, ментальностей и языков. В условиях глобализации мировой экономики, средств связи все более открытыми становятся языковые системы, что способствует взаимодействию языков, сближению их, интернационализации словарных фондов. По мнению В. П. Сидельникова,

процессам заимствования и связанной с ними интернационализации лексики «не могут помешать, а тем более остановить эти процессы, даже охранительные, протекционистские меры законодательного характера» [14, с. 26].

Приведение языка в действие осуществляется в процессе коммуникации, которая может быть моносоциумной, полисоциумной, монокультурной, поликультурной. Многоликость мира, его бесконечное многообразие находит свое отражение в многообразии форм и уровней его познания.

Таким образом, национальный вариант – это форма адаптации единого литературного языка к условиям, потребностям и традициям наций – носителей данного языка, иными словами, национальный вариант является особой формой функционирования единого литературного языка в условиях самостоятельного «коллектива сношений» [4, с. 16], нации – носителя данного языка.

Как указывает Ю. А. Жлуктенко, национальные варианты можно изучать с помощью двустороннего (билатерального) контрастивного анализа, рассматривая обе частные системы вариантов на фоне общей абстрагированной макросистемы, составленной путем отбора признаков наиболее общего характера. С не меньшим успехом может использоваться в изучении вариантов языка и метод одностороннего (унилатерального) контрастивного анализа, при котором специфика одного варианта раскрывается путем его сопоставления с другим вариантом, избираемым в качестве эталона. Чаще в этой функции используется исходный вариант данного языка – язык прежней метрополии. Не следует, однако, упускать из виду, что с момента дезынтеграции языкового сообщества исходный вариант тоже эволюционировал, причем развитие обоих вариантов обычно происходит обособленно и независимо. В случае параллельных генетических отношений в качестве эталона для сравнения чаще всего избирается тот вариант, который представлен наиболее развитой культурой и наделен большим социальным престижем [7, с. 17].

Для современного развития языков крайне важным фактором, определяющим функционирование языка и его развитие, является стиль мышления эпохи. Все, что имеет отношение к жизни сообщества людей, неизменно находит отражение в языке, который таким образом выполняет сложную функцию культурного кода высшего порядка. Глобализация экономической жизни является и причиной, и следствием широких межкультурных контактов, универсализации культурных процессов. Современная эпоха вносит немало нового в современный русский литературный язык, особенно в такие его области, как лексика и фразеология, сочетаемость слов, их стилистическую окрашенность и употребляемость.

Современное развитие русского языка на территории его исконного распространения и в бывших республиках Советского Союза, а ныне самостоятельных государствах, позволяет увидеть процессы, являющиеся актуальными не только в собственно лингвистическом, но и в социальном смысле. Разви-

тие русского языка в рамках ограниченного региона инонациональной среды заметно отличается от того же процесса, но происходящего в родной среде. При этом в каждом конкретном государственном пространстве контактируют и влияют друг на друга как минимум два языка: русский и государственный язык страны.

Учет многофункционального состояния русского языка, обслуживающего одновременно несколько национально-государственных общностей (в республиках Российской Федерации, в государствах постсоветского пространства), многомерное описание его существования на протяжении XX века представляются основанием для проникновения в сущность языковой системы современности и постижения специфики русского языка как полинационального.

А. Д. Швейцер подчеркивал, что, описывая национальный вариант языка, необходимо учитывать не только лингвистические, но и социальные признаки. К последним следует относить социальный статус языкового варианта в данном обществе, выполняемые им социальные функции и, наконец, структуру национального варианта [19].

Согласно классификации литературных языков, составленной М. М. Гухман [3, с. 544-546], в основу которой положены многие перечисленные выше признаки, по предлагаемым трем параметрам русский литературный язык относится к следующим типологическим разновидностям:

I. По охвату сфер общения – к литературным языкам с максимальной поливалентностью.

II. По характеру единства и уровню нормализационных процессов – к литературным языкам, имеющим основной стандарт, а также не кодифицированные варианты, используемые в ряде стран постсоветского пространства.

III. По степени обособления от обиходно-разговорных форм – к литературным языкам, сохраняющим связи с региональными формами разговорной речи.

Изучение конкретных национальных вариантов какого-либо языка сводится к установлению их специфики – всей совокупности тех его различительных признаков, которые дают основание считать его отдельной разновидностью данного языка.

Сопоставительный метод исследования национальных вариантов не может сводиться лишь к внешнему рассмотрению изучаемых объектов. Для носителя данного варианта практически не существует проблемы сравнения его с другими средствами общения – вариантами или языками. «Говорящий сравнительно редко сталкивается в общении с носителями иных вариантов, и собственная языковая микросистема – для него единственная реальность. Поэтому исследование национального варианта языка должно быть направлено в такой же мере на установление его внутрисистемных связей и закономерностей, как и изучение «самосто-

ятельных» языков. <…> Варианты микросистемы таким образом различаются не только составом своих средств, но и их организацией» [7, с. 19].

В. Г. Гак отмечает, что в отграничении национального варианта от других языковых образований (идиомов) решающее значение имеет его функциональный аспект. Функциональное поле каждого социума состоит из следующих важнейших функций:

А – устное бытовое общение;

Б – письменное неофициальное общение (художественная, научная, общественно-политическая литература, пресса);

В – официальное общение в пределах неотдельной административной единицы – государства (однонационального или многонационального);

Д – межгосударственное общение.

Это функциональное поле может охватываться одним идиомом или дробиться между несколькими идиомами, дополняющими друг друга [2, с. 32].

Казахстан с полным правом можно назвать живой лабораторией для изучения этой проблемы, поскольку он представляет собой уникальную социально-территориальную общность, где существуют и взаимодействуют языки разных этносов, прежде всего казахского и русского, и в настоящее время русский язык обеспечивает потребности межнационального общения в стране.

Современный русский литературный язык, функционирующий в Казахстане, проходит по всем названным параметрам, то есть используется в устном бытовом общении; письменном неофициальном общении: на нем созданы и создаются художественные произведения различного жанра и общественно-политическая литература, пишутся научные труды, защищаются докторские и кандидатские диссертации, распространены средства массовой информации всех видов: пресса, телевидение, радио, Интернет; официальный статус русского языка в Казахстане закреплен «Законом о языках»; он используется на уровне межгосударственного общения.

Особенностью русского полинационального языка, по отношению к другим полинациональным языкам, является то, что полинациональный характер русского языка проявляется не только в языке других этносов, использующих его в качестве родного, второго родного или языка межнационального общения, но в языке этнических русских, проживающих в полиэтничных государствах, в частности в Казахстане. Таким образом, согласно перечисленным параметрам, современный русский литературный язык является полинациональным языком и имеет свои национальные варианты, в частности, казахстанский вариант русского языка или русский язык Казахстана.

Изучению национальных, а также литературных языков, функционирующих в различных государствах и на разных территориях посвящен ряд лингвистических работ. Вместе с тем, как отмечается в современных исследова-

ниях современного состояния и перспектив изучения теории вариантности, при большом количестве имеющихся частных исследований, хотя и очень ценных, в настоящее время отсутствуют четко определенные методы и принципы изучения вариантов подобного типа, а степень обобщения отдельных наблюдений не всегда удовлетворяет требованиям построения единой теории, учитывающей все разнообразие случаев плюрицентричности функционирования языков. Остаются актуальными и недостаточно исследованными вопросы, связанные с характером варьирования языковых средств, обусловленным целым комплексом собственно лингвистических, психологических, социальных, национальных и других факторов.

Источники и литература

1. Andersson S.-G. Deutsche Standardsprache – drei oder vier Varianten? // Muttersprache. – 1983. – H.5/6. – S. 259-283.

2. Гак В. Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. – 1995. – № 5. – С. 32.

3. Гухман М. М. Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – С. 502-548.

4. Домашнев А. И. Национально-региональная вариативность немецкого литературного языка и австрийский национальный вариант современного немецкого литературного языка: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Л., 1970. – 44 с.

5. Домашнев А. И. Основные черты полинациональных языков // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. – М., 1990. – С. 74-96.

6. Ешич М. Б. Этничность и Этнос // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – С. 7-71.

7. Жлуктенко Ю. А. Теория национальных вариантов языка // Варианты полинациональных литературных языков. – Киев: Наукова думка, 1981. – С. 5-18.

8. Исаев М. И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – М.: Изд-во «Флинта. Наука», 2001. – 182 с.

9. Копчук Л. Б. Национальная и региональная вариативность лексики и фразеологии современного немецкого языка: Монография. – СПб.: Образование, 1997. – 170 с.

10. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике / Пер. с фр. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 366-566.

11. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.

12. Русский язык в современном мире / Отв. ред. Ф. П. Филин. – М., 1974. – 301 с.

13. Современное зарубежное языкознание / Отв. ред. А. С. Мельников. – Киев, 1983. – 206 с.

14. Сидельников В. П. Факторы, определяющие функционирование и развитие языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка / Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 26-27.

15. Солнцев В. М., Михальченко В. Ю. Русский язык: проблема языкового пространства // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 5-17.

16. Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж., Смагулова Ж. С., Аканова Д. Х. Словарь социолингвистических терминов. – Изд. 2-е допол. и перераб. – Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2007. – 333 с.

17. Фирсова Н. М. Основные сферы и формы коммуникации, отражающие феномен национально-культурной специфики (на материале испанского языка) // Вестник РУДН. Серия ЛИГВИСТИКА. – М., 1995. – № 2. – С. 17-23.

18. Шаклеин В. М. Русский язык в условиях современной межкультурной коммуникации // Межкультурные коммуникации: реалии и перспективы. – М., 2002. – С. 7-17.

19. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория. Проблемы. Методы. – М.: Наука, 1976. – 175 с.

20. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Ю. В. Дорофеев

Лингвистический функционализм как основа исследования вариативности языка

Использование языка в человеческой деятельности чрезвычайно многообразно и поэтому язык находится в состоянии непрерывной эволюции: «Живой язык, постоянно определяемый (а не определенный раз и навсегда) посредством своей функции, не *является созданным*, а непрерывно *создается* конкретной языковой деятельностью» [9, с. 19]. Поэтому основным условием развития языка являются, прежде всего, два фундаментальных свойства: вариативность и изменчивость. Язык обслуживает все сферы деятельности человека и поэтому отражает любые изменения в обществе: политические, экономические, культурные. Эти изменения в современном мире приобрели особую направленность, которую условно именуют «диалог (полилог) культур», который протекает прежде всего в коммуникативных формах [4, с.25].

В связи с этим представляется закономерным, что современные учёные признают необходимость глубокого анализа процессов варьирования, раскрывающих внутренний механизм устройства и развития языка как функциональной системы (А. Н. Рудяков, Е. А. Журавлева, З. М. Богословская и др.). Такое направление анализа позволяет рассматривать язык относительно человека, использующего язык в своей практике, а не только относительно набора кодифицированных норм.

Как свидетельствуют исследования в данной области, понятийный аппарат, с помощью которого предпринимаются попытки описать категорию вариантности как универсальную языковую категорию, не отвечает требованиям современной практики. Используемая методология не вполне адекватна многообразным проявлениям данной категории [5, с. 3], а конкретные описания языкового варьирования базируются на эксплицитном положении о существовании эталонной формы, по отношению к которой происходят все видоизменения. Вследствие этого перед представителями лингвистической вариантологии возникает ряд задач: разработать категориальный и терминологический аппарат, позволяющий описывать все многообразные факты проявления вариативности языковой системы; определить те участки языковой системы, которые подвергаются наибольшим изменениям; пересмотреть само понятие вариативности по отношению к языку как системе [11].

При рассмотрении вариативности как существенного и необходимого свойства языка, она должна анализироваться не только применительно к отдельным фактам или группам фактов на различных уровнях языковой системы, но и как характеристика всей системы в целом. В этом случае противопоставление в рамках национального языка литературной формы языка и его территориальных, региональных и социальных и других возможных форм

становится в большой мере условным, поскольку эти варианты не противостоят, а дополняют друг друга как разные формы проявления и существования одного языка. Соответственно, укоренившееся в лингвистическом сознании представление об иерархии форм национального языка (в которой главенствующее место отведено языку литературному) не должно препятствовать рассмотрению всех этих форм как возможных векторов развития языковой системы в целом.

Проблема языкового варьирования на современном этапе непосредственно связана с процессом взаимодействия языков, которое носит как региональный, так и межнациональный характер. Взаимодействие языков в современном мире носит глобальный характер, и поэтому всегда протекает в ситуации, которую характеризуют как полилингвокультурную [3]. В связи с этим в лингвистике широко обсуждаются проблемы, связанные с интенсификацией языковых контактов. Особенно актуальной эта проблема является для языков в странах бывшего СНГ, и в том числе для русского языка, который подвергается влиянию не только западноевропейских языков, но и славянских, особенно украинского и белорусского, а также целого ряда тюркских языков. Широкое обсуждение проблем, связанных с изменениями в языках, привело к выдвижению новых концепций языкового взаимодействия. Важность этой проблемы подчеркивает и тот факт, что формируются отдельные направления, связанные с изучением этой проблемы (контактология) [1]. Языковые контакты во многом обусловливают изменения, которые наблюдаются в современных языках. Поэтому А. Н. Рудяков отмечает необходимость нового понимания задач, стоящих перед лингвистами, и, в частности, русистами: «георусистика – это русистика, осознавшая, что ее объектом является не русский язык, а русскоязычное пространство, для именования которого, с нашей точки зрения, оптимальным является термин Русофония» [12, с. 115]. Вследствие этого обоснованными представляются попытки рассмотреть проблему глобального взаимодействия языков с позиции их взаимообогащения и партнерства, а не с позиции превалирования одного языка над другим: «Как представляется, внимательное и адекватное отношение к принципиально присущему естественному языку свойству существовать в форме множества вариантов заставило бы нас наконец-то отказаться от одного из самых стойких окололингвистических мифов – мифа о том, что любое взаимодействие языков, взаимодействие, ставшее обыденным делом в эпоху глобализации, приводит к «порче» «чистых», «идеальных», «правильных» языков» 11, с. 7]. А. Н. Рудяков предлагает рассматривать взаимодействие не языков, но языковых миров (-фоний), которые не существуют в изоляции друг от друга, и поэтому в точках их соприкосновения в каждый конкретный момент не наблюдается существование отдельных языков в чистом виде [13]. Таким образом, соприкосновение языковых миров обусловливает воз-

никновение различных территориальных, социальных, региональных, национальных вариантов отдельного языка.

Вариативности языка отводится ведущее место при изучении развития языка и изменений, происходящих в нем: «Вариативность языка есть проявление процесса эволюции и ее результатов, с одной стороны, и с другой – тот материально-идеальный субстрат, который служит основой направленных изменений языка в развивающемся обществе» [16, с. 289]. Учитывая все сказанное, я ставлю целью своей работы охарактеризовать проявления вариативности языковой системы с позиции лингвистического функционализма.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- охарактеризовать вариантность как онтологическое свойство языка;
- определить особенности возникновения вариантных форм языка;
- установить в общих чертах перспективы исследования языковой вариативности.

Академик Г. В. Степанов отмечал: «Изучение эволюции систем и подсистем языков в единстве с их общественной функцией заслуживает быть представленным в качестве относительно автономного направления в теоретическом освоении идеи развития языка» [16, с. 289]. Однако до сих пор явление вариативности рассматривается в большинстве работ как «способность языка в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях» [14, с. 35]. Лингвисты, таким образом, во многих случаях расценивают явления, связанные с изменениями в языке, как маргинальные или же экзотические и потому нередко оставляют их без внимания. Так, М. А. Кронгауз в своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» обсуждает многочисленные изменения в русском языке начала XXI века, обосновывая их необходимость и неизбежность. Однако преобразования русского языка за пределами Российской Федерации фактически остаются вне внимания исследователя. Таким образом, в данной работе имплицитно подразумевается, что носителям русского языка в других странах необходимо ориентироваться на русский язык России. Но полинациональные языки, к которым, несомненно, относится и русский язык, не могут выступать в единой форме на всех территориях их распространения. Так, Р. А. Будагов, анализируя дискуссию испанистов о функционировании испанского языка в Южной Америке, отмечает: «литературно-языковая норма всех стран Латинской Америки, взятых вместе, разнится с испанской нормой в Испании» [6, с. 241]. По этой причине он и пишет далее: «проблема «настоящего и будущего» для испанского превращается прежде всего в проблему, которая может быть сформулирована так: сохраняет ли испанский язык свое единство в наше время и сохранит ли его в дальнейшем?» [6, с. 239]. Мне представляется, что проблема «настоящего и будущего» для русского языка сегодня формулируется сходным образом.

Следует признать, что происходящие в языке преобразования, нельзя рассматривать как случайность, они составляют самую суть языка: «язык соз-

дается посредством того, что называют «языковым изменением». А из этого следует, что изучать изменения – это не значит изучать «искажения» или «отклонения» … наоборот, это значит изучать становление языковых традиций, то есть само *создание* языков» [9, с. 75].

Истоки вариантологии как направления лингвистических исследований кроются в самой сути языка, однако до сих пор описание и изучение этой категории рассматривается только как составляющая отдельных разысканий. Я уже отмечал выше, что до недавнего времени категория вариантности рассматривалась в узком смысле только как свойство отдельных единиц языка. Таким образом, под вариативностью языка понималась «способность языка в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях под воздействием внутренних закономерностей развития языка или внешних причин» [14, с. 35-36].

Однако есть и другое понимание вариантности, при котором для истолкования этой категории вводятся термин «инвариант» и оппозиция вариант – инвариант. В этом случае под вариантами понимаются разные проявления одной и той же языковой сущности, закономерно чередующиеся в речевой деятельности [15, с. 80]. В этом случае вариативность предполагает не просто изменчивость, а такие модификации, которые не ведут к появлению новой сущности. Инвариант реализуется в речи позиционно чередующимися вариантами, среди которых одни рассматриваются как типичные, а другие как менее типичные. И процесс изменения в языке связан с тем, что некоторые формы выражения инвариантных единиц, считавшиеся периферийными или вовсе не учитывающиеся, смещаются на позицию типичных представителей инварианта. То есть изменения проявляются в синхронии «в «спорадических» формах, в так называемых «типичных ошибках» по отношению к установленной норме и в иносистемных особенностях, наблюдаемых в речи, а с функциональной точки зрения они проявляются в наличии внутри одного и того же типа речи факультативных вариантов и изофункциональных элементов» [9, с. 82]. Вследствие этого в количественном отношении объем языковой системы может значительно изменяться (расширение лексического состава, сокращение грамматических форм и т.д.), однако в качественном отношении язык как орудие взаимодействия людей, имеющее знаковую природу, при любых условиях остается неизменным в функциональном отношении.

При этом важно иметь в виду, что варьирование языка осуществляются обычно в определенных условиях, но сами по себе эти условия не выступают в качестве источника изменений: «Языковые факты существуют потому, что говорящие создают их *для чего-то*; они не являются «продуктами» физической необходимости» [9, с. 144]. Осознание функциональной обусловленности процессов варьирования языковой системы и приводит к необходимости признания того, что подобным изменениям подвержены абсолютно все язы-

ки, что доказывает в частности, не вызывающее сомнений существование территориальных и социальных вариантов в различных языках.

В последнее время в теоретическом языкознании многие языки (прежде всего мировые) рассматриваются не только как составляющая определенной нации, но как элемент национально-культурной специфики многих сообществ, которые используют эти языки наравне со своим родным. Поэтому для языкознания не является новой идея о том, что некоторые языки на широком коммуникативном пространстве выступают, с одной стороны, как единое средство общения, а с другой, «как система социально обусловленных вариантов, каждый из которых характеризуется определенным функциональным своеобразием, а также структурными и нормативными особенностями» [8, с. 3]. Таким образом, концентрирование внимания на проблеме развития языков приводит нас к проблеме вариативности. И поскольку национальный язык любого народа сам по себе существует как система вариативная, то особенный интерес для современного языкознания представляют социальная и функциональная обусловленность вариантов мировых языков, каждый из которых имеет статус государственного (или официального) языка одновременно в нескольких странах.

Но анализируя традиции исследования романских, германских и славянских языков, можно без труда увидеть, что формирование национальных вариантов английского, немецкого, французского и испанского языков сегодня не вызывает неприятия у большинства языковедов. Если же обратиться к традициям изучения русского и украинского языков, которые контактируют с множеством других языков и имеют (особенно русский язык) достаточно широкую территорию распространения, то можно увидеть, что изменения в них, проявляющиеся как варьирование форм выражения инвариантных единиц, воспринимается большинством лингвистов отрицательно, как порча языка и даже как его разрушение. Такие разновидности русского и украинского языков занимают с точки зрения социолингвистики «промежуточное положение между национальными вариантами литературного языка и этнолектами» [14, с. 146]. Тем не менее совсем не замечать подобные формы проявления языка невозможно, и поэтому нередко лингвисты констатируют существования региональных вариантов, которые нельзя признать равноправными с «узаконенными» формами национального языка [2].

И все же ряд языковедов полагают возможным и даже необходимым рассматривать эту проблему в ином ключе: «Способность порождать национальные варианты свидетельствует о силе и мощи языка. Яркое подтверждение этого факта – Русофония как один из важнейших языковых миров, формирующих значительный слой планетарной лингвистической ноосферы» [12, с. 121]. Такой подход к проявлению языковой вариативности представляется мне, учитывая все вышесказанное, закономерным и обоснованным, и

поэтому я полагаю, что в современной лингвистике вариативность следует рассматривать как существенное свойство языка, исследование которого не может ограничиваться анализом отдельных фактов или групп фактов на различных уровнях языковой системы, а заслуживает выделения в самостоятельный объект всестороннего изучения.

Под вариантами языка я понимаю формы существования языка, представляющие собой модификацию инварианта системы и структуры языка. Варианты возникают в результате воздействия различных экстралингвистических факторов, поэтому правомерным является выделение национальных вариантов языка, этнических, территориальных, социальных [14, с. 35].

Следует обратить особое внимание на то, что вариативность языков формируется не на уровне абстрактных систем, а в сознании носителей языка, в их речевой деятельности. Именно носители языка принимают или отторгают те или иные инновации: «Коллективы людей (или отдельный человек, если речь идет об индивидуально-языковом сознании), пользуясь языком, живя в нем и благодаря ему, постоянно вносят в него определенные субъективные моменты в соответствии со своим строем мыслей и чувств, образом жизни и т.д.» [10, с. 229]. Таким образом, именно коммуникативные потребности носителя языка изначально определяют степень изменений, происходящих в языке.

Исследователи процессов формирования национальных вариантов конкретных языков обращают особое внимание на то, что варианты всегда представляют собой результат эволюции языка, этап его исторического развития. Именно по этой причине национальные варианты языка могут быть выявлены только тогда, когда различие между ними станет критическим, а постепенное формирование таких различий чаще всего проходит незамеченным.

Для формирования вариантных разновидностей языка требуются условия ситуативно ограниченных контактов носителей языка-источника с носителями другого или других языков. Как представляется, именно такая ситуация складывается в ряде стран, в которых русский язык продолжает активно использоваться наряду с другим языком.

Так, значительно расширились границы лексической системы русского языка в Казахстане. Помимо того, что происходит переименование в области топонимики (*Алма-Ата* стала называться *Алматы*, *Кокчетав – Кокшетау*, *Чимкент – Шимкент*), в активный словарный запас носителей русского языка в Казахстане, по свидетельству Е. А. Журавлевой, вошло множество слов, связанных с национальной спецификой страны: наименования людей (*аксакал, батыр, ага*), названия народных обрядов и традиций (*шашу, бата, хадж, саадака*), одежды и предметов обихода (*чапан, борик, дастархан, кесе, казан*), обозначения реалий в области творческой деятельности (*акын, кюй, кобыз, терме, макал*), еды (*бесбармак, жанбас, шельпек, каймак*). При этом некото-

рые из данных слов имеют аналог в русском языке: *жанбас – окорок, каймак – сметана.* Это позволяет заключить, что отмеченные изменения не являются результатом заимствования только таких наименований предметов, для обозначения которых не было подходящих единиц в русском языке [7, с. 24-26].

Аналогичная ситуация наблюдается при изучении функционирования русского языка в Украине. Ярче всего вариативность, несомненно, проявляется в области лексики. Так, лексический состав русского языка в Украине активно пополняется за счет непосредственного заимствований из украинского языка: *свадебный рушник*, *немовля, майдан, горилка*. Эти слова широко используются в бытовой речи и в произведениях двуязычных писателей. Проблема выявления подобных слов заключается в том, что носители русского языка за пределами Украины нередко также знакомы с данным лексическим пластом (благодаря, например, знанию творчества Н. В. Гоголя) и поэтому не воспринимают его как новое явление. В этом случае указанные номинативные единицы воспринимаются как диалектизмы или экзотизмы, а их использование в русском языке связывают с необходимостью передачи местного колорита. Однако для жителей современной Украины эти слова вовсе не являются экзотизмами, поскольку называют актуальные для быта реалии, и уж тем более диалектизмами, это общеупотребительная лексика.

Наиболее заметна вариативность русского языка в официально-деловой, публицистической и бытовой речи. Это связано, с одной стороны, с необходимостью отграничить сходные явления общественной жизни в разных странах, а с другой, поисками наиболее подходящего для данной коммуникативной ситуации средства номинации.

Приведу ряд примеров, которые с моей точки зрения свидетельствуют о существенных изменениях в русском языке на территории Украины. В прессе и в неофициальной речи получили распространение следующие слова и словосочетания: *Верховная Рада (Высшим законодательным органом Украины является* ***Верховная Рада*** *– однопалатный Парламент из 450 народных депутатов Украины), регионал (Депутат-****регионал*** *Борис Дейч помог выжить уникальному производству), городской голова (Состоялась встреча Луганского* ***городского головы*** *с Заслуженным тренером Украины по художественной гимнастике Альбиной Дерюгиной), майдан (****Майдан*** *Незалежности – центральная площадь Киева), гривна (В марте 2004 года Национальный банк Украины утвердил графический знак национальной валюты –* ***гривны****), громада (Городской голова не реже одного раза в год отчитывается о своей работе перед территориальной* ***громадой*** *на открытой встрече с гражданами), оранжевый (Меньше всего можно полагаться при этом на оценки, которые дают себе* ***оранжевые*** *революционеры),* ***господар*** *(Основу философии фирмы* ***Господар****-Харьков составляют высокое качество, всесторонний сервис и умеренные цены),* ***наявность*** *(Кабмин также*

поручил Государственной таможенной службе разрешить предприятиям экспортировать металлолом только при ***наявности*** *карточек регистрации-учета, оформленных после вступления в силу данного постановления),* ***мова*** *(Мне ясен пламенный призыв говорить на* ***мове*** *и уважать самих себя), сам (Саакашвили остался* ***сам на сам*** *с Россией),* ***баштан*** *(Омелько легко мог вернуться на* ***баштан*** *за своей вещью и не трястись потом от страха),* ***ненька*** *(Объяснить по-русски, что означает «****ненька****», – непросто. В словаре написано: мама. На самом деле в этом слове куда больше скрытого смысла. Чуть ближе, наверное, матушка плюс няня. Но все равно не то. Сколько в «****неньке****» нежности и тепла, сколько благодарности и доброты – знает украинец),* ***кавун*** *(Лучше херсонских* ***кавунов*** *в Украине нет, здесь же и самые большие в Европе их плантации).* Приведенные примеры демонстрируют ряд отличий словарного состава русского языка в Украине от словарного состава русского языка в России. Например, можно выделить безэквивалентную лексику, указать на стилистические отличия и возникновение коннотативных созначений. Представляется несомненным, что в русском языке Украины так же, как и Казахстана, наметились целые семантические группы, состав которых изменяется наиболее активно: названия организаций и объектов; музыкальное и поэтическое творчество; предметы домашнего обихода (одежда, еда и т.п.) и др.

Подведу итоги своих рассуждений.

Процесс образования вариантных форм языка (в том числе и русского) необходимо рассматривать как прагматически обусловленное речевой деятельностью говорящих преобразование языка. Соответственно, к проблеме изменчивости и вариативности языков следует подходить с позиции того, что это взаимодействие носит не механический характер, а результаты варьирования языков должны рассматриваться относительно того, насколько новые единицы отвечают коммуникативным потребностям носителей языка.

Использование вариантных средств выражения в коммуникации определяется степенью функциональности этих средств, их востребованностью и семантическими возможностями, «полезностью» для отдельного носителя языка. Таким образом, вариантность как свойство языка обеспечивает его адаптацию к коммуникативным потребностям говорящего.

Вариативность любого развитого языка является его нормальным состоянием, не препятствующим, а способствующим расширению сферы функционирования данного языка. И нужно без предубеждения относиться к различным формам проявления современных языков, рассматривать их как источник нашего проникновения в закономерности функционирования языков мира, а также как ключ к определению возможных векторов дальнейшего развития языков в современном мире.

Описание вариативности языка на сегодняшний день требует разработки особого терминологического аппарата, который позволит изучать вариантность как особую универсальную категорию. И здесь, как отмечает А. Н. Рудяков, намечаются следующие направления работы.

Во-первых, необходимость определять глубину, меру или степень вариативности, чтобы было возможно степень сопоставить эту степень с аналогичными данными по национальным вариантам, функционирующим в других странах.

Во-вторых, определение степени вариативности по языковым подсистемам. И хотя априори ясно, что в наибольшей степени варьируется лексика, все же не следует упускать из виду тот факт, что изменения в лексике нередко связаны со словообразованием и фонетическим обликом слова.

В-третьих, исследование вариативности позволит определить, где проходят границы языковых миров; соседством каких языков эти границы определяются, и в каких случаях следует говорить именно о вариантах языка, а в каких случаях вариант перестает быть вариантом и начинает жить и функционировать самостоятельно [11].

И бесспорно, при решении этих вопросов необходима прочная методологическая база. Такой основой, по нашему мнению, является лингвистический функционализм, принципы которого успешно используются для решения ряда традиционных проблем в языкознании, и который позволяет рассматривать язык как действующую систему, формирование и развитие которой носит телеологический характер.

Источники и литература

1. Айдукович Й. О первых томах контактологического словаря славянских языков, посвященных влиянию русского языка / Й. Айдукович // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 634.

2. Белоусов В. Н. Лингвокультурная специфика русской речи в иноязычном окружении / В. Н. Белоусов // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 636-637.

3. Богданович Г. Ю. О языке общения и национальной самоидентификации в мультикультурной среде / Г. Ю. Богданович, С. А. Ефимов // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». Том 19 (58). – Симферополь, 2006 г. – № 2. – С. 3-10.

4. Богданович Г. Ю. О компетентностной парадигме и успешной коммуникации / Г. Ю. Богданович // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные Коммуникации» Том 22 (61). – Симферополь, 2009 г. – № 2. – С. 25-30.

5. Богословская З. М. Диалектная вариантология: лексикологический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. … доктора филол. наук / ГОУ ВПО «Томский политехнический университет». – Томск, 2006. – 39 с.

6. Будагов Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М.: Издательство Московского университета, 1974. – 264 с.

7. Журавлева Е. А. Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык: Автореф. дис. … доктора филол. наук / Казахский национальный университет им. аль-Фараби. – Алматы, 2007. – 49 с.

8. Клоков В. Т. Территориальные варианты французского языка // Спецкурсы по романской филологии: сб. учебно-методических материалов кафедры романской филологии; под ред. проф. В. Т. Клокова, Вып. 2. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2003. – С. 3-67.

9. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотипное / Э. Косериу. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.

10. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – К.: Знання, 2004. – 326 с.

11. Рудяков А. Н. Русофония и русистика в XXI веке / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2007. – №110, т. 1. – С. 7-9.

12. Рудяков А. Н. Георусистика и русофония / А. Н. Рудяков // В кн.: Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук Институт языкознания РАН. – М.: Сов. писатель, 2008. – С. 115-128.

13. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / А. Н. Рудяков // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 7-10.

14. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В. Ю. Михальченко) / В. Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

15. Солнцев В. М. Вариантность / В. М. Солнцев // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 80-81.

16. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. Изд. 2-е, стереотипное / Г. В. Степанов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с. (Языки народов мира).

О. Г. Ровнова

Идеи георусистики глазами диалектолога

… русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к другим языкам…
А. С. Пушкин. О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»

I

В 2007 – 2010 гг. профессор Александр Николаевич Рудяков, основоположник Крымской школы функциональной лингвистики, выступил с рядом докладов и публикаций, в которых предложил свое видение русистики XXI века и несколько новых терминов [24; 25; 26-28]. Высказанные им идеи вызвали разную реакцию коллег по лингвистическому цеху: от заинтересованного участия до резкого неприятия и отторжения. Я отношусь к той части нашего сообщества, которой многие идеи ученого оказались близки. Свою роль в некоторой подготовленности к (надеюсь, неискаженному) восприятию этих идей сыграли два обстоятельства. Первое – занятие диалектологией, для которой является аксиомой положение о том, что язык нам дан во времени и пространстве и варьирование русского языка, в том числе территориальное, – его естественное внутреннее свойство. Для диалектолога литературная и диалектная разновидности русского национального языка – равновеликие ценности. Второе обстоятельство – ежегодное участие в конференции по функциональной лингвистике в Ялте, давшей возможность научного и личного общения с лингвистами разных специальностей с Украины.

Итак, А. Н. Рудяковым предложен термин «георусистика» – для обозначения науки о русском языке, объектом изучения которой является русский язык в его географическом распространении и взаимодействии с языками других стран. Георусистика – это русистика эпохи глобализации, в центре внимания которой «глобальное русскоязычное пространство», или «русофония» [25, с. 7; 24; 26]. Принципиальное различие между двумя подходами к изучению русского языка ученый видит в том, что традиционная русистика сосредоточена «на исследовании русского языка как феномена, противопоставленного (здесь и далее разрядка моя. – *О.Р.*) иным “нерусским” языкам», а георусистика – «на взаимодействии Русофонии с другими “-фониями” как компонентами лингвистической ойкумены» [25, с. 7].

Как нетрудно заметить, новый термин входит в один ряд с терминами «геополитика»[1] и «геолингвистика»; во всех трех компонент *гео-* представляет собой сокращение слова «географический». Следует согласиться с С. Н. Кузнецовым, который разводит термины «геолингвистика» и «лингвистическая география» («лингвогеография»), в отличие, например, от электронной энциклопедии «Кругосвет» [13]. Действительно, в российском и советском языкознании лингвогеографией традиционно называют особую отрасль диалектологии – науку о закономерностях в распространении языковых явлений, основным методом которой является метод картографирования языковых фактов, а содержанием – «комплексное изучение языковой информации, заключающейся в лингвистических картах, в связи с данными истории языка и историей народа» [4, с. 236]. Геолингвистика же понятие гораздо более широкое: в компетенцию геолингвистики входит, по определению С. Н. Кузнецова, «комплексное, многоуровневое рассмотрение мировой лингвистической ситуации в ареалах различной территориальной протяженности» [13]. Таким образом, георусистика (наряду с евролингвистикой) оказывается включенной в геолингвистику как один из ее разделов. А это, надо признать, свидетельствует о высоком статусе георусистики среди наук о языке.

Важнейшим положением разрабатываемой А. Н. Рудяковым концепции является положение о системной организации русофонии. Русскоязычное пространство имеет полевую структуру, состоящую из центра, ядерной зоны и периферии. Он подчеркивает, что в наименованиях этих структурных единиц отсутствует оценочный компонент: «это равноправные части системы, выполняющие различные функции» [25, с. 8].

Раскрывая структурную сущность русофонии, А. Н. Рудяков впервые в языкознании употребляет термин «национальные варианты русского языка», которыми он предлагает называть современные разновидности русского языка, функционирующие в отдельных самостоятельных государствах – бывших республиках СССР. Для обозначения отдельных вариантов русского языка в каждом государстве ученый применяет конкретизирующие термины, в которых на месте слова «национальный» используется прилагательное, производное от названия соответствующего государства, например: российский / белорусский / украинский / казахстанский варианты русского языка. Вполне понятно, что в этом ряду основным, главным вариантом является российский вариант русского языка, он и образует центр русского языкового мира. В ядерную зону входят национальные варианты русского языка государств, в каждом из которых русский язык используется как одно из основных средств комму-

[1] Геополитика – учение о географическом распределении и географической обусловленности политических явлений.

никации наряду с национальным языком. К периферийной зоне русофонии относятся варианты русского языка, возникающие в результате его взаимодействия с другими языками планеты.

Существование национальных вариантов европейских языков и их равноправие с точки зрения нормы – факт неоспоримый[2]. Между тем идея национальных вариантов русского языка, заслонив собой саму идею георусистики, вызвала решительное неприятие у части лингвистов на прошедшей в Ялте в июне 2010 г. IV Международной конференции «Русский язык в поликультурном мире». Дискуссии заставили вспомнить о горячих спорах, которые шли в свое время вокруг таких привычных теперь понятий, как литературная разговорная речь и региональные варианты литературного языка.

В пресс-релизе по итогам конференции, опубликованном на сайте МАПРЯЛ, составленном президентом ее украинского филиала профессором Л. А. Кудрявцевой, отмечается (со ссылкой на имена авторитетных ученых – участников конференции), что «понятие “национальный вариант русского языка” может быть употреблено только в том случае, если население той или иной страны самоопределяется как отдельная нация, отличная от нации метрополийной территории использования языка» [12]. Такое понимание национального варианта языка возникает, я думаю, из-за того, что при сопоставлении двух названий – «национальный русский язык» и «национальный вариант русского языка» – прилагательное «национальный» во втором сочетании оказывается ложно ориентирующим.

Соотношение «одна нация, один народ – один национальный язык» обычно характерно для периода формирования национальных языков. В современном *поли*культурном мире русский язык давно стал языком *поли*национальным, или *поли*этническим: его используют как основное средство общения не только русские, но и люди других национальностей. После распада СССР и образования суверенных государств русский язык, являясь государственным языком Российской Федерации, с 1995 г. становится одним из двух государственных языков Белоруссии; с 2001 г. – одним из двух официальных языков Киргизии; в Казахстане согласно конституции и закону о языках «в государственных организациях и в органах местного самоуправления наравне с казахским языком официально используется русский язык»; на Украине русский язык не имеет официального статуса, но является основным языком почти половины ее населения. Это значит, что русский язык превратился в язык *поли*государственный. Используемые в отдельных странах разновидности полигосударственных языков, неизбежно имеющие отличия

[2] Н. Б. Мечковская обращает внимание, в частности, на следующий прикладной аспект: «В компьютерных программах проверки орфографии легко видеть, например, 20 территориальных вариантов испанской орфографии, по 9 – французской и английской, 5 – немецкой, по 2 – голландской, итальянской, португальской» [15, с. 303].

от «метрополийной территории использования языка», в социальной лингвистике принято называть *национальными вариантами* таких языков (см. об этом: [15, с 302 – 303; 30, с. 35]). Добавлю, что «узаконенный» в лингвистике термин «региональный вариант русского языка» не отражает полностью сути дела, поскольку регион – это территория в составе более крупного территориального образования, а не суверенное государство. Однако на него можно опереться и сказать, что национальный вариант русского языка – это региональный вариант русского языка как полигосударственного.

Национальные варианты русского языка не возникли автоматически – одновременно с объявлением союзных республик независимыми государствами. Эти варианты являются преемниками тех разновидностей русского языка, которые формировались в этих республиках в течение всего советского периода (а в некоторых случаях и задолго до него). Как пишет Л. В. Бондарко, «практически в каждой из бывших республик возникала своя версия русского языка в результате взаимодействия его с национальным языком данной республики» [3].

Национальные варианты русского языка, входящие в ядерную зону русофонии, при всех отличиях от главного варианта, не рассматриваются георусистикой как его «ухудшенные» варианты. Им свойственны те же разновидности: литературный язык в его письменной и устной формах, диалекты, социальные и профессиональные жаргоны, просторечие. Соответственно, и проблемы они имеют те же, одна из них – падение культуры речи [1].

С типологической точки зрения русский язык относится к языкам, граница между литературной и диалектной разновидностями которых проницаема. Фактор территории (и территориальных разновидностей русской речи) играл и играет важнейшую роль в формировании русского языка и его литературного стандарта. В основе литературного русского языка лежит акающий московский говор, совмещающий черты Южного и Северного наречий. Однако кроме московской есть петербургская произносительная норма; обе они являются равноправными вариантами нормы литературного языка. Многие черты петербургской произносительной нормы обусловлены и поддержаны влиянием северных и среднерусских говоров, что подробно показано в работе [5], в которой автор характеризует петербургскую норму в сравнении с московской и ее динамику. Различия между Москвой и Петербургом касаются не только орфоэпии и орфофонии – они широко представлены в лексике; см. об этом, например, полемичную статью: [2]. Устойчивая диалектная окрашенность литературной речи у образованного населения крупных российских городов и целых регионов, наличие значительного пласта региональной лексики (в том числе лексических заимствований из языков Российской Федерации) объективно свидетельствуют о существовании особых разновидностей русского литературного языка – его региональных вариантов. В случае национальных

вариантов географическое пространство варьирования русского языка оказывается максимально широким – это территории других государств. Территориальные разновидности языка не разрушают его «качественной определенности» (А. Н. Рудяков): русский язык остается русским. Усматривать в национальных вариантах русского языка угрозу его разрушения, противопоставлять их «единому русскому языку», как это делается в упомянутом пресс-релизе, нет лингвистических оснований.

Научная разработка проблем георусистики восходит к началу 1990-х годов, когда в России началось активное изучение русского языка зарубежья. В работах Ю. Н. Караулова, Л. М. Грановской, Н. И. Голубевой-Монаткиной, Е. А. Земской, М. Ю. Гловинской исследуется язык эмигрантов первой волны и их потомков во Франции, США, Финляндии [9; 7; 6; 34] – то есть периферийная зона русофонии. Публикуются исследования, посвященные русскому языку последующих волн эмиграции в различных странах: Израиле [19; 16], Великобритании [23], США [20], Финляндии [21; 8]. Начиная со второй половины 1990-х годов внимание ученых сосредоточивается на ядерной зоне русофонии. Важно отметить, что исследования инициированы русистами, работающими именно в бывших союзных республиках. Так, в 1997 г. кафедрой русского языка Тартуского университета, а в 1998 г. кафедрой русского языка Вильнюсского университета были проведены две конференции «Язык диаспоры: проблемы и перспективы», по итогам которых был выпущен сборник статей [32]. Не будет преувеличением сказать, что ни один международный форум по русистике и социолингвистике не обходится сегодня без обсуждения проблемы «русский язык ближнего и дальнего зарубежья», см., например, доклады секции «Социолингвистика и культурология» на IV Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, март 2010 г.), а также [33].

О специфике русского языка эмигрантов Н. И. Голубева-Монаткина пишет: «С течением времени и под влиянием новых условий существования в языке эмигрантов появились своеобразные черты, отличающие его как от того языка, который был вывезен в момент эмиграции, так и от того, на котором говорили в России (например, различались русский язык в СССР в 1930-е гг. и русский язык первой эмиграции в те же годы)» [6, с. 8]. С поправкой на социально-политические условия существования русского языка в XXI веке сказанное можно отнести и к ядерной зоне русофонии.

Стремясь обозначить лингвистический статус этого «отличающегося» языка, исследователи используют различные определения: «эмигрантский русский язык» и «эмигрантская русская речь» (Н. И. Голубева-Монаткина), «язык диаспоры» (лингвисты стран Балтии и другие), «самостоятельный способ бытования русского языка, отдельная сфера его существования»

(Ю. Н. Караулов), «американский вариант русского языка» (М. А. Осипова), «русская языковая субкультура» (В. С. Ли), «“казахстанский” русский язык» (З. К. Сабитова). Наконец, в ряде работ обсуждается вопрос о том или ином национальном варианте русского языка как возможном (в настоящем или будущем) лингвистическом статусе русского языка. Рассуждая о современном положении русского языка в Казахстане и других странах СНГ, В. С. Ли пишет следующее: «Учитывая опыт других мировых языков, <…> можно предположить, что такие “варианты” русского языка со временем станут не только общепринятым научным (лингвистическим) понятием, но и будут осознаны всеми носителями данной языковой субкультуры» [14, с. 663]. «На фоне существующих в мире случаев дивергентного развития языков не исключено, что и тот региональный вариант русского языка, который мы имеем в Белоруссии, превратится (особенно с учетом его нынешнего государственного статуса) в особый национальный вариант (**нациолект**) (выделено автором. – *О.Р.*) русского языка. <…> лингвисты должны быть готовы к такому развитию событий» – это мнение Б. Ю. Нормана [18, с. 115]. З. К. Сабитова предлагает комплексную программу исследования проблемы национальных вариантов русского языка [29, с. 673].

Важно отметить, что исследователи из Казахстана, Белоруссии, с Украины специфику русского языка в своих странах связывают с процессами более глубинными, чем фонетическая, грамматическая или лексическая интерференция. По мнению З. К. Сабитовой, «общность территории, общая историческая судьба народов Казахстана (даже при наличии разных языков) обусловили их особую, евразийскую, ментальность, находящую отражение и в русском языке, и это обусловливает различия “казахстанского” русского языка от российского» [29, с. 673]. Как считает Б. Ю. Норман, есть основания утверждать, что в Белоруссии «складывается своя совокупность лексических ассоциаций, по сути – своя организация лексической системы (по сравнению с русским языком метрополии)» [18, с. 114]. «Причины отдаления и разъединения русского языка, функционирующего на территории Украины, и русского языка в России мы видим не только в билингвизме и влиянии украинского языка, но и в разрушении ***общей когнитивной базы*** (выделено автором. – *О.Г.*) народов-носителей языка», – пишет Е. Я. Титаренко [31, с. 127].

Всестороннее изучение лингвистической составляющей национальных вариантов русского языка, а также проблемы их кодификации является насущной задачей георусистики.

II

Как было сказано выше, русофония включает все разновидности русского языка, в том числе его диалекты. В этом разделе пойдет речь о русских говорах, входящих в периферийную зону русофонии и взаимодействующих с

испано- и португалофонией. Это говоры русских старообрядцев, живущих в странах Южной Америки – Аргентине, Уругвае, Боливии и Бразилии. Старообрядцы этих стран связаны тесными родственными и конфессиональными связями друг с другом, а также со старообрядцами Северной Америки (штаты Орегон, Миннесота, Аляска в США; Канада) и Австралии.

Короткая историческая справка. Они «перекочевали» в Западное полушарие в конце 1950-х – начале 1960-х годов из Китая и называют себя, в соответствии с местами «исхода» из Китая, «синьцзянцами» и «харбинцами». В Китай их предки бежали от советской власти в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Одна группа жила на Дальнем Востоке, в Приморье, и оказалась на северо-востоке Китая, в Маньчжурии, в окрестностях Харбина (поэтому «харбинцы»). Вторая группа бежала из Казахстанского Алтая, из поселений по рекам Бухтарма и Уймон, на северо-запад Китая, в провинцию Западный Синьцзян (поэтому «синьцзянцы»). В конце 1940-х годов в Китае устанавливается коммунистический режим, и старообрядцы, хорошо знакомые с бесчеловечностью советской власти («мы помним, как кулачили наше ро́дство»; «вот эта перчи́на прилипла на сердце моему отцу, и она каждый день горчит»), принимают решение «уходить» и оттуда.

На этот раз это была не «выгонка», не бегство, а вынужденная, но добровольная эмиграция в другие страны, в которой большую помощь старообрядцам оказали Толстовский фонд, Международный Красный Крест и ООН, организовавшие в Гонконге место приема переселенцев и их последующий переезд в разные страны.

Таким образом, старообрядческая диаспора синьцзянцев и харбинцев в Южной и Северной Америке существует около полувека и представляет собой сообщество, разделенное географически, но объединенное общностью конфессии, истории и языка, а также родственными связями – кровными и «духовными», по крещению.

В 2006 – 2008 гг. нам вместе с Ханнесом Яэром (Тартуский университет, Эстония) удалось побывать в большинстве старообрядческих поселений Южной Америки. Исследование их русского мира стало возможно благодаря финансовой поддержке экспедиций различными фондами и Президиумом Российской академии наук[3].

Из-за отсутствия официальной и неофициальной статистики и постоянной миграции старообрядцев точно ответить на вопрос об их численности в Южной Америке весьма затруднительно. По нашим данным, здесь в разных странах проживает предположительно 320 – 370 старообрядческих семей, то есть 2,5 – 3 тысячи человек, включая детей.

[3] В 2006 г. грант РГНФ и Фонда Д. С. Лихачева № 06-04-92861е/Л, в 2007 г. грант РГНФ № 07-04-18021е и Президиума Российской академии наук, в 2008 г. грант Фонда «Русский мир» № 2008/10-834.

Говоры синьцзянцев и харбинцев акающие среднерусские, они сформировались на севернорусской диалектной основе, сочетают черты Северного и Южного наречий и среднерусских говоров и очень близки, с некоторыми фонетическими и лексическими отличиями, хорошо осознаваемыми носителями того и другого говора. Описание основных особенностей говоров синьцзянцев и харбинцев на материале, записанном в штате Орегон (США), см. в работе: [10, с. 577 – 580]. Характеристика расселения, уклада жизни южноамериканских старообрядцев и языковой ситуации в общинах дана в [22]. В настоящей статье основное внимание обращено на специфические явления в их диалектном языке, обусловленные эмиграцией и контактами с другими языками.

Прежде всего подчеркну, что все поколения старообрядцев, включая детей, говорят по-русски. Образцовым, «настояшшим» русским языком они считают, конечно, «российский» русский. Вот как об этом рассказывает 38-летний старообрядец из Бразилии: «Вот ейны братие есь [братья жены, в Орегоне], от её старше, – говорят хорошо по-русски, особенно один из братьев. У его много [знакомых], скажем, русски советски, которы с России недавно приехали. Ему многи работают, знашь, то поэтому он от йих хорошо по-русски, просто н а с т о я ш ш е п о - р у с с к и наушился говорить».

Е. А. Земская указывает на следующие факторы, способствующие сохранению русского языка в диаспоре: 1) установка каждого конкретного человека или группы лиц на сохранение языка, 2) профессия, требующая постоянного его использования, 3) высокая образованность, 4) язык, на котором получено образование, 5) семейное и, шире, личное окружение, 6) индивидуальные особенности человека, 7) православная церковь [34, с. 209 – 221]. Факторы, способствующие сохранению русского д и а л е к т н о г о языка с т а р о о б р я д ч е с к о й диаспоры в Южной Америке, лишь частично совпадают с названными Е. А. Земской. К ним относятся 1) конфессиональная принадлежность, предписывающая сохранение русского языка; 2) компактное проживание одним поселением; 3) традиционное занятие сельскохозяйственным трудом; 4) семейные традиции; 5) установка личности на сохранение русского языка.

Главную роль в сохранении русского языка и целостности «русского мира» старообрядцев Южной Америки играет, конечно, конфессиональный фактор: их старообрядческая культура ориентирована на самосохранение и самовоспроизведение в присущих ей издревле формах. Вместе с тем старообрядцам свойственна высокая адаптация к изменяющимся условиям их языкового существования – приспособление к иным «-фониям» и освоение их. Так, среди стариков, молодость которых пришлась на Китай, есть такие, кто еще помнит китайский язык и считает, что, окажись они там снова, смогли бы обойтись без переводчика; переселившись в Южную Америку, они в зависимости от страны освоили испанский или португальский. Люди среднего поколения ходили в

местную школу, где выучили один из этих языков; если же из испаноязычных стран им пришлось переселиться в португалоязычную Бразилию или наоборот, то они освоили и второй иностранный язык. Сказанное относится и к молодежи.

Кроме комбинаций «русский + испанский / португальский», «русский + испанский + португальский», «русский + португальский + испанский» возможна комбинация «русский + английский + португальский / испанский». Эта триада появляется в результате таких браков, когда одна сторона живет в Орегоне или на Аляске, вторая – в какой-либо южноамериканской стране и первая переселяется в Южную Америку.

Степень владения испанским или португальским языком у разных людей различна, но в любом случае она позволяет успешно осуществлять необходимую коммуникацию с местным населением.

Важно подчеркнуть, что языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки принципиально отличается от той, которая наблюдается в Орегоне. Говоря о влиянии жизни в Америке на язык старообрядцев, Р. Ф. Касаткина пишет, что «английский язык почти полностью покорил младшее поколение орегонских старообрядцев. Если старшее поколение (за 60 лет) сохраняет свой родной язык, а среднее (40–50 лет), как правило, двуязычно, то младшее говорит преимущественно на английском языке и зачастую не понимает русской речи)» [30, с. 186]. В странах же Южной Америки младшее поколение старообрядцев является русскоговорящим.

Языковая ситуация в Орегоне, разумеется, известна старообрядцам Южной Америки и оценивается ими резко отрицательно: «… сейчас уже и замужние, и женатые – подойдёшь к другому: знашь, что он русскай, видишь, на свадьбе встретишь. Подойдёшь к ём, станешь разговаривать, а он стоит, на тебя смотрит, как осёл, ничего тебе не ответит. “Я не знаю по-русски!” Русскай, а не знает по-русски» (записано в Уругвае). Причина этого – «нераденье родителей».

Известны случаи, когда брак с юношей или девушкой из общин Южной Америки способствовал «реставрации» русского языка у второй стороны, выросшей в Орегоне: «Мне тридцать восемь. Моя жена с Орегону. То когда мы с ей познакомились, она мало-мало по-русски говорила. А сейчас она по-русски, по-английски, по-бразильски говорит» (записано в Бразилии). И действительно, общение с этой женщиной показало, что она говорит на хорошем «синьцзянском» диалекте.

В отличие от своих орегонских одноверцев, которые, как пишет Л. Л. Касаткин, «реальных действий, направленных на приостановку процесса утраты детьми русского языка, <…> не предпринимают» и в большинстве своем относятся к этой утрате как к неизбежному [10, с. 577], старообрядцы Южной Америки пытаются выработать меры по сохранению русского языка у младшего поколения. Самой действенной из них, по мнению многих, должно стать такое языковое поведение

русской молодежи, при котором дома, в семье, в деревне она говорит на русском языке и только за пределами общины – на иностранном. Другими словами, старообрядцы Южной Америки, опираясь на здравый смысл, для сохранения родного языка предлагают ситуацию, которая в социолингвистике называется диглоссией: «Но если бы дома запрешшали разговаривать по-американски, толькя пускай он на улице, в школе, – то все бы дети свой язык сохранили» (Уругвай); «Ведь надо по-русски говорить. Дома, в избе запрешшоно [говорить по-португальски]: надо по-русски говорить. А ежлив не запретишь – и они не будут уметь говорить, и совсем не будут говорить» (Бразилия).

Другая мера – обучение русскому языку в самих общинах. В некоторых из них обучение детей церковнославянскому и «гражданскому», как говорят старообрядцы, русскому языку ведет кто-то из членов общины, обычно у себя на дому. Старообрядцы одной из деревень в бразильском штате Мату-Гроссу построили для этой цели специальное здание школы – с настоящими партами и школьной доской; детей учит пожилая женщина, которая имеет официальное разрешение государства на преподавание и получает от него «малую сала́рию» – небольшую зарплату (порт. salário) . В других общинах обучение детей русскому языку является заботой семьи – и тут действительно все зависит от «раденья родителей».

Наиболее же радикальная мера сохранения русского языка младшим поколением выбрана в общине д. Офир в Уругвае: «У нас в испанску школу они не ходют. По-русски учатся сразу, а подрастают, оне тогда уже язык изучают испанскай. Но как-то больше мы в посёлке имя запрешшам, чтоб они по-испански разговаривали – чтоб свой язык не теряли. <…> В свою школу, русскую [ходят дети]. Просто мы в посёлке учим, и всё. Прасковья <…> учит. Читать учит, и задачи решать, и всё такое учит. А когда язык уже научаются испанскай, оне уже это всё знают, имя учить не надо. <…> По-славянски больше. Они по-славянски научутся – они по-граждански уже читают, их учить уже не надо».

Благодаря такой «языковой политике» молодые люди в старообрядческих общинах Южной Америки, действительно, сохраняют русский язык. При этом они хорошо владеют его устной формой, но не умеют писать или пишут с большим трудом.

Языковая ситуация в старообрядческих общинах испаноязычных стран, с одной стороны, и португалоязычной Бразилии – с другой, имеет важное различие. Оно обусловлено разной степенью владения чужим языком и более тесными и разнообразными контактами с местным населением в Бразилии. Большинство старообрядцев Аргентины, Уругвая и Боливии владеют испанским языком только на бытовом уровне, в Бразилии же значительная часть среднего и все молодое поколение являются активными билингвами. По признанию молодых людей, на многие темы им легче общаться между собой

«по-бразильски», чем по-русски. Разделение сфер употребления родного и неродного языка соблюдается далеко не всегда. Мы были свидетелями разговора между двумя мужчинами, когда один из них (38 лет) говорил по-русски, а второй (25 лет) по-португальски, и не потому, что он не знал русского, а потому, что владеет обоими языками в одинаковой степени; были приглашены на именины и слышали, как молодые мужчины разговаривали между собой по-португальски. Подобное языковое поведение свидетельствует о том, что диглоссная ситуация не является устойчивой, что может привести к постепенной утрате русского языка у молодого поколения старообрядцев в Бразилии так же, как это произошло у старообрядческой молодежи в штате Орегон.

Основные языковые процессы в говорах старообрядцев всех южноамериканских стран характеризуются значительной общностью. Это 1) сохранение и консервация русских диалектных черт, среди которых много архаичных; 2) использование лексических и словообразовательных ресурсов русского диалектного языка для обозначения новых реалий южноамериканской жизни; 3) заимствование испанской и португальской лексики, ее фонетическая, грамматическая и семантическая адаптация; 4) развитие межъязыковой (русско-испанской, русско-португальской) и междиалектной лексической синонимии. Приведу примеры некоторых явлений, имеющих отношение к проблемам георусистики.

Свою национальную идентификацию старообрядцы выражают коротко: «Мы русские». В условиях их многолетней изоляции от России и отсутствия контактов с иными, чем они, русскими людьми, у слова *русские* сформировалось более узкое по сравнению с литературным русским языком и говорами метрополии значение, которое включает указание на конфессиональную принадлежность. В условиях эмиграции *русские* – это не просто выходцы из России, говорящие по-русски, но именно и только старообрядцы, «мы»: «Если вы доедете туда в пятницу, примерно скажем, *русских* увидите сразу там. Одежды такая, наша, сарафаны, рубаха, с бородами – это *русски* сразу».

Для обозначения всех не русских – жителей южноамериканских стран – используется субстантивированное прилагательное *чёрные*, в Бразилии также существительное *черныши*. Мотивационным признаком для этого общего, родового наименования «чужих» является темный цвет кожи[4]: «Мы с *чёрными* старамся много не собчаться» (Боливия); «Но хто *чёрный*-то, радуется, дожидает, говорит: бог придёт!» (Аргентина); «*Черныши* – они работать ленивенькие» (Бразилия). В речи одного из синьцзянцев отмечено также *латины*: «*Латины* ласковые на языке, а так оне фальшивые» (Уругвай).

Для образования этнонимов – названий жителей конкретных стран – используются общерусские модели с суффиксами *-ец-* и *-анин-/-чанин-* с мо-

[4] Ср. записанное в Аргентине: «Оне иностранные какие-то, нездешные, белый народ».

тивирующим словом – макротопонимом, типа *Америка – американец*, *Китай – китаец*, *Япония – японец*, *Англия – англичанин*, а также диалектное *Чили – чилéнец* (с наращением *-ен-*). Распределение лексических единиц по этим моделям отличается от русского литературного языка и приводит к появлению собственно диалектных образований *Россия – россúец*, *Боливия – боливья́нин*, *Бразилия – бразилья́нин / бразиля́нин*.

В сфере этнонимов наблюдаются территориальные различия. Так, в Аргентине и Уругвае старообрядцы называют местных жителей не «аргентинцами» или «уругвайцами», а *испанцами*: «У *испанцев* Рождество вперёд, у нас сзади, и Паска тоже», «Сын женат на *испанке*». В данном случаем мотивирующим словом является не макротопоним, а лингвоним *испанский (язык)*. В Боливии старообрядцы называют ее жителей не только *боливьяны*, но также *ко́ли* (ед. число *ко́ля*), от названия одного из индейских племен *colla*: «*Коли* грязно живут, нам лихо[5] на это смотреть».

Старообрядцы не знают сочетания «иностранный язык», хотя слово *иностранный* им известно. В их говорах есть прилагательное *разный* с местоименным значением ‘другой’ и образованные от него наречия со значением ‘по-другому’: «с *разной* религией нельзя мешаться», «может быть, *по-разному* было невозможно», «синьцзянцы более обрусели, они говорили *разно*». В сочетании со словом *язык* прилагательное *разный* выражает значение ‘иностранный’: «<…> дома должны запрешшать *разный язык*. Тогда оне будут свой язык знать, а так всё потеряют».

Названия отдельных иностранных языков образуются от макротопонимов: *Америка – американский*, *Австралия – австралийский*, *Бразилия – бразильский*, а также (говорить) *по-американски*, *по-австралийски*, *по-бразильски*: «она и *американскай* быстро поняла», «он старовер, просто *по-американски* говорил всё», «путаю три языка: русскай, *американскай* и *бразильскай*», «для меня лучше, я́тно[6] прочитать по-*бразильски*», «не стал отвечать *по-австралийски*». Но этот принцип образования лингвонимов выдержан непоследовательно: в Аргентине и Уругвае испанский язык обычно называют не «аргентинским» или «уругвайским», а *испанским*; в Боливии его не называют «боливийским» или «боливьянским», редко *испанским*, а обычно *ко́линским*: «*колинский-то* знаю немного»; «камио́н[7] – это *поколински* называется». Следовательно, в сфере лингвонимов также имеются территориальные различия.

Довольно распространенным способом номинации новых для старообрядцев реалий южноамериканской жизни является перенос русских названий со знакомых реалий на новые.

[5] Неприятно, тяжело.

[6] Более понятно, более ясно.

[7] Грузовик, исп. camión.

Примерами номинаций на основе метафорического переноса являются следующие: *мимóзка* ‘мандарин (дерево и плод)’: «– Что это за дерево? – Лесúнка-то? Это *мимозка*» (Бразилия), «– А что делает твой племянник? – Он *мимозку* обчишшат» (Бразилия); *сирéнька* ‘дерево с пышными гроздьями ярко-оранжевых цветов’: «– Как это дерево называется? – Я не знаю, сестра *сиренькой* зовёт» (Боливия); *погремéть* ‘позвонить по телефону’: «Сейчас я ей *погремлю* (доставая мобильный телефон)» (Боливия).

Появление нового значения на основании переноса по функции отмечено у слов *лéдник* ‘погреб для хранения продуктов’ и *постоя́л* (словообразовательный вариант *постоя́лка*) ‘постоялый двор’. Слово *лéдник* стало использоваться со значением ‘холодильник; морозильник’: «Сначала у нас ни га́зовки[8], ни *ледника* не было» (Аргентина), «У меня мороженка[9] в *леднике*» (Бразилия), а слово *постоя́л* (*постоя́лка*) – со значением ‘гостиница, отель’: «Я в *постояле* вас дожидать буду» (Чили), «Вы в городе где стоите? – Такая гостиница небольшая, называется “Баррил”. – А, знаю эту *постоялку*» (Бразилия)[10].

Русское слово при его использовании для обозначения нового понятия может расширять или сужать свое значение. Примером расширения значения является слово *изба*, которое употребляется по отношению к любой жилой постройке: «Мы *избу* у здешных хозяев арендуем» (Боливия), «А ты в Москве в какой *избе* живёшь?» (Аргентина). То же относится к общерусскому *базар*, которое стало обозначать любое торговое заведение: «Соки, квас – своё, а не то что с *базару*, а мóлодежь берут с *базару* всё» (Бразилия). Напротив, сужение значения наблюдается у глагола *орошáть* ‘опрыскивать посевы химикатами для защиты от вредителей’: «*Орошат* поля гадостью всякой» (Бразилия), а также у слова *русские*.

Новые слова для обозначения новых реалий образуются по общерусским словообразовательным моделям, например: *красня́к* ‘крупная рыба с красноватой чешуей, исп. *dorado*’, *лапша́нница* и *лапшерéзка* ‘машинка для раскатывания теста и приготовления лапши’, *ли́фтик* ‘бюстгалтер’, *перево́дник* ‘двуязычный словарь’, *перерóдок* ‘ребенок от смешанного брака’, *полукро́вец* ‘взрослый человек, чьи родители принадлежат к разным национальностям’, *помигу́шки* ‘гирлянды из мигающих электрических лампочек’, *телефони́ть* ‘звонить по телефону’, *дотелефони́ться* ‘дозвониться по телефону’. Для названия насекомых, издающих громкие, похожие на стрекотание цикад звуки, общепринятого названия нет: «Кто как зовёт: кто *писка́рь*, кто *писку́н*, а то *се́ялки*» (Бразилия). Два первых слова мотивиру-

[8] Газовой плиты.

[9] Мороженое.

[10] Слова холодильник, гостиница старообрядцам известны и отмечены в их речи.

ются глаголом *пищать*, третье – звукоподражанием «сей-сей-сей», имитирующим издаваемое насекомыми стрекотание.

При образовании новых слов используются не только морфологические, но и неморфологические способы, например субстантивация. Кроме *чёрные*, так образованы существительные *ручной* и *карманный* ‘мобильный телефон’: «С *рушного* будешь звонить?» (Боливия), «У сына есть *карманный*, они лет пять появились» (Уругвай).

В словообразовательную систему русского языка неизбежно вовлекаются заимствованные слова: «первая *газоли́нка* с левого боку, где наливают газ» (Боливия), от исп. *gasolinera* ‘автозаправочная станция’; «тридцать *бо́ликов* заплатила» (Боливия), от исп. *boliviano* ‘денежная единица в Боливии’; «был тут один *фазендёр*» (Бразилия), от порт. *fazendeiro* ‘фермер’; «продаётся в *пако́тиках*» (Бразилия), от порт. *pacote* ‘пакет’; «*алгодо́новый* товар» (Бразилия), от порт. *algodão* ‘хлопок’; «муку *манджёшную* делают» (Бразилия), от порт. *mandioca* ‘маниока’.

Лексическая система говоров синьцзянцев и харбинцев пополняется заимствованиями из испанского и португальского языков. По предварительным наблюдениям, говоры старообрядцев Бразилии гораздо более открыты иноязычной лексике, чем говоры старообрядцев Аргентины, Боливии и Уругвая, что, возможно, обусловлено особой языковой ситуацией в старообрядческих общинах Бразилии. Заимствования составляют две группы. В первую входят слова, обозначающие действительно новые для старообрядцев реалии: *адýба* – порт. *adubo* ‘химическое удобрение’, *алержи́я* – порт. *alergia* ‘аллергия’, *алке́р* – порт. *alqueire* ‘принятая в Бразилии единица измерения площади сельскохозяйственной земли’, *ко́дик* ‘телефонный код; почтовый индекс’ – исп. *código*, порт. *código* ‘код’, *мат э́рия* – порт. *matéria* ‘школьный предмет’, *махина́рия* – порт. *maquinaria* ‘техника’, *паст э́лы* ‘род жареных пирожков’ – исп. *pastel* ‘пирог’, *пе́за* – исп. *peso* ‘денежная единица в Аргентине’, *реа́л* – порт. *real* ‘денежная единица в Бразилии’, *фаз э́нда* – порт. *fazenda* ‘имение’, *фарма́сия* – порт. *farmácia* ‘аптека’, *фле́ча-бу́с* – исп. *flecha bus* ‘автобус-экспресс’ и др.

Вторую группу составляют заимствованные слова, которые являются испанскими или португальскими эквивалентами общерусских или, реже, диалектных слов: *акомпани́ровать – сопровождать* (исп. *acompañar*), *вотова́ть – голосовать* (порт. *votar*), *жиладэ́ра* / *жилады́ра – холодильник* (порт. *geladeira*), *ка́мпа – поле* (исп. *campo*, порт. *campo*), *камио́н – грузовик* (исп. *camión*, порт. *camião*), *кахо́н – ящик* (исп. *cajón*), *кынцы́р – рак* (болезнь) (исп. *cáncer*, порт. *câncer*), *ли́ша – мусор* (порт. *lixo*), *ма́па – карта* (географическая) (исп. *mapa*, порт. *mapa*), *ру́та – дорога* (исп. *ruta*), *эскрито́рия – конто́ра* (порт. *escritório*); *алгодо́н* – диал. *ва́та* ‘хлопок’ (порт. *algodão*) и др. Приведенные пары слов представляют собой межъязыковые синонимы и употребляются в диалектной речи параллельно.

Есть заимствания и из английского языка, «привезённые» из Орегона: *бе́ба* ‘ребенок’ (англ. *baby*), *гриньха́ус* ‘теплица’ (англ. *greenhouse*).

Некоторые иноязычные слова претерпевают в говорах интересную семантическую адаптацию. Так, из английского языка пришло слово *garbage* ‘мусор’. На основании метонимического переноса оно стало использоваться в речи старообрядцев в значении ‘емкость для мусора’: «“Брось в *га́рбич*” – большая посудина, как мусорка. Больше “в ли́шу”, “ли́ша” – это по-бразильски, редко “мусорка”» (Бразилия, штат Парана), затем у него развилось значение ‘бочка, в которой квасят брагу’: «*Га́рбич* – по-американски бочки, мусор складывать. <…> Стали покупать такие бочки, квасить брагу, и *га́рбич* называм. 50, 100, 220 литров, оне с покрышкой. Мы сейчас квасим 50 литров *га́рбич*» (Бразилия, штат Мату-Гроссу).

Старообрядцы охотно рассуждают о русском и «другом» языке, у многих из них хорошо развита метаязыковая рефлексия. В беседах с нами, употребив «испанское» или «бразильское» слово, они часто давали пояснения, причем без нашей просьбы. Вот несколько примеров с такими метаязыковыми вставками: «Где он сейчас берёт землю, *и́зла* называют, что как *и́зла*. *Я не знаю как, остров ли его зовут, что остров. Так “изла”, “изла” здесь зовут, “изла” – так и мы, а остров*» (Аргентина), исп. *isla* ‘остров’; «*Фижо́н* сеем – *по-русски квасо́ль*» (Бразилия), порт. *fejão* ‘фасоль’; «Мы бразильянские подданные, мы *вото́ем, голосуем* ходим, как бразильяны (Бразилия), порт. *votar* ‘голосовать’; «Учитель был – *по-здешному професо́р*» (Бразилия), порт. *professor* ‘учитель, преподаватель’; «У него *повертю́ха* была – *грип по-здешному*» (Бразилия), порт. *gripe* ‘грипп’.

Итак, русский диалектный язык в старообрядческих общинах Аргентины, Боливии, Бразилии, Уругвая не только сохраняется во всех поколениях, но развивается. В нем появляются новые слова – созданные по русским словообразовательным моделям и заимствованные из контактирующих языков, развивается лексическая многозначность и синонимия, представлено разнообразное варьирование языковых единиц. А значит, он обладает свойствами, присущими живой языковой системе. Если учесть, что благодаря сохранению традиционной старообрядческой культуры и отсутствию влияния русского литературного языка в говорах синьцзянцев и харбинцев Южной Америки представлен комплекс диалектных черт в его целостности, то окажется, что носителем «качественной определенности» диалектной системы в ее исконном виде являются именно их говоры, а не материнские по отношению к ним говоры Алтая и Дальнего Востока. Другими словами, на данном пространстве русофонии центр и периферийная зона меняются местами.

И последнее наблюдение. Е. А. Земская отмечает, что в условиях эмиграции происходит постепенная утрата письменной формы литературного русского языка. Диалектный русский язык никогда не имел и сейчас не имеет письменной формы.

Выше отмечалось, что старообрядцы Южной Америки с большим трудом пишут по-русски, этим они напоминают малограмотных бабушек из современных российских деревень. Между тем важно иметь в виду, что старообрядческая культура – культура книжная и письменная. Превосходный знаток культуры конфессиональных групп С. Е. Никитина об одноверцах наших старообрядцев в США пишет следующее: «Количество книг, необходимых в богослужении, исчисляется десятками, и круг домашнего чтения грамотного старообрядца может представлять собой солидную библиотеку из религиозных книг на церковнославянском языке. Кроме того, существуют певческие книги, предполагающие крюковую грамотность. Многие американские староверы переписывали религиозные тексты, в частности духовные стихи; теперь их ксерокопируют и посылают в Россию. Однако знание церковнославянского языка не очень помогает в освоении письменной формы языка русского. Многие староверы, особенно молодого и среднего возраста, пишут русский текст латиницей, как и молокане, а если по-русски (например, письма), то печатными буквами» [17, с. 91]. В Южной Америке в некоторых семьях нам приходилось видеть собрание религиозных книг, а также сделанные по-русски записи песен и короткие подписи к компакт-дискам с русскими фильмами.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что старообрядцы – это та среда, которая потенциально может иметь письменную форму русского диалектного языка. Убедительным доказательством служит недавно переданная мне автором – 50-летним старообрядцем из Уругвая – рукопись. Это объемный труд (700 страниц формата А4), написанный печатными буквами, созданный с ноября 2009-го по июнь 2010 года – «повесть и жытие» автора. Лингвистическая ценность этой старообрядческой рукописи XXI века безусловна. Она представляет собой классический образец фонетического письма, отражающего в том числе тонкие фонетические особенности синьцзянского говора и имеющего свою графическую, орфографическую и пунктуационную систему. Лингвистическое изучение этой рукописи впереди, а пока я приведу короткий фрагмент, который показывает преломление древнерусской житийной традиции в сознании современного старообрядца. При передаче текста я использую орфографическую запись, отражающую наиболее яркие диалектные черты; пунктуационные знаки расставлены по моему усмотрению; знаки ударения соответствуют акцентуации слов в звучащей диалектной речи.

«Предки моей ма́териной стороны. Прапрадéда – Иларивон Шутов, с Урала. Потом стали называть Шу́товскя заимка, а впоследствии переименовали в Шутовские заводы. Был очень богат и очень религиозный, соблюдал все заповеди Господни, был добр и милостив. Но смерть его страшна и чу́дна.

Когда пришли кра́сны к власти, раскулачили и нашего прапрадеда. Ка́знили как могли, вырезали ремни, жгли, били, топили, издевались, томили

в тюрьме. Бог знат что только ни делали, и в консы́ конса́х[11] повели их на расстрел. Поставили их к стене, дали команду «огонь». После выстрела все пали, а наш прапрадеда Иларивон как стоял, так и стоит. Подошли, в упор ишо выстрелили – он всё стоит. Подбежал старшина, хотел сашкой[12] зарубить – сашка переломилась. Он всё стоит. Все обезумели. Он попросил пить. Подали ему напиться. Он пивнул трижды, вообразил на себе крестное знамя[13], ляг[14] и скончался. Это всем было ужасно».

Источники и литература

1. Авина Н. Язык русской диаспоры в современной Литве // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2005. № 2. [Электронный ресурс: http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1048]

2. Беликов В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004. – С. 23 – 28. [Электронный ресурс: http://www.lingvo.ru/goroda/articles.asp?article=43937]

3. Бондарко Л. В. Звуковая система языка и произносительная норма. СПб., 2000. [Электронный ресурс: http://www.speech.nw.ru/regions/Articles/bondarko.html]

4. Бромлей С. В. Лингвистическая география // Русская диалектология. Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005. – С. 235–245.

5. Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М., 1993. [Электронный ресурс: http://www.gramota.ru/biblio/research/variants/]

6. Голубева-Монаткина Н. И. Эмигрантская русская речь // Русский язык зарубежья / Под ред. Е. В. Красильниковой. М., 2001. – С. 8 – 68.

7. Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.

8. Жанр интервью: Особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге / Ред. Марья Лейнонен. Tampere: Slavica Tamperensia VI. Tampere University Press, 2004.

9. Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. – С. 5 – 18.

10. Касаткин Л. Л. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. – С. 573 – 608.

[11] В конце концов.

[12] Шашкой

[13] Перекрестился.

[14] Лёг.

11. Касаткина Р. Ф. Вечные странники в Орегоне // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. – С. 184 – 199.

12. Кудрявцева Л. А. Пресс-релиз по итогам IV Международной конференции «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, 8 – 11 июня 2010 г.). [Электронный ресурс: http://www.mapryal.org/content/]

13. Кузнецов С. Н. Геолингвистика (спецкурс). [Электронный ресурс: http://genhis.philol.msu.ru]

14. Ли В. С. О лингвистическом статусе русского языка в странах СНГ // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20 – 23 марта 2010 г.). Труды и материалы. М., 2010. – С. 662 – 663.

15. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М., 2009.

16. Найдич Л. Новая алия сохраняет русский // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2005. № 2. [Электронный ресурс: http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1045]

17. Никитина С. Е. Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // Русский язык зарубежья / Под ред. Е. В. Красильниковой. М., 2001. – С. 69 – 118.

18. Норман Б. Ю. О лексико-семантических сдвигах в белорусском варианте русского языка // Проблемы лексической семантики. Тезисы докладов. Девятые Шмелевские чтения. М., 2010.

19. Орел В. Э. Русский язык в Израиле // Славяноведение. 1994. № 4. – С. 35 – 43.

20. Осипова М. А. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2002. – С. 448 – 464.

21. Протасова Е. Ю. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004.

22. Ровнова О. Г. «Полиглоты поневоле»: языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки // Старообрядцы за границей. История. Религия. Язык. Культура / Под ред. Ст. Гжибовского. Торунь, в печати.

23. Рогачевский А. Из наблюдений над устной речью русской диаспоры в Великобритании // Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Тарту, 2000. – С. 120 – 125.

24. Рудяков А. Н. Русофония и русистика в XXI веке // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2007. № 110. Т. 1. – С. 7 – 9.

25. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2009. № 168. Т. 1. – С. 7 – 10.

26. Рудяков А. Н. Георусистика и украинский национальный вариант русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20 – 23 марта 2010 г.). Труды и материалы. М., 2010. – С. 672.

27. Рудяков А. Н. Георусистика – русистика XXI века // Доклад на IV Международной научно-практической конференции «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, 8 – 11 июня 2010 г.).

28. Рудяков А. Н. Георусистика и лингвистические механизмы формирования национальных вариантов русского языка // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21 – 26 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / Отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко. М., 2010. – С. 64 – 68.

29. Сабитова З. К. Русский язык в Казахстане // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20 – 23 марта 2010 г.). Труды и материалы. М., 2010. – С. 673.

30. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006.

31. Титаренко Е. Я. Об изучении и описании национального украинского варианта русского языка // Русский язык в поликультурном мире: III Международная научно-практическая конференция (6 – 9 июня 2009, г. Ялта): Сб. науч. тр. Киев – Ялта, 2010. – С. 127 – 131.

32. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Тарту, 2000.

33. Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21 – 26 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / Отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко. М., 2010.

34. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография / Отв. ред. Земская Е. А. – М.; Вена: Языки славянской культуры; венский славистический альманах, 2001. – 496 с.

С. Дель Гаудио

Об украинском варианте русского языка: спорные вопросы

Задача статьи состоит в обсуждении спорного вопроса: правомерно ли утверждать, что в бывших республиках Советского Союза, особенно в Украине, используется «национальный» вариант русского языка. На IV Международном Конгрессе «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20-23.03.10) подчеркивалось, что определение роли русского языка и исследование степени его вариативности за пределами России в сравнении с установленной нормой, представляется актуальным в современной русистике [3, с. 649].

Дискуссии на секции «Социолингвистика и культурология» вышеупомянутого конгресса подтвердили, что существуют разногласия относительно статуса русского языка в странах бывшего Советского Союза. Как отметил Б. Г. Ахметшин [1, с. 635], «социальный статус и сфера использования русского языка за пределами России, особенно в странах СНГ, неоднородны и неравнозначны». Дебаты секции, хотя и проводились на научном уровне, напоминали острую полемику между А. Н. Рудяковым[1] и его оппонентами о приемлемости существования украинского *национального* варианта русского языка.

Перед обсуждением любой проблемы, необходимо подчеркнуть, что теоретическая дискуссия не возможна вне рамок социолингвистического постулата о том, что: а) вариативность является характерной особенностью всех языков; б) все языки мира варьируют в пространстве, а также на социальном и индивидуальном уровне [3, с. 649]. Из этого следует, что в новых геополитических условиях, где играют немаловажную роль иные экстралингвистические факторы, такие, как языковая политика, языковые контакты и т. д., предполагается более высокая степень вариативности.

Традиционная статичность мышления части российских и украинских социолингвистов осложняет понимание процесса вариативности русского языка в новых независимых государствах. Это объясняется тем, что в Советском Союзе социолингвистические исследования были ограничены определенной целью. Кроме того, сама концепция русского литературного языка, была монолитной, как показывает публицистическая книга В. В. Виноградова «Великий русский язык» (1945) [2, с. 397]. Мысль о том, что русский литературный язык может отличаться от установленной нормы, была недопустима.

Вариация рассматривалась преимущественно в отношении *диатопической* дифференциации в пространстве, то есть на уровне диалектов и

[1] См.: http://rk.crimea.ua/30/57/article_667.htm; http://rk.crimea.ua/37/57/article_874.htm; http://www2.maidan.org.ua/news/view.php3?bn=maidan_krym&trs (26.04.2010).

диастратическом уровне[2], например, наблюдался определенный интерес к изучению городских жаргонов и просторечий.

Распад Союза, изменения социо-политических и культурных условий, вместе с распространением «национальных» и местных языков, привел к тому, что лингвисты обратили особое внимание на взаимоотношения между русским и местными языками, чтобы, прежде всего с идеологической целью продемонстрировать «негативное» влияние первого на языки титульных наций [3]. Постсоветские исследовательские условия способствовали вниманию к изучению особенностей функционирования русского языка в новых геополитических и социолингвистических контекстах.

Аспекты вариативности русского языка по отношению к российской норме стали очевидными[3]. Бесспорно, во многих независимых государствах сферы употребления русского языка значительно ограничены в пользу местных, национальных языков, что ускорило процесс дивергенции из русского стандартного языка, особенно на устном уровне. С другой стороны, сегодня в письменном русском литературном языке, и не только в Украине, вариация минимальна, почти не ощутима. Это объясняется тем, что большинство книг и пресса, чаще всего, импортируются из России.

Однако, отметим, что социолингвистическая реальность каждой независимой страны – своеобразна и специфична, и это неоднократно подчеркивалось на Конгрессе. Следовательно, обобщение социолингвистических феноменов тех государств, в которых русский язык является ежедневным средством общения, возможно только отчасти. Действительно, анализ и интерпретация социолингвистических факторов возможны исключительно в рамках специфического социокультурного и исторического контекстов. Например, можно согласиться с дефиницией «георусистика», предложенной А. Н. Рудяковым [6, с. 7], согласно которой объектом исследования «является не русский язык, а глобальное русскоязычное пространство» [там же]. Также можно согласиться с функциональной моделью А. Н. Рудякова[4], которая предусматривает понятие центра, ядра и периферийной зоны, где «позицию центра языкового мира занимает основной вариант языка». Для русскоязычных стран – это российский вариант русского языка. Можно дискутировать, подходит ли термин «русофония[5]», который использован по аналогии с языковой ситуацией франкоязычных территорий, и хотя модель А. Рудякова – вполне приемлема, традиционный социолингвистический

[2] Для терминов диастратический и диатопический, см.: E. Coseriu [7].

[3] Разумеется, что и раньше, на бывших территориях Советского Союза, существовали степени вариативности русского языка.

[4] Подробнее, см.: А. Н. Рудяков (2009: 8).

[5] Подробнее, см.: А. Н. Рудяков (2009: 8).

термин «вариант[6]», на наш взгляд, полностью подходит для анализа любого дивергентного процесса.

Если же речь идет непосредственно о лингвистической ситуации в Украине и о роли русского языка в этой стране, то необходимо проанализировать многослойные факторы, как в синхронии, так в диахронии, сложившиеся на основе формирования (постепенного процесса замены)[7] и употребления русского языка в Украине.

Социолингвистическая ситуация и история распространения русского языка в Автономной Республике Крым заслуживает отдельной главы. Коротко добавим, что со второй половины XVIII в. и до провозглашения независимости Украины (1991), языковая норма русского языка была предписана Россией. Тем не менее, всегда существовала «манера общения» с маркированными «украинскими» чертами даже наиболее русифицированных территорий, которые исторически принадлежали российской империи и где живут народы в основном российского происхождения (восточные регионы Украины и Крым). Такие отличительные черты (например, смещение ударения на первый слог в словах *нàчала, пòняла* или изменение предлога в словосочетании *говорить за кого-то/что-то* вместо *говорить о ком-то/чем-то*), или употребление лексических реалий, выражающих украинские понятия (например, *рада* вместо *дума; хата* вместо *дом; свято* вместо *праздник* и т.д.), достаточно широко распространены на национальном уровне. Следовательно, можно говорить об *украинском варианте* русского языка[8].

Поэтому, когда речь идет о русском языке в Украине, особенно в его устной форме, то в целом имеется в виду вариант русского языка с характерными особенностями, отличающими его от русского литературного языка России, который мы в дальнейшем будем именовать «*стандартный русский язык*»[9]. Ту разновидность русского языка, на котором говорит большинство

[6] Русофония или русскоязычное пространство формируется национальными вариантами русского языка, возникающими в государствах, где русский язык используется для эффективного социального взаимодействия с другими национальными языками: украинским, казахским, белорусским и т.д.

[7] Ср. Английский термин «language variety». «In sociolinguistics a variety, also called a lect, is a form of a language used by speakers of that language. This may include dialects, accents, registers, styles or other sociolinguistic variation, as well as the standard language variety itself. "Variety" avoids the terms language, which many people associate only with the standard language, and dialect, which is associated with non-standard varieties thought of as less prestigious or "correct" than the standard. Linguists speak of both standard and non-standard varieties. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Variety_(linguistics)#cite_note-MeechamReesMiller-0 (24.02.2010).

[8] Напомним, что на большей части украинских территорий, русский язык постепенно заменил ранее широко употребляемые формы таких литературных языков как, например, церковнославянский язык украинского извода (славянорусский язык) и старый украинский литературный язык.

[9] Согласно европейской и английской лингвистической традиции, а также чтобы не было путаницы между понятиями литературный язык и язык литературный, предпочтительно употреблять термин «стандартный язык». Ср. англ. Standard language. Также см.: В. И. Беликов, Л. П. Крысин, Социолингвистика, 2001, Москва, [2, с. 42-43].

украинцев, и в меньшей степени русскоязычное население Украины[10], определим как «*украинский*» вариант русского языка.

Своеобразие между стандартным русским и вариантами русского языка состоит в том, что первый называется так по отношению к национальному стандарту в Украине. Однако специфика лингвистической ситуации в отношении русского языка заключается в том, что он уже лишен статуса официального языка, хотя *de facto* преобладает почти во всех сферах, за исключением официальной государственной. То есть, в течение последних десяти лет, русский язык выполняет функцию бытового языка ежедневной, неформальной коммуникации[11]. Другими словами, имеет место социолингвистическая ситуация, противоположная той, что была во времена Советского Союза, когда русский язык преобладал во всех официальных сферах и потому ассоциировался с высоким социально-культурным статусом (престижем), в то время как украинский оставался языком преимущественно межличностного общения.

Важно уточнить, что когда речь идет об украинском варианте русского языка, следует, прежде всего, иметь в виду в основном русскоязычное население крупных промышленных городов восточного и юго-восточного регионов Украины[12]. Лингвистическая ситуация в украино-язычных западных областях также достаточно гомогенна. А в центральных и северных областях языковая карта гетерогенна: там используются украинский и русский, с незначительным преобладанием украинского языка[13]. Безусловно, вариативность не касается всех говорящих и всех социальных слоев, но есть часть русскоязычного населения, не обязательно принадлежащая к этническим россиянам, которая следует норме стандартного русского языка России; к ним относятся преподаватели, интеллектуалы, ученые, военные высокого ранга, профессионалы разных отраслей и т. д. Как правило, это представители старшего поколения, которые получили образование в советский период и вели мобильный образ жизни[14].

---

[10] Важно подчеркнуть, что живущие в Украине представители многих национальностей предпочитают общаться на русском (а не на украинском) языке.

[11] Нельзя воспринимать такое разделение буквально. Часть населения, особенно восточных регионов, даже в государственных учреждениях демонстративно отказывается использовать украинский язык. По нашему мнению, подобное социолингвистическое поведение не является конструктивным.

[12] Подробнее, см.: S. Del Gaudio. Вариативность русского языка в Украине. // Przegląd Wschodnioeuropejski, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, 2010 (в печати) [8].

[13] Согласно европейской и английской лингвистической традиции, а также чтобы не было путаницы между понятиями *литературный язык* и *язык литературный*, предпочтительно употреблять термин «стандартный язык». Ср. англ. *Standard language*. Также см.: В. И. Беликов, Л. П. Крысин, *Социолингвистика,* 2001, Москва, [2, с. 42-43].

[14] Важно подчеркнуть, что живущие в Украине представители многих национальностей предпочитают общаться на русском (а не на украинском) языке.

На настоящем этапе, разумно говорить лишь о *вариативности* русского языка в Украине, которая со временем (и теоретически), могла бы стать «национальным» вариантом русскоязычного населения этой страны. Однако, для осуществления этого процесса необходимо, во-первых, чтобы украинские носители русского языка осознавали существование этого варианта; во-вторых, чтобы большинство носителей украинского варианта русского языка признали его, сначала на официальном уровне, а затем начали употреблять его в письменной литературной форме.

Объективные сложности реализации *национального* варианта, в нашем случае, русского языка Украины, особенно в письменной форме, вместе со стремлением украиноязычного населения закрепить официальный статус и расширить сферы употребления украинского стандартного языка, не только осложняют этот процесс дивергенции из «центра» к «периферии», но также вызывают сопротивление титульной украинской нации, с одной стороны, и скептицизм защитников нормативного русского языка России, с другой[15].

На наш взгляд, необходимо различать общепринятый вариант русского языка Украины и разные уровни интерференции, как результат влияния украинского языка на русский и их взаимодействие. Общее описание типичных отличительных характеристик украинского варианта русского языка, с определенной долей объективности, – возможно. Но полная социо- и, в частности, лингвистическая картина предусматривает целенаправленное полевое исследование на национальном уровне, особенно на русскоязычных территориях Украины.

Таким образом, современная языковая практика Украины не представляет собой гомогенную социолингвистическую картину. С одной стороны, формальные функции украинского языка и его социальный и культурный статус закреплены Конституцией. С другой стороны, в стране можно наблюдать ситуацию несимметричного билингвизма с чертами диглоссии, не говоря уже о социолингвистической функции так называемого «суржика»; иными словами, можно говорить о «триглоссии» [9, с. 264-270]. Также исключаем существование «русского суржика», точнее суржика на основе русского языка [там же].

Из этого следует, что мы не можем полностью согласиться с утверждением Ю. В. Дорофеева [4, с. 652] о том, что «значительную роль в создании этого варианта (то есть украинского варианта русского языка) играет суржик». Мы неоднократно повторяли, что суржик имеет более глубокие корни, по сравнению с простой интерференцией, и что украинский вариант русского языка существует независимо от суржика. С другой стороны, можем разделить мнение Ю. В. Доро-

[15] Нельзя воспринимать такое разделение буквально. Часть населения, особенно восточных регионов, даже в государственных учреждениях демонстративно отказывается использовать украинский язык. По нашему мнению, подобное социолингвистическое поведение не является конструктивным.

феева о том, что «одним из условий формирования национального варианта языка является широкая область функционирования отдельного языка на территории ряда государств (бывшего СССР) и что русский язык находится в стадии *расщепления* на варианты» [там же]. На данном этапе еще сложно предвидеть, когда и в какой форме «украинский вариант» русского языка будет полностью реализован.

Источники и литература

1. Ахметшин Б. Г. Проблема функционирования русского языка в постсоветском пространстве. (Тезисы). // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. – Москва: 2010. – С. 635-636.

2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистик*а*. – Москва: 2001. – С. 42-43; 397.

3. Дель Гаудио С. Вариативность русского языка в Украине. (Тезисы). // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. – Москва: 2010. – С. 649.

4. Дорофеев Ю. В. О развитии вариантных форм русского языка в Украине. (Тезисы). // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. – Москва: 2010. -С. 651-652.

5. Масенко Л. Т. Мова і політика. – Київ: 2004.

6. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка. // Культура Народов Причерноморья. – Симферополь: 2009. – № 168. – т.1. – С. 7-10.

7. Coseriu E. Lezioni di linguistica generale. – Torino: 1973.

8. Del Gaudio S. Вариативность русского языка в Украине. // Przegląd Wschodnioeuropejski, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, 2010 (в печати).

9. Del Gaudio S. On the Nature of Suržyk: a Double Perspective. *Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 75, München – Wien: 2010. – p. 264-270.

10. http://rk.crimea.ua/30/57/article_667.htm;http://rk.crimea.ua/37/57/article_874.htm; http://www2.maidan.org.ua/news/view.php3?bn=maidan_krym&trs(26.04.2010); http://en.wikipedia.org/wiki/Variety_(linguistics)#cite_note-MeechamReesMiller-0 (24.02.2010).

Р. В. Забашта

Языковая вариативность и особенности номинативной системы украинского варианта русского языка

Возникновение новых государств после распада Советского Союза и процессы национального самосознания значительно повлияли на языковую ситуацию многих стран. Русский язык, имевший на протяжении всего XX века фактический статус языка межнационального общения, сегодня воспринимается как язык полинациональный, то есть как язык, способный обеспечивать коммуникативные потребности жителей отдельных независимых государств. Украина относится к числу таких государств по двум причинам: во-первых, исторически на территории этой страны проживало большое количество людей, говорящих на русском языке (на сегодняшний день более 90% населения нашего государства владеет русским языком) и, во-вторых, современная языковая ситуация характеризуется отчётливой тенденцией незначительного изменения русского языка, его вариативности в зависимости от территориального распространения и функционирования в новых социальных условиях.

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение вариативности как универсальной характеристики полинациональных языков и выявление некоторых особенностей номинативной системы украинского варианта русского языка, то есть разновидности русского языка, функционирующей на территории Украины.

Процессы глобализации, «открытость» и стремление социалем к межкультурным, деловым и др. контактам закономерно приводят к попыткам по-новому взглянуть на мировые языки, увидеть их качественные изменения и определить их функциональную специфику. В этом смысле русский язык выполняет важную функцию – обеспечение доступа к знаниям о мире, к глобальной информационной базе. По ряду экстралингвистических причин объём информации, закодированный средствами какого-то естественного языка, всегда будет отличаться от объёма информации, закодированного средствами другого языка, и здесь глобальным языком оказывается более приспособленный к выражению содержания язык. В современном мире «книгопечатание, радио, телевидение и компьютерные сети увеличивают потоки информации в нарастающей прогрессии. Современные языки-макропосредники вышли за пределы своих регионов и становятся мировыми (глобальными) языками, образуя «клуб мировых языков» [6, с. 184]. Одним из таких языков, без сомнений, является русский язык, и вопрос о его статусе по отношению к другим мировым языкам должен определяться не на основании исключительности и специфичности его форм, но на основании развитой системы средств выражения, максимально отвечающей потребностям пользователей. Другими словами,

глобальные языки могут обеспечивать процессы социального взаимодействия во всех сферах без исключения, более того, они способны быть посредниками между различными микромирами (отдельные регионы), а также способны быть проводниками, или конституирующими частями макромиров – наднациональными сообществами, объединёнными по ряду признаков, среди которых ведущим является языковой признак (Европа, Русский мир, Арабский мир, Латинская Америка и др.), в этом заключается их особая функция. В подтверждение наших слов отметим здесь такое функциональное качество русского языка, как статус официального языка различных всемирных конференций, например, русский язык стал официальным на Третьем Всемирном конгрессе информационных агентств в Аргентине, проведение которого запланировано на октябрь 2010 года. Примечательно, что русский язык выступает в данной функции наряду с английским, испанским и арабским языками.

Развитие естественных языков – в равной степени медленное, как и постоянное изменение; в процессе языковых изменений «в определённый отрезок времени сосуществуют старые и новые элементы. В то же время имеют место и функциональные варианты национального языка, между которыми имеются как стандартные, так и нестандартные варианты, относящиеся к разным пластам национального языка (разговорный, просторечный и т.п.). Между ними имеются различия, в первую очередь, в их прагматических значениях» [17, с. 52]. Прагматические значения как ценностные различители вариантных форм прежде всего касаются социально-территориальных характеристик языка.

В современном языкознании существуют две противоположные точки зрения относительно возможности варьирования полинационального языка. Согласно одной из них, литературный язык является единым, но вместе с тем сложным и варьирующимся на территории одного государства или на территории других государств, способным к образованию национальных вариантов (И. И. Срезневский, А. М. Соболевский, Ф. Е. Корш, А. Н. Томсон, В. А. Богородицкий, А. А. Шахматов, Н. М. Каринский, Р. Р. Гельгардт, З. М. Альмухамедова, Н. В. Парикова, К. И. Чуркина, М. В. Панов, И. Г. Добродомов, Т. И. Ерофеева, О. Д. Крыжановская, М. Д. Харламова, А. Н. Рудяков и др.). Партнёрство языков при данном подходе – исходный принцип языкового развития, залог качественной устойчивости в историческом процессе. Однако это оспаривается лингвистами, считающими единство и строгую нормализацию литературного языка его непременными свойствами, признание же регионального или национального варьирования означает разрушение языка, его «порчу» (Е. Ф. Будде, В. И. Чернышев, В. К. Фаворин, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин, В. Г. Орлова, Л. И. Скворцов, Л. А. Вербицкая и др.).

Исследователи, придерживающиеся второй точки зрения, усматривают в языковых контактах угрозу «чистоте» русского языка. Примечательны в

этом смысле бескомпромиссные предостережения лингвистов от «порчи» языка и нарочито негативное отношение ко всему новому, тому, что даже в самой меньшей степени варьирует норму или предполагает в определённых условиях её замену: «Опасность для самого языка заключается в том, что к среднелитературному (в лучшем случае) типу принадлежит не просто большинство образованного населения, а и люди, на речь которых население в первую очередь ориентируется – журналисты и писатели. Именно их речь обычно считается правильной, образцовой, предметом подражания (чего никак нельзя сказать о речи политиков и властных представителей, их речь, наоборот, осуждается или пародируется), а потому именно их речь расшатывает систему языка, пагубно влияет на состояние речевой культуры общества» [13, с. 246]. Здесь представляется важным отграничить традиционное понимание вариативности как нарушения нормы от понимания вариативности как способности развития языка в новых для него условиях функционирования. Именно такой подход к вопросу о территориальной изменчивости языков позволяет проникнуть в сущность проблемы проведения адекватной языковой политики [4; 9; 10]. Как отмечают современные исследователи русского языка в Украине, если процесс обучения двум близкородственным языкам «организовать неправильно или просто пустить на самотёк, то случится как раз то, что и наблюдается повсеместно в современной Украине: русский и украинский языки как бы мешают друг другу, то есть наблюдается бесконтрольная интерференция» [5, с. 228]. Интерференция, безусловно, является первым и необходимым этапом взаимодействия языков, но не единственным. В результате этих процессов «выкристаллизовываются» новые формы языков.

Вариативность также рассматривается рядом лингвистов (З. Д. Богословская, Г. В. Степанов, А. Д. Швейцер, А. И. Домашнев, Е. А. Реферовская и др.) в качестве компромисса «между вечным стремлением к обновлению языка и оборонительной реакцией на все новое, необычное» [2, с. 9], существенным языковым свойством, обеспечивающим функциональность системы – предоставление говорящему языковых средств для решения его практических задач. Переосмысление задач современной лингвистики продиктовано в первую очередь тем обстоятельством, что мир XXI века – это уже сосуществование и активное взаимодействие этнических, культурных, цивилизационных и др. образований, но никак не их изоляция. Скорость исторических процессов постоянно наращивается, что требует от языков большей рефлексии. Возможность варьирования заложена в самой языковой природе, идея вариативности предполагает изменчивость, модификацию чего-либо при сохранении некоторых определенных свойств, поскольку «язык подчиняется не одним лишь внутренним имманентным законам развития, но и неизбежно подвергается воздействию целого комплекса экстралингвисти-

ческих факторов: демографических, политических, социокультурных и пр. Темпы и уровень развития языка (особенно это касается языка литературного) непосредственно связаны с характером его функционирования в конкретный период времени, его коммуникативным статусом и количеством носителей, объемом выполняемых им функций, а также наличием или отсутствием внешних (политических, социальных, юридических) ограничений его употребления. Данная проблема приобретает особую остроту при исследовании коммуникативного пространства на этнически неоднородных территориях с одновременным сосуществованием нескольких языков» [14, с. 4]. В современном мире подобное сосуществование – скорее объективная данность, чем искусственно созданное условие нежелательного «взаимопроникновения» языков. При этом ни один полинациональный язык не «растворяется» в другом, его лишь приспосабливают к новым условиям функционирования: к другой культуре, к другому быту, к другой социальной стратификации, то есть к другим реалиям вообще.

С 50-х гг. XX века вопрос о «национальных особенностях» западноевропейских языков рождает целое направление исследований (преимущественно касающихся языковых особенностей английского языка в США, немецкого – в Австрии, испанского – в странах Латинской Америки, французского – в Канаде, Бельгии и Швейцарии). Согласно выработанным теоретическим положениям этого периода, «национальные разновидности или варианты являются определенными формами приспособления единого языка к условиям, нуждам общественного развития и традициям наций – носителей данного языка и представляют собой особые формы функционирования единого языка» [3, с. 8]. Обращает на себя внимание словосочетание «единый язык», то есть британский английский, американский английский, австралийский английский, английский ЮАР – это всё формы существования английского языка, но в разных социокультурных условиях.

Если обратиться к истокам возникновения американского варианта английского языка, то нужно прежде всего обратить внимание на результаты британской переселенческой колонизации Северной Америки. Особое влияние на язык американцев оказали существенные различия в жизни и быте колонистов в США и Великобритании. Иной климат, природа, окружение и быт привели к адаптации и возникновению в местном английском новых слов и понятий. Речь идёт о следующих номинативных единицах, возникших именно в речевой практике американцев и не получивших распространения в Англии: названия растений и животных североамериканского континента (*moose* – ‘североамериканский лось’ при английском *elk*, которое в США получило значение изюбрь), различных явлений, связанных с государственным и политическим строем США (*dixiecrat* – ‘демократ из южного штата’), с бытом американцев (*drugstore* – ‘аптека-закусочная’). В процессе развития новой формы какого-либо конкретного языка в новых социокуль-

турных условиях вариативность языка прослеживается во всех подсистемах, так, американский английский приобрёл ряд фонетических особенностей (например, частичная утрата долготы гласных), лексико-семантических (например, часть слов в Англии стали архаизмами, но по-прежнему широко распространены в США: *fall* – 'осень' вместо франко-норманского *autumn*, *apartment* – 'квартира' вместо *flat*) и др. Лексикографическая практика также изменилась, появились словари Вебстера, которые отражают помимо прочего и орфографические нормы американского варианта (например, *skool* вместо британского *school*, *program* – вместо *programme*, *center* – вместо *centre*).

Таким образом, вариативность – это фундаментальное и всепроникающее свойство языка. Реальный процесс функционирования номинативной системы русского языка позволяет говорить о том, что она находится в состоянии «динамического равновесия под влиянием сдерживающих друг друга тенденций. Тенденции квалитативного характера являются разнонаправленными: одна из них отражает стремление языка к изменению и совершенствованию своей лексико-семантической подсистемы, что выражается в изменении семантики номинативных единиц языка, а вторая отражает потребность в ее устойчивости и стабильности, что выражается в консерватизме и неизменности лексического значения» [7, с. 3-4]. Следовательно, варьироваться могут языковые элементы, статус которых не позволяет качественно измениться языку, и одновременно существуют такие геолингвистические формы варьирования, приводящие к образованию региональных и национальных вариантов конкретного языка. Отметим, что для последнего типа характерна не только разнородная этническая среда, в которой изменяется язык, но и его национально-географическая автономность, то есть функционирование в пределах другого государства, в других социальных условиях. Национальный вариант языка – «різновид національної мови, який використовується різними етносами в певних країнах світу, отримує усвідомлену національною спільнотою автономію, хоч не має із власне національною мовою значних системно-структурних розбіжностей» [12, с. 411-412]. Именно изучение региональных и национальных вариантов естественного языка является предметом лингвистической вариантологии [4].

Итак, отметим условия образования национальных вариантов языка:

1) наличие исходного, варьирующегося национального языка, образующего стандарт (литературную форму), жаргоны, просторечие и диалекты;

2) государственная автономность территории, на которой существует новое языковое пространство;

3) территориальное обособление носителей языка от территории исходной формы языка;

4) возможность осуществления языковых контактов на новой территории;

5) условие стабильного баланса с инвариантом варьирующегося языка (сохранение качественной определённости);

6) осознание носителями языка своеобразия своей формы языка;

7) сбалансированная языковая политика государства.

По поводу типичных условий образования национальных вариантов языка нет единого мнения.

Современная концепция национальных вариантов русского языка была предложена в работах А. Н. Рудякова [9; 10 и др.], предложившего объектом русистики определить Русофонию – глобальное русскоязычное пространство. Следует подчеркнуть, что в современном мире люди, говорящие на русском языке, создают свой Универсум, не похожий на другие участки глобальной ноосферы; важно осознавать, «что «русскоговорящесть» как свойство личности не предполагает какой-либо определённой национальности, культуры, отечества. Это иной вид общности людей, вид, приобретающий едва ли не решающее значение в эпоху глобализации, когда языковые миры разрушают «старые» идентичности и творят принципиально новые» [9, с. 8]. Очевидно, что если какой-либо язык используется не только носителем соответствующей культуры, но и представителями других народов, причём необязательно этот язык является для них неродным (например, большинство русскоговорящих украинцев считают русский родным языком), то он не может не претерпевать каких-то изменений. Языковая вариативность в данном случае выступает признаком способного к конкуренции языка, языка планетарного, высокоорганизованного. Интересным для нас оказалось определение Русофонии, которые мы обнаружили в сборнике «Новое в русской лексике» (1993): «Русофония – наука о культурном звучании русской речи» [8, с. 310]. Следовательно, при таком понимании Русофонии речь идёт об изучении закономерностей распространения и об особенностях бытования русской культуры в мире, что не отвечает предмету русистики в нашем понимании.

В настоящее время в Украине в отношении вопроса регулирования языковой политики сложилась нестандартная ситуация. По поводу этого вопроса «украинское общество «расслаивается» не столько по признаку этнической принадлежности, сколько по социально-политическим и социально-психологическим характеристикам; наблюдается специфическое расхождение элитарного и массового сознания. Украинская политическая элита, в том числе официальные власти республики, в большинстве своём демонстрирует достаточно жёсткое, нетолерантное отношение к русскому языку, тогда как для основной части населения страны, в особенности в центральных, южных и восточных регионах, характерно совершенно другое, вполне толерантное, отношение к русскому языку (причём оно исходит не только от этнических русских, но и, что особенно важно, от этнических украинцев)» [15, с. 35]. Такой признак, как этническая принад-

лежность в эпоху глобализации, в мире сосуществования языковых «-фоний», утрачивает свою ценность, уступая место более важным, актуальным для исторического момента признакам, каким является языковой признак.

Таким образом, русский язык – это инвариант, «системный глубинный источник воздействия на подчинённые ему варианты. Он отражает исходно-системную сторону взаимодействия системы и среды» [1, с. 49]. Российский вариант русского языка есть не что иное как центральный вариант, носитель качественной определённости русского языка. Украинский вариант русского языка, активно формирующийся в настоящее время (равно как и другие национальные варианты), – ядерная зона Русофонии. Периферией Русофонии являются множественные островки русского мира, выполняющие свою функцию – функцию взаимодействия с другими «-фониями» глобальной геолингвистической системы. Одной из таких частных функций является функция преподавания русского языка (например, в языковых центрах и домах русской культуры в Западной Европе). Именно благодаря своему фактическому статусу (не подкреплённому, однако, на законодательном уровне) русский язык в Украине – это язык украинцев как двуязычной нации, и нельзя согласиться с мнением, согласно которому, русский язык вне территории Российской Федерации существует только в виде языка диаспоры. Почему? Представители диаспоры вынуждены изучать иностранный язык, именно он становится основным языком общения в процессах социализации эмигрантов в новой стране. Родной же язык используется преимущественно в семье; в результате билингв использует родной язык преимущественно в быту, русский в этом смысле становится средством национальной или культурной идентификации, но перестаёт выполнять ряд важнейших функций, в результате происходит процесс консервации языка. Очевидно, что совершенно иные социальные условия функционирования русского языка в современной Украине.

Факты варьирования могут быть незаметными, поскольку литературный русский язык, относящийся к центральной зоне Русофонии, считается первичной формой языка и, видимо из-за этого, кажется единственной. Однако явления, возникающие «вследствие культурно-языковых контактов, во-первых, свидетельствуют о своеобразии русской речи в международном общении, во-вторых, могут быть использованы и интерпретированы в процессе преподавания русского языка в условиях ограниченной языковой среды» [16, с. 93]. Проблема заключается в том, чтобы ответить на вопрос, поставленный перед преподавателем и школьным учителем: какому варианту русского языка нужно учить школьника или студента, усвоение какого из вариантов для него предпочтительнее. Подобные вопросы сегодня только предвосхищают особенности развития национальных вариантов русского языка в XXI веке.

Самым явным свидетельством вариативности какого-либо языка можно считать изменения в системе средств номинации, поскольку именно они служат для обозначения выражаемых при помощи языка компонентов ситуаций, фрагментов мира. Система номинации – это арсенал инструментов именования реалий, средств экспликации языковых понятий. Для описания национальных особенностей номинативной сферы языка мы будем использовать предложенное в работах А. Н. Рудякова понятие семантемы – функционально-семантическую единицу номинативной системы, представленную единством сигнификата и средств его экспликации (слов и словосочетаний), выбор каждого из которых обусловлен позицией номинации [11].

Русский язык, функционирующий на территории современной Украины, отличается не только вариативностью номинативных средств выражения отдельных семантем, но и появлением в структуре картины мира новых понятийных единиц.

Для современной языковой ситуации в Украине характерна русско-украинская интерференция с результатом вариантных омонимов: **доводить/довести** (от укр. доводити/довести) – ‘подтверждать правильность чего-л. фактами или доводами, доказывать что-л.’, ил.: *А невиновность его ещё надо довести, потому как фактов в деле мало. Каждый должен уметь доводить своё личное мнение, аргументировать его.* Единицы **доводить/довести** воспринимаются русскоговорящими украинцами как национальные вариантные средства номинации. В российском варианте русского языка единицы **доводить/довести** имеют совершенно другое значение: ‘доставить до какого-л. места; привести в какое-л. состояние; сообщить, передать’, ил.: *Чувствую, нужно его довести до дома, сам он вряд ли найдёт адрес.* Другой пример: **закидать (закидывать)/закинуть** (от укр. закидати/закинути) – ‘упрекать кого-л. в чём-л., предъявлять претензии по поводу чего-л.’, ил.: *Президент в который раз закидает главе правительства отсутствие сбалансированной политики в отношении газового вопроса*; в российском варианте эти единицы имеют значение ‘кинуть, бросить куда-л.; накинуть; придать чему-л. какое-л. положение резким движением назад, вверх или в сторону’, ил.: *Уже было его слуги совсем схватили меня и закинули верёвку на шею.*

Отчётливая тенденция к использованию носителями русского языка в Украине одного варианта семантемы в позиции, где в российском варианте русского языка приёмлем другой вариант, является не столько следствием русско-украинской интерференции, сколько заменой основного варианта семантемы, например, номинативная единица *криминальный* в украинском варианте используется вместо нормированных в российском варианте единиц *уголовный* и *преступный* (ср.: *уголовный кодекс – криминальный кодекс*, *преступная группировка – криминальная группировка*). Такую же унификацию вариантов для разных позиций номинации можно отметить в следующих

примерах: *вщент* (укр. вар. рус. яз.) = на мелкие части, вдребезги, без остатка, дотла, полностью, совершенно, окончательно (рос. вар. рус. яз.); *держак* (укр. вар. рус. яз.) = рукоять, черенок, древко (рос. вар. рус. яз.); *наснага* (укр. вар. рус. яз.) = воодушевление, подъём, заряд сил (рос. вар. рус. яз.) и др. Тем не менее, регулярность появления в речи русскоговорящих украинцев данных номинативных единиц ещё не изучена, поэтому рассмотренное явление следует признать на сегодняшний момент тенденцией употребления.

Характерным явлением для украинского варианта русского языка можно назвать активное пополнение подсистем общественно-политической лексики (*майдановец, ющенковец, бютовец, литвиновец, регионал, самооборонщик, Верховная Рада, януковец, ецовец, руховец, помаранчевый, оранжевый, бело-голубой, кучмист, урядовый, витренковец, зрада* и др.) и разговорно-бытовой (*пакунок* – ‘свёрток, посылка, пакет’, *непотреб* – ‘хлам, ненужные вещи’, *заскочка* – ‘щеколда’, *скрынка* – ‘ящик, коробка’, *колобродить* – ‘бедокурить’, *бешкетник* – ‘озоник, шалун’ и др.). Влияние украинского языка обеспечивает расширение микрополя средств выражения отдельного языкового понятия: *наявность (наличие, присутствие), маечня (вздор, чепуха, нелепость, чушь), смак (вкус), сведомо (сознательно), лад (порядок), запал (пыл, задор, азарт, воодушевление, рвение)* и др. Однако можно назвать и исключительные средства номинации, свойственные только украинскому варианту, например, в Украине (в отличие от России) говорят не *пасхальный кулич*, а *паска*, не *сотовая связь*, а *мобильная связь* и т.п. Изучать данные расхождения и давать им адекватное лингвистическое описание означает признать, что русский язык принадлежит всему миру, и его новые пользователи не «портят» язык, а приспосабливают его к реалиям своей жизни, культуре, ментальности и т.д.

Особый интерес представляет образование сложных слов и фразеологические варианты выражения семантем. В результате данных процессов новообразования в украинском варианте русского языка возникают слова, состоящие из основ разноязычного происхождения (*богатонациональный*, *власноручный*, *сельрада*), формирование новых лексем (*хитромудный*, *триверхий*, *самолюб*, *близнята*, *хлебороб, дроворуб*), а также происходит переосмысление внутренней формы русских слов (*богобоязливый*, *милозвучность*, *доброчестность*). В области фразеологии также наблюдается появление новых единиц (*страшные деньги* – ‘большая сумма денег’, ср. рос. *бешеные деньги*; *как на ножах* – ‘находиться в высшей степени в тревожном состоянии’, ср. рос. *сидеть как на углях*).

Развитие вариантных форм русского языка – поступательный процесс, отвечающий потребностям социалемы. Именно по этой причине следует говорить и о своеобразии номинативной системы российского варианта русского языка: для носителя украинского варианта такая новая единица, как *сатанисты* – ‘о тех, кто творит беззаконие, предаёт интересы России

(перен., бран.)' [8], окажется совершенно непонятной без специального толкования, равно как и для россиянина будет непонятным слово украинского варианта русского языка *регионалы* – 'о представителях политической партии «Партия регионов» в Украине'.

Апологеты доктрины единого нормированного русского языка высказывают мнение, согласно которому признание существования национальных вариантов русского языка возможно лишь тогда, когда отдельная использующая русский язык нация осознает его отличие от языка метрополии и – как следствие – придаёт ему статус государственного. Уротребление термина «язык метрополии» в применении к странам бывшего Советского Союза представляется нам следствием определённого мировоззрения, не отражающего реального положения дел. Это попытки осознать мир и место русского языка в нём с позиций «главный – подчиняющийся», «метрополия – колония», «столица – провинция», «правильный – испорченный», то есть с позиций иерархических отношений; в действительности же русский мир далеко не един в том смысле, что он представляет собой сообщества Русофонии, посвоему приспосабливающие русский язык к особым условиям функционирования. Взаимодействие данных сообществ строится на принципах паритета вариантных форм одного языка, «сети», то есть партнёрских отношений.

Не вызывают сомнений факты появления в речи носителей «нашего» русского языка отличий в области номинативных средств, неравномерности их распространения по территории Украины, тем не менее регулярность появления этих отличий – данность языковой ситуации. На юге происходят процессы крымскотатарско-русского взаимовлияния, на севере – белорусско-русского и т.д. Нет полностью сформировавшейся системы норм украинского варианта русского языка, поскольку велика степень вариативности номинативных и других средств. Однако наблюдение за речью украинских русскоговорящих политиков, журналистов, писателей, общественных деятелей, деятелей науки и искусства позволяет фиксировать национальное своеобразие русского языка в Украине. Представляется важным тезис о том, что системное изучение степени вариативности украинского варианта русского языка (причём не только номинативной сферы, но также фонетики и грамматики) позволит современной русистике понять закономерности функционирования русскоязычного пространства и предложить отвечающую реальному положению дел языковую политику в Украине. Георусистика должна помочь современному языкознанию увидеть во взаимодействии языков и их изменчивости проявление партнёрских отношений между отдельными людьми, социальными группами, народами, а значит – дать более совершенный инструмент для осуществления подобного взаимодействия.

Источники и литература

1. Бондарко А. В. К вопросу об инвариантности грамматических значений / А. В. Бондарко // Nuelv, aspectus, irodalom. Köszöntö könyv Krékits József 70. Születésnapjára. Szerk. Györke Zoltán. Készült a Szegedi Tudományegyetem JGYTF Kara Orosz Nyelv és Irodalom Tanszékén. Szeged. 2000. – P. 45-49.

2. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка / К. С. Горбачевич. – Л. : Наука, 1978. – 245 с.

3. Домашнев А. И. Концепция национального варианта языка в трудах академика Г. В. Степанова / А. И. Домашнев // Res Philologica. Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. – М. : Наука, 1990. – С. 4-17.

4. Дорофеев Ю. В. Вариативность языка как условие его развития / Ю. В. Дорофеев // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. №168. Т.1. I Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». – Симферополь, 2009.С. 236-239.

5. Малыхина Е. В. Вопросы взаимодействия близкородственных языков в Украине / Е. В. Малыхина // XI Международная конференция по функциональной лингвистике «Функциональное описание естественного языка и его единиц». 4 – 8 октября 2004. Сборник научных докладов. – Ялта, 2004. – С. 228-230.

6. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей / Нина Борисовна Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 312 с.

7. Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы // Никифорова Елена Борисовна. Автореферат дис… доктора филол. наук, спец. 10.02.01 «русский язык». – Волгоград, 2008. – 48 с.

8. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1993 / [сост. Е. А. Левашов, Т. Н. Буцева, Ю. Ф. Денисенко, Е. П. Холодова, С. И. Алаторцева, В. Д. Бояркина, Е. Н. Шагалова, Н. А. Козулина] ; [под ред. Т. Н. Буцевой]. Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2008. – 448 с.

9. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. №168. Т.1. I Международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». – Симферополь, 2009. – С. 7-10.

10. Рудяков А. Н. Георусистика и русофония / А. Н. Рудяков // Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук, Институт языкознания РАН. – М. : Сов. писатель, 2008. – С. 115-128.

11. Рудяков А. Н. Функциональная семантика / Александр Николаевич Рудяков. – Симферополь : Таврия, 1992. – 154 с.

12. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава : Довкілля – К., 2006. – 716 с.

13. Сиротинина О. Б. Русский язык в разных типах речевых культур / О. Б. Сиротинина // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / Отв. Ред. Л. П. Крысин. – М.: «Азбуковник», 2000. – С. 240-248.

14. Торохова Е. А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект) : автореферат дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : специальность 10.02.01 «Русский язык» / Е. А. Торохова. – Ижевск, 2005. – 25 с.

15. Шарафутдинов Д. Р. Толерантность как категория государственной языковой политики: специфика современного положения русского языка на Украине / Д. Р. Шарафутдинов // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы) : материалы 3-ей Междунар. науч. конф., Минск, 6-7 апр. 2006 г. : в 2 ч. Ч. 1. – Минск : РИВШ, 2006. – С. 35-38.

16. Шаршова Т. Ф., Кадырбаева Т. А. Инонациональная окраска русской речи в Молдове: лексический аспект / Т. Ф. Шаршова, Т. А. Кадырбаева // Славянские чтения: материалы научно-теорет. Конф. / Славян. ун-т. – Кишинэу : Славян. ун-т, 2007. – Вып. 4. – С. 92-99.

17. Юлиана Лепич (Julianna Lerinc). Вариативность и семантическая дифференциация глагольных вариантов (на материале венгерского и русского языков) // Zmogus ir zodis-2 – Egeris, 2001. – P. 52-56.

М. Г. Маркина

Проявление вариативности языка в подсистеме номинативных единиц (интерлингвистический аспект)

Язык – функциональная система, а значит, все его устройство подчинено выполнению конкретной социально значимой функции, которая и обусловила его возникновение и последующее существование и развитие в Универсуме. Понимание языка прежде всего как функции четко сформулировано Э. Касериу, по словам которого, «язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели» [8, с. 18]. Таковой функцией, вслед за А. Н. Рудяковым, признаем воздействие на сознание реципиента, на его когнитивную составляющую (подробно об этом см. в 13, 14, 15, а также 4). Существование разнообразных, непрерывно изменяющихся регулятивных условий, в которых язык призван осуществлять свою функцию, необходимость отвечать требованиям социума в способности соответствовать своему назначению определяет одно из фундаментальных свойств языка – вариативность. В современной лингвистике преобладает подход, согласно которому вариативность понимается «как свойство, обусловливающее адаптационные возможности языковой системы» [5, с. 209]. Другими словами, язык, чтобы быть способным выполнять свою функцию, должен находиться в постоянном развитии; адаптируясь к новым условиям, в которых он функционирует, представлять своим носителям соответствующие конкретны регулятивным позициям языковые средства (варианты). Таким образом, наблюдаемые в конкретном языке вариативные явления, с одной стороны, свидетельствуют о тех изменениях, которые в нем происходят в ходе развития, а с другой, обеспечивают данному языку гарантированную возможность функционировать в обществе, обслуживать социум в различных сферах.

Вариативность языка является таким свойством, «которое проявляется не только на всех уровнях языка, но и *во всех типах* (вариантах, курсив наш – М. М.) его функционирования» [22, с. 143]. Следовательно, есть основания говорить об уровневой вариативности и вариативности языка в целом как существования языка в виде инварианта и его национальных, территориальных, социальных вариантов. Анализ уровневой вариативности связан с рассмотрением различных способов существования и функционирования языковых единиц; исследование вариативности языка в целом предполагает изучение конкретного языка и различных форм его существования, то есть вариантов языка, получивших свое развитие под влиянием определенных экстралингвистических факторов и функционирующих во вторичных для него условиях (например, другое государство, другое лингвистическое пространство). И в одном, и в другом случае речь идет об исследовании одного конкретного языка. Так, например, неоспоримым является факт существования национальных вариан-

тов английского, немецкого, французского, испанского и других языков. Современный этап изучения русского языка ознаменован появлением исследований, в которых целенаправленно проводится идея о развитии национальных вариантов русского литературного языка [5, 6, 17, 18, 19, 20 и др.]. Согласно А. Н. Рудякову, национальные варианты русского языка формируют глобальное русскоязычное пространство – Русофонию, которое становится объектом изучения науки, именуемой «георусистикой» [19,20]. По словам исследователя, «русистика будущего (равно как и любая другая частная лингвистическая дисциплина) – это георусистика, в центре внимания которой окажутся процессы языкового партнерства, процессы совершенствования языка как результат взаимодействия с другими языками» [19, с.121].

Уровневая вариативность, в отличие от вариативности языка в целом, может быть рассмотрена и на материале нескольких языков. Такой анализ ставит перед исследователем вопрос об интерлингвистической вариативности, что и является предметом рассмотрения в настоящей работе.

Нагляднее всего вариативность любого языка можно проследить посредством анализа материала, представляющего собой переводы на данный язык. Сам процесс перевода заключается в необходимости «для идентифицированных обозначений в языке перевода найти значения, способные передать именно эти обозначения» [7, с. 67]. По словам Э. Косериу, «языки – это системы значений, специфические комбинации возможностей обозначения, и отсюда следует, что они в принципе позволяют обозначать «одно и то же» с помощью различных значений: идентичность значений в различных языках…. скорее исключение, чем норма» [7, с. 67]. Другими словами, осуществляя перевод, совершается поиск соответствующего варианта выражения языкового понятия.

Согласно функциональному подходу, номинативная подсистема языка представлена, с одной стороны, как «идеальная система коллективного опыта», или языковая картина мира [13, с. 16], а с другой, – как множество знаковых средств, предназначенных хранить и выражать элементы данной системы. Единицей этой подсистемы является семантема – языковое понятие в единстве со своими знаковыми реализациями (словами и словосочетаниями), репрезентирующих данный сигнификат в различных ситуациях именования (позициях). Таким образом, языковое понятие, односторонее по своей природе, выступает в качестве функционального инварианта по отношению к своим двусторонним выразителям (вариантам).

Номинативная система располагает множеством средств выражения конкретного языкового понятия, что обусловлено регулятивностью языка, то есть стремлением «осуществлять воздействие на слушающего в самых разнообразных ситуациях речевого взаимодействия» [13, с. 161]. «Эффект такого воздействия, – как было верно определено Г. В. Колшанским, – безусловно, зависит от выбора наиболее подходящих средств в конкретной ситуации и оптимального языкового решения конкретной коммуникативной задачи» [6, с. 99].

Важным в данном случае выступает положение о том, что каждой номинативной ситуации (позиции) соответствует определенный вариант семантемы. Эта возможность использования его (варианта) в определенном круге позиций номинации определяет его статус в микрополе вариантов семантемы. Данное качество вслед за А. Н. Рудяковым будем обозначать термином *номинативная пригодность*, которая понимается как «степень его (варианта – М. М.) применимости для осуществления целей носителя языка» [13, с. 187].

Следовательно, анализируя переводной материал, задача стоит в том, чтобы выявить, какие варианты реализации языкового понятия избираются в конкретной номинативной позиции в данном языке. Различия могут наблюдаться в актуальности/неактуальности данной семантемы для определенного коллектива, в существовании развернутой/неразвернутой системы вариантов реализации семантемы, в знаковых единицах (словах и словосочетаниях), репрезентирующих данное понятие [см. 11, с. 40].

Такие заключения возможны лишь при условии, если за основу принимается концепция, согласно которой признается, что реальная действительность, окружающая все народы, имеет больше сходств, нежели различий [2, с. 69, 1, с. 25, 9, с. 96, 11]. В связи с этим справедливо утверждается, что все, описанное на одном языке, может быть выражено средствами любого другого языка. Следует также иметь в виду, что «логика человеческого мышления, объективно отражающего внешний мир, едина для всех людей, на каком бы языке они не говорили» [цит по 6, с. 13], «законы мышления имеют общечеловеческий характер» [10, с. 21], или, как отмечал еще Г. Гадамер, языки соотносимы и взаимопереводимы, «поскольку все языки суть развертывания единого единства духа» [3, с. 506]. Это дает основание говорить о существовании некой понятийной общности («концептуальное единство человеческого знания» [6, с. 77], «универсальность логико-понятийных составов языков» [2, с. 69], «единый когнитивно-семантический континуум» [11, с. 31]), имеющей место в картине мира каждого языкового коллектива и благодаря которой одно и то же понятие может быть выражено средствами разных языков. Как справедливо отмечает Г. В. Колшанский, «ни логически, ни практически нельзя считать недопустимым возможность существования и функционирования разных субстанциональных знаков, выражающих один и тот же концепт, одну и ту же идеальную сущность» [6, с. 76]. А это значит, что понятия всеобщи, но способ их представления в каждом языке различен, каждый язык обладает своим набором вариантов. Наличие таких вариантов обусловлено, как нами уже было отмечено, тем, что «ядерная зона этой модели (языковой картины мира – М. М.) человеческого знания универсальна» [13, с. 209], то есть существует некая всеобщая языковая картина мира, некое «семантическое пространство, представляющее собой определенным образом упорядоченную функционально-инвариантную группу единиц двух языков, служащих для выражения какой-нибудь универсальной семантической единицы (универсального понятия)» [21, с. 37]. Таким образом, есть

основания говорить о наличии универсального набора семантем, имеющих место в картине мире каждого языкового коллектива.

При создании переводного текста важно понимать, что выражение семантемы исходного текста может осуществляться таким знаковым вариантом, который по своим субстанциональным характеристикам отличается от варианта языка оригинала. Другими словами, «одна и та же семантема в соответствии со структурой словосочетания или предложения языка перевода в целом может принимать форму разных частей речи без ущерба для общего содержания высказывания» [12, с. 11].

В тех случаях, когда понятие по причине своей неактуальности для данной социалемы не имеет знакового выражения или «когда некоторые элементы действительности оказываются трудновыразимыми, их всегда можно передать путем создания новых элементов в соответствующем языке» [23, с. 28].

Рассмотрим вариативность номинативной подсистемы на некоторых примерах, взятых нами из различных переводных текстов стихотворения «Парус» М. Ю. Лермонтова на украинский (6 переводов) и английский (9 переводов) языки.

Первый этап работы предполагал выявление семантем исходного текста, а второй – определение, какие варианты их реализации использованы в языке перевода. В силу того, что в пределах данной статьи не представляется возможным подробно описать процесс определения семантем и охарактеризовать все языковые понятия, считаем необходимым привести здесь отдельные результаты проведенного исследования на примере нескольких семантем и средств их реализации в оригинале и переводных текстах.

1. ‘становиться слегка видным’ («*белеет* …в тумане»): *«біліє»* (М. Зеров, М. Драй-Хмара, Днипрова Чайка, Л. Первомайский), *«мрітне»* (знач. «ледве виднітися») (П. Тичина), *«майорить»* («з’являтися на короткий час і зникати з поля зору») (В. Чумак), *«Gleams white»* («shine brightly, especially with reflected light» – ‘становиться сильно видным’ (Denise M. Henderson), *«is whitening/whiten, drifts»* («make or become white» в англ. яз. только ‘становиться белого цвета’) (Евгений Бонвер, И. Явчуновская), *«shows white/ is showing white/ white sail shows»* (show – «be, allow, or cause to be visible» – ‘виднеться’) (R.R.R., Д. Смирнов, А. Сиротин, И. Железнова), *«looms»* («appear as a vague form, especially one that is large or threatening» ‘виднеться неотчетливо’) (Е. Соколовский), «g*limpses*… away it glides» («shine or appear faintly or intermittently» ‘слабо виднеться’) (Е. Мусихин). Таким образом, реализация семантемы осуществляется номинациями: «біліє», «shows white/ is showing white/ *white* sail *shows*» – варианты, которые используются в позиции «для белого», где английские варианты являются неосновними, так как однословный вариант для данной позиции отсутствует; «мрітне», «майорить», «looms», «g*limpses*…» – варианты, являющиеся основными для данного понятия, их употребление обосновано тем, что указание на белый цвет здесь не

является релевантным. Номинация «gleams white» реализует семантему, которая располагается на том же уровне иерархии, но, дифференцируясь с ней по признаку ‘степень проявления качества’, содержит сему ‘сильно’. И одна, и другая семантемы имеют общий гипероним ‘становиться видным’, что позволяет считать вариант «gleams white» уместным для конкретной ситуации. И наконец, не представляется возможным включить в список вариантов рассматриваемой семантемы номинации «is whitening/whiten, drifts», поскольку они выражают иное языковое понятие. Причиной этому стал буквальный перевод слов, а не стремление найти вариант для реализации понятия.

2. ‘реалия, находящаяся отдельно от других’ («парус одинокий»). В переводах встречаются следующие сочетания: *«парус самітний / самотнє вітрило»* («Який стоїть, розташований і т. ін. окремо, ізольовано (про предмет)») (М. Зеров, Днипрова Чайка, Л. С. Первомайський, В. Чумак) – варианты, являющиеся словарными соответствиями и реализующие понятие в данной ситуации; «біліє парус *самотою*» («Без нікого; наодинці. // Без сім’ї, рідних, близьких, друзів; сам. // Окремо від інших; осібно») (М. Драй-Хмара) – вариант реализации семантемы в данной позиции, формально не соответствующий номинативному средству оригинала; *«одне вітрило»* (2. у знач. прикм. Який живе, стоїть і т. ін. самотньо, окремо від інших; одинокий, самотній) (П. Тычина) – используется один из вариантов реализации понятия, соответствующий конкретной позиции; *«solitary sail»* («done or existing alone») (Denise M. Henderson), «*Sail… alone/ a lone sail»* («having no one else present; on one’s own»/ «having no companions; solitary or single») (Евгений Бонвер, R.R.R., Ирина Явчуновская, А. Сиротин, И. Железнова), *«Lonely sail»* («sad because one has no friends or company // without companions; solitary») (Е. Соколовский, Дмитрий Смирнов); *«Sail in solitude»* («the state or situation of being alone») (Евгений Мусихин) – реализация понятия ‘характеризующийся отсутствием единомышленников’, что соответствует данному тексту, поскольку слово «одинокий» в системе исходного текста помимо анализируемой семантемы реализует и вышеназванное языковое понятие. Таким образом, заметно, что для реализации семантемы ‘материя, укрепленная на мачте и надуваемая ветром’ используются основные варианты как в украинских, так и в английских переводах: «парус», «вітрило», «sail». Репрезентация понятия ‘находящийся отдельно от других’ осуществляется вариантами «самотній/ самотнє», «один», «самотою», а номинативные средства «solitary/alone/lonely» (= «одинокий» в оригинале), и «in solitude» реализуют языковое понятия ‘характеризующийся отсутствием единомышленников’.

3. ‘стремиться достичь желаемое’ («Что *ищет* он в стране далекой?»**):** *1 строфа*: *«шука/шукав/шукає»* («2. чого. Домагатися, прагнути чого-небудь») (М. Зеров, Днипрова Чайка, М. Драй-Хмара, В. Чумак), *«знайти мріє»* (Л. Первомайський), *«блукає кругосвітне»* (П. Тичина), *«seeks»* («attempt or desire to obtain or achieve (something)») (Denise M. Henderson, Е. Соколовский, R.R.R, Ирина

Явчуновская, И. Железнова), *«want to see»* (Yevgeny Bonver), *«searches»* («try to find something by looking or otherwise seeking carefully and thoroughly») (Дмитрий Смирнов), *«will find»* («reach or arrive at by a natural or normal process») (Евгений Мусихин), *«look for»* (Oxford Dictionary of English «attempt to find», Merriam-Webster Online Dictionary – «to await with hope or anticipation») (А. Сиротин). *2 строфа*: *«шукає»* (М. Зеров, Днипрова Чайка, М. Драй-Хмара, Л. Первомайский), *«прагне»* (П. Тычина, В. Чумак), *«seek»* (Denise M. Henderson, Евгений Бонвер, Е. Соколовский, R.R.R, Ирина Явчуновская, И. Железнова), *«desire»* («strongly wish for or want (something)») (Дмитрий Смирнов), *«looks for»* (Евгений Мусихин, А. Сиротин). Следовательно, из всех номинативных средств вариантами реализации конкретного языкового понятия можно считать лишь следующие: «шука/шукав/шукає», «seeks», «will find», «look for» . Такие номинации, как «знайти мріє», «знайти не прагне», «want to see», «desire», выступают вариантами выражения семантемы ‘желать получить что-либо’, реализация которой в этом тексте является допустимой. И наконец, такие единицы, как «блукає кругосвітне» («ходіти, їздити без певної мети, напряму») и «searches» (здесь «отсловный» перевод) эксплицируют, соответственно, семантемы ‘бесцельно передвигаться’ и ‘активно действовать с целью найти что-нибудь’, что не соответствует данной позиции.

4. **‘отказаться от чего-то’ (**«Что *кинул* он в краю родном?»)**:** *«кинув»* («Залишати кого-, що-небудь; покидати») (М. Драй-Хмара, Днипрова Чайка, Л. Первомайський), «*кого лишило…»* («Ідучи, покидати кого-небудь, залишати без уваги, допомоги») (П. Тычина), «*що….лишило* («Переставати що-небудь робити, відмовлятися від чогось») (В. Чумак), *«чом ….він чужий»* (‘чужий’ – «який не відповідає поглядам, інтересам, прагненням кого-небудь» (а значит, отказался от прянятых в данном обществе норм, правил) (М. Зерова); *«leave/left»* («cease attending»; «abandon»). Таким образом, можно установить, что все используемые номинации выступают в данном случае вариантами конкретной семантемы. При этом реализация понятия во всех английских переводах одним и тем же словом свидетельствует об употреблении его в качестве основного варианта для этой позиции. Вариант «чом ….він чужий» свидетельствует о попытке реализовать языковое понятие не свойственным ему способом, то есть представляет собой вариант реализации этой семантемы на уровне речи.

5. **‘активно действовать, отказываясь от чего-то’ (**«от счастия *бежит*»): *«біжить»* («//Поспішно відступати; утікати») (М. Зеров, Первомайський), *«відпliва»* («пливучи, віддалятися від кого-, чого-небудь») (М. Драй-Хмара), *«тіка»* («//Залишати якусь справу, заняття, припиняти свою роботу, діяльність денебудь») (Днипрова Чайка), *«одбіга»* («Залишати, покидати кого-, що-небудь»)» (П. Тычина); «*покинуло»* («Вирушаючи звідкілясь, переставати там жити, перебувати») (В. Чумак), *«fly»* («to move, pass, or spread quickly») (И. Железнова) *«flee»* (run away from (someone or something) (M. Henderson, Е. Соколовский, R.R.R., Е. Мусихин), *«is its way»* (‘way’ – «travel or motion along a particular route; the route

along which someone or something would travel if unobstructed») (Е. Бонвер), *«run/ run away»* («(of a boat) sail straight and fast directly before the wind»; «escape from a place, person, or situation») (И. Явчуновская, Д. Смирнов, А. Сиротин). То есть все используемые номинации, не являясь вариантами реализации конкретной семантемы, подобно и слову «бежит» в оригинале, способны выступить в качестве таких вариантов в переводных текстах.

6. **'испытывать потребность в чем-то'** («просит бури»): *«благає»* («Наполегливо, невідступно, ласкаво просити») (М. Зеров, Чайка Днипрова), *«кличе»* («Голосом, жестом просити наблизитися, підійти, обізватися; гукати (у 1 знач.), волати») (М. Драй-Хмара), *«прагне»* (1.// чого. Дуже потребувати чого-небудь») (Л. С. Первомайский), *«рветься* (6. Прагнути до чого-небудь, кудись) в поринасте» (П. Тычина), «буря *мила»* (В. Чумак), «*into*..it *goes*» («enter into a specified state or course of action») (Denise M. Henderson), «it is *seeking/ seeks»* («attempt or desire to obtain or achieve (something)») (Евгений Бонвер, Е. Соколовский), «*would* storms *pursue*» («follow or chase (someone or something») (By R.R.R.), *«asks»* («say to (someone) that one wants them to do or give something») (Ирина Явчуновская, Дмитрий Смирнов), «storms *became its treasure»* («a very valuable object»)» (В. Мусихин), «it *begs*» («ask someone earnestly or humbly for something») (И. Железнова), *«looks for»* (Oxford Dictionary of English «attempt to find», Merriam-Webster Online Dictionary – «to await with hope or anticipation») (А. Сиротин). Анализ используемых в переводных текстах номинативных единиц показывает, что вариантами реализации конкретной семантемы могут быть признаны номинации «благає» (для позиции, когда необходимо указать на острую потребность в чем-то), «прагне» (основной вариант реализации понятия в украинском языке); варианты «буря мила» в украинском языке и «storms became its treasure» в английском, которые в системе данного текста приобретают значение «становится необходимым и ценным для кого-то», а значит осуществляется реализация конкретного языкового понятия. Такие номинации, как «рветься», «into...it goes», «it is seeking/ seeks» «looks for» «would storms pursue» реализуют здесь уже рассмотренную нами семантему 'стремиться достичь желаемое', а «кличе», «asks», «it begs» репрезентируют здесь понятие 'желать получить что-либо', что связано во втором случае с использование словарного соответствия единице исходного текста.

7. 'характеризующийся тревожным состоянием' («мятежный»): *«бентежний»* («Який викликає хвилювання, тривогу; хвилюючий, тривожний. // Який виражає тривогу, хвилювання. // Пройнятий, охоплений хвилюванням; схвильований, неспокійний. // Сповнений тривог, хвилювань») (М. Драй-Хмара), *«бунтівний»* («Пройнятий бунтарством; бунтівницький») (Чайка Днипрова), *«мятежний»* (Л. Первомайский), *«бунтареві»* («Підбурювач до бунту, учасник бунту. // Непокірлива, схильна до бунту людина») (В. Чумак), *«restless»* («characterized by or manifesting unrest especially of mind») (Denise M. Henderson, R.R.R.), *«rebel»* («a person who resists authority, control, or convention») (И. Ячуновская, Е. Мусихин,

И. Железнова), *«rebellious»* («showing a desire to resist authority, control, or convention») (Д. Смирнов), *«a frantic»* («distraught with fear, anxiety, or other emotion») (А. Сиротин). Анализ вышеприведенных языковых средств номинации показывает, что из использованных в переводных текстах номинативных средств вариантами реализации семантемы ‘мятежный’ в оговоренном понимании являются только слова *«бентежний»* (в украинском языке) и *«restless»*, *«a frantic»* (в английском языке). Все остальные в результате отсловного перевода и неверного выявления семантемы выражают понятие ‘склонный к проявлению несогласия с действующей властью’, которое в этих текстах и выступает в качестве стержневого элемента. Реализация в качестве стержневого элемента в переводах отличного от исходного текста понятия, как будет показано в соответствующем подразделе, станет причиной формирования в этих текстах идейного содержания, не соответствующего оригиналу. Также было установлено, что в одном из переводных текстов не было использовано такое номинативное средство, которое являлось бы вариантом реализации языкового понятия исходного текста в данном языке (украинском), а было употреблено средство исходного текста – «мятежний», что свидетельствует о проникновении элементов одного языка в другой. Подобные примеры, когда в переводных текстах используются средства языка исходного текста, находим и в других переводах. Так, например, в тексте стихотворения М. Ю. Лермонтова «Желание» слово «прах» реализует семантему ‘останки человека’ («забвенный прах»). В тексте перевода (пер. М. Зеров) при наличии варианта «кістки» или иного возможного средства, реализующего данное языковое понятие, употребляется слово «кості» – русизм. К этой же группе примеров отнесем следующее: «Вічно холодними, вічно *свободними»* («Хмари» Пер. М. Рыльский), где «свободний» – форма, несоответствующая украинскому языку.

Таким образом, рассмотрев лишь некоторые примеры, можно констатировать, что процесс создания переводного текста демонстрирует, как субъектом говорения осуществляется попытка найти вариант реализации семантемы оригинала. Использование словарного соответствия в таком случае не всегда представляется возможным выступить в качестве такого варианта. Результатом такого поиска, как было установлено, может стать появление у конкретной семантемы не отмеченного ранее варианта, но это есть вариант лишь на уровне речи, в системе конкретного текста, который в других условиях может оказаться неспособным ее репрезентировать. Особенно это становится актуальным для поэтических переводов, когда использование имеющегося в языке средства номинации становится невозможным по причине особой организации данного типа текстов, и тогда посредством комбинации других языковых средств «создаются» такие варианты.

Дальнейшая работа в этом направлении кажется перспективной позволит выявить межъязыковые варианты реализации конкретных семантем для определенных позиций.

Источники и литература:

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Бархударов Л. С. – М. : «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.

2. Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы: Учеб. пособие. – 3. изд. / Виноградов В. С. – М. : Книжный дом «Университет», 2006. – 237с.

3. Гадамер Х. -Г. Истина и метод: Основы филосовской герменевтики / Гадамер Х.-Г. ; [пер. с нем. /Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова]. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.

4. Дорофеев Ю. В. Воздействие как инвариантная функция текста / Ю. В. Дорофеев // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – Симферополь, 2007. – №110 . – Т.2. – С. 166-169.

5. Дорофеев Ю. В. О закономерностях развития вариантных форм языка / Ю. В. Дорофеев // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – Симферополь, 2008. – №142. – Т.1. – С.209-212.

6. Журавлева Е. А. Особенности развития русского языка в Казахстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа. http://www.materik.ru/nationals/smi/problem/detail.php?ID=4111&print=Y

7. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Колшанский Г. В. – М. : КомКнига, 2006. – 128 с. – (Лигвистическое наследие XX века).

8. Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод (их соотношение) / Э. Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск XV. – М. : Прогресс, 1989. – С.63-81.

9. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) / Э. Косериу. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.

10. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения / Латышев Л. К. – М. : Международные отношения, 1981. – 247 с.

11. Литвак С. Я. Різні мовні картини світу і подолання мовного релятивизму при перекладі / С. Я. Литвак // Мова і культура. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – Вип.7. – Т. VIII. Теорія і практика перекладу. – С. 18-24.

12. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология / Манакин В. Н. – К. : Знання, 2004. – 2004. – 326 с.

13. Пинягин Ю. Н. Переводческие аспекты сопоставительного изучения лексики / Ю. Н. Пинягин // Языковые проблемы перевода: Межвузовский сборник научных трудов / АГУ им. Абая. – Алматы, 1996. – С. 4-12.

14. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / Рудяков А. Н. – К. : Грамота, 2004. – 224 с.

15. Рудяков А. Н. За словом ли «лезет в карман говорящий», или о функциональном определении текста / А. Н. Рудяков // XI Международная конференция по функциональной лингвистике. – Ялта, 2004. – С. 305-307.

16. Рудяков А. Н. О знаковых «орудиях труда» / А. Н. Рудяков // XII Международная конференция по функциональной лингвистике. – Ялта, 2005. – С. 294 -295.

17. Рудяков А. Н. Русофония и русистика в XXI веке / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – Симферополь: «Крым», 2007. – № 110. – Т. 1. – С.7-9.

18. Рудяков А. Н. Украинский вариант русского языка: мифы и реальность / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – Симферополь, 2008. – № 142. – Т. 1. – С.7-8.

19. 19. Рудяков А. Н. Георусистика и русофония / А. Н. Рудяков // В кн.: Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук Институт языкознания РАН. – М.: Сов. писатель, 2008. – С. 115-128.

20. 20. Рудяков А. Н. Георусистика и лингвистические механизмы формирования национальных вариантов языка / А. Н. Рудяков // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / Отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исслед. центр по нац.-яз. отношениям. – М., 2010. – 608 с. – С. 64-67.

21. Семенова И. М О понятии межъязыкового поля и возможности его использовании в лингвопереводческих исследованиях / И. М. Семенова // Коммуникативный инвариант перевода в текстах различных жанров. – М., 1989. – С. 31-43.

22. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Серебренников Б. А. – М. : Наука, 1988. – 242 с.

23. Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика / В. Скаличка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 27-32.

Словари:

24. 1. Великий тлумачний словник української мови [уклад. Т. В. Ковальова]. – Харків: «Фоліо», 2005. – 767 с.

25. 2. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; [Под ред. А. П. Евгеньевой]. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 – с.

26. 3. Oxford Dictionary of English, 2nd edition, revised. – Oxford, New York etc. : Oxford University Press, 2005.

27. 4. Oxford student's dictionary of current English // Special edition for USSR / A.S. Hornby with assistance of Christiana Ruse. – M. : Просвещение, 1983. – XII, 769 с.

28. 4. Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition [Электронный ресурс]. – Режим доступа. : http://www.merriam-webster.com/

Л. А. Моря-Мицык

Вариативность средств реализации семантемы (на материале лексической группы «положительные формы рельефа»)

Вариативность – одно из фундаментальных свойств языка, связанное прежде всего с тем, что язык постоянно меняется, находясь в динамичном равновесии стабильного и изменчивого. Изменчивость языка обеспечивает его соответствие изменяющимся потребностям коммуникативной деятельности человека. «Переважна більшість мовних змін починається з варіювання... Постійне варіювання як у плані вираження, так і в плані змісту – це спосіб існування мови як живої, функціональної комунікативної системи» [2, с. 336].

Вариативность пронизывает все ярусы языковой системы. Именно отношения варианта – инварианта обусловливают, в частности, существование таких языковых единиц, как звук и фонема, морф и морфема и под. Явлением вариативности языка объясняют наличие в нем территориальных и социальных диалектов, а также стилистическую дифференциацию литературного языка. Одно из глобальных проявлений вариативности языка – это существование национальных вариантов языка, в том числе и национальных вариантов русского языка, изучение которых становится задачей георусистики [5, с. 7].

Цель данной статьи – рассмотреть вариативность языка на лексико-семантическом ярусе, где она проявляется в существовании единицы лексико-семантической подсистемы языка – семантемы – в виде микрополя вариантов.

В современной теории и методологии лингвистики происходит смена парадигмы, сопровождаемая построением более точной модели системы языка. Новая научная парадигма характеризуется как функционально-когнитивная, обладающая антропоцентризмом, высоким объяснительным потенциалом, конструктивная по своему духу и потенциально междисциплинарная [3, с. 207; 4, с. 9].

В связи с обращением к коммуникативной и содержательной стороне языка особую актуальность приобретает функциональный подход как особое видение языка, которое строится на рассмотрении языковых единиц с точки зрения их функциональных и ценностных качеств и полагает язык «инструментом, орудием, способом, наконец, механизмом для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намерений» [3, с. 217].

Лингвистический функционализм невозможен без системного рассмотрения реалии. Системность и функциональность – две основополагающие идеи, положенные в основу предлагаемой А. Н. Рудяковым концепции лингвистического функционализма [6; 7; 8; 9]. Данная концепция предполагает также необходимое разграничение уровней языка: уровня индивидуальной речи, уровня типической речи и уровня языковой абстракции. Это разграничение связано с триадой категорий диалектики – единичное, особенное, всеобщее – и является ее воплощением применительно к формам существования языка.

Применение функционального подхода в семантике обеспечивает приоритетное положение содержательного начала над формальным в поиске тех закономерностей, которые организуют систему номинативный единиц языка: функционально-коммуникативное описание языка предполагает описание языковой системы не только и не столько на основе общности их семантики, сколько на основе их функциональных свойств, обусловливающих их роль в актах коммуникации.

Функциональное определение лексико-семантической подсистемы – это определение ее как подсистемы номинации. Человек как субъект языковой деятельности нуждается в экспликации понятий, в средствах именования, позволяющих ему обозначить каждого из участников ситуации: субъект, объект, предикат и т.д. Чтобы охарактеризовать лексико-семантическую систему как целое, мы должны ответить на вопрос, какие закономерности организуют систему номинации языка, вопрос об онтологической основе системности лексико-семантического яруса языка.

Поиск этой онтологической основы приводит нас к положению, что естественный язык неразрывно связан с процессами познания и освоения действительности; в этой связи выделяют когнитивную, гносеологическую функцию языка. Данная функция реализуется в специфическом взаимоотношении языка и картины мира: каждый язык предлагает свою концептуализацию действительности, картина мира оказывается, таким образом, реализованной прежде всего в слове.

Для функциональной лингвистики принципиально рассмотрение картины мира как языкового по сути явления: «Включая в себя идеальную систему опыта как некое глобальное означаемое в качестве одной из составляющих, язык одновременно суть средство ее выражения» [8, с. 14]. Диалектика взаимоотношений языка и языковой картины мира такова, что язык выступает единственным способом выражения концептуализированного в человеческом сознании объективного мира. Таким образом, картина мира – система представлений и знаний о мире – порождает и организует систему номинативных языковых единиц.

Исследуя то, каким образом система языковых средств номинации становится способом хранения и экспликации картины мира, как язык соотносится с этим идеальным семантическим целым, функциональная семантика приходит к лингвистической форме представления картины мира в виде иерархии сем.

В рамках функциональной модели семантики языка сема по своей природе определяется как односторонняя сущность уровня языковой абстракции, «отражение в сознании носителей языка различительных черт, объективно присущих денотату либо приписываемых ему данной языковой средой» [8, с. 27]. Закрепленность семы за уровнем языковой абстракции в функциональной лингвистике принципиальна. Постулат уровневой отнесенности сем реализован в работах Ж. П. Соколовской: «Если подходить к этому вопросу с учетом выделения в языке уровня языковой абстракции и уровня

нормы, то семный анализ смыслов семем – это анализ внутри-, собственно лингвистический, но на первом из уровней – уровне языковой абстракции» [13, с. 112]. По функции сема является компонентом языкового понятия, сигнификата, элементом языковой картины мира. Таким образом, функциональное понимание семы отличается от понимания в традиционной семасиологии, поскольку сема не определяется как составная часть значения, а значит, она не может быть определена и по отношению к слову – ее определение возможно только по отношению ко всему словарю языка.

Осознание включенности сем в систему человеческого знания предполагает, что они могут быть расположены только в иерархическом, родо-видовом порядке. С точки зрения общей теории систем иерархичность является неотъемлемым свойством любой достаточно высокоорганизованной системы. Следовательно, вариантом языковой иерархии будет выступать и иерархия сем. Гиперо-гипонимический вид иерархии обусловлен особенностями человеческого познания: анализ и специализация, спецификация названий реалий объективной действительности приводит к углублению гипонимии, а обобщение, синтезирование знаний о мире развивает гиперонимию.

Элементарным компонентом языковой картины мира является сема, а составной частью, единицей этой идеальной системы является «номинативно предназначенный стратифицированный комплекс сем, имеющий свое постоянное место, некий адрес… в общесловарной иерархии сем» [9, с. 159]. Каждый «узел» общесловарной иерархии представляет собой одностороннюю, как и сема, единицу – языковое понятие, сигнификат.

Термин *сигнификат* как «понятійний зміст мовного знака» [10, с. 536] адресует нас к так называемому семантическому или семиотическому треугольнику, построенному на основе соссюровского определения знака, который связывает понятие и акустический образ.

Абстрагирование от целостности знака и предельности, неделимости его смысла приводит нас к системе односторонних сущностей – сигнификатов, языковых понятий, конституирующих языковую картину мира как идеальную систему коллективного опыта носителей языка и конституированных, в свою очередь, семами как лингвистически определяемыми компонентами языковых понятий. «Единственно доступное лингвистике описание сигнификатов – описание в виде организованной совокупности сем» [7, с. 67].

Как мы уже указывали, с функциональной точки зрения лексика языка является совокупностью средств именования, номинации. Язык предоставляет субъекту речи множество средств именования множества существующих и возможных реалий. Это множество средств именования организовано системой языковых понятий, сигнификатов.

Система сигнификатов, идеальная система опыта представляет собой не нечто внешнее по отношению к системе номинации языка, а собственно язы-

ковую форму существования этот системы на уровне языковой абстракции. «Номинативная предназначенность сигнификата, его потенциальная эксплицируемость, обусловливает то обстоятельство, что будучи принципиально односторонним, сигнификат как принадлежность языковой системы предполагает означающее как необходимую свободную валентность» [7, с. 66]. Если на уровне лингвистического анализа систему сигнификатов можно соотнести с планом содержания, то ее планом выражения на уровне нормы будет множество знаковых элементов, двусторонних номинативных единиц.

Определяя слова и словосочетания (являющиеся наряду со словом средством номинации, как это будет указано в дальнейшем) как знаковые элементы языка, мы характеризуем их субстанциональное качество. Функционально множество слов и словосочетаний предназначено для номинации. Лингвистическая сущность номинативной функции слов и словосочетаний состоит в предназначенности для выражения конкретного сигнификата.

Итак, на уровне нормы языковому понятию соответствуют знаковые элементы, понятие выражается, эксплицируется знаком как двусторонним образованием. При этом языку присуща принципиальная неединственность средства выражения одного и того же сигнификата: «Если бы функция языка сводилась бы к передаче информации, то каждый сигнификат выражался бы одним знаком. Однако регулятивность естественного языка обусловливает необходимость существования вариантов номинации, позволяющих осуществить воздействие на слушающего в самых разнообразных ситуациях речевого взаимодействия» [9, с. 161]. «В природе любого языка имеются варианты для выражения одних и тех же значимостей» [14, с. 133]. Следовательно, на уровне типической речи множество знаков – слов и словосочетаний – представляют один и тот же сигнификат в различных ситуациях номинации.

Таким образом, функциональная семантика признает единицей лексико-семантической системы «сложное единство понятия и способов его выражения в данном языке» – ***семантему***, сущность, которая «и есть подлинная составляющая сферы номинативных средств естественного языка» [7, с. 74].

Ж. П. Соколовская в своих работах определяет *семантему* как инвариант смыслов, который «характеризуется прежде всего набором сем, которые расположены в порядке строгой иерархии» [13, с. 182]. Лингвист выделяет такие существенные признаки семантемы, как принадлежность к уровню языковой абстракции и инвариантность.

А. Н. Рудяков развивает понятие семантемы с точки зрения его инвариантности: «инвариантным по отношению к средствам своего выражения является любой сигнификат, включенный в социалемную «картину мира» и описываемый набором сем» [7, с. 76]. В этом отличие в понимании семантемы у указанных авторов. Ж. П. Соколовская соотносит понятие семантемы как инварианта значения с понятием семантической доминанты: «одна се-

мантема может объединять несколько семантических доминант. Например, семантема ’хороший’ объединяет доминанты ’хороший’, ’неплохой’, ’отличный’, ’наилучший’… семантема ’красный’ – доминанты ’розовый’, ’алый’, ’темно-красный’ и т.д.» [13, с. 188]. По мнению А. Н. Рудякова, «и «красный», и «розовый», и «алый», и «малиновый» суть сигнификаты, хотя и находящиеся на разных уровнях иерархии сем, но имеющие специфические способы своего выражения: например, семантема ’бледно-красный’ выражается семемами «розовый», «бледно-красный», по отношению к которым она выступает в качестве инварианта» [7, с. 76].

Итак, семантема как функциональная единица существует на всех трех языковых уровнях – уровне языковой абстракции, типов и индивидуальной речи. На уровне языковой абстракции семантема представлена как односторонняя сущность идеальной природы – сигнификат; на уровне типов семантему воплощают двусторонние сущности, имеющие знаковую природу, варианты выражения сигнификата; на уровне индивидуальной речи семантема реализована в конкретных «идиолектных» употреблениях этих вариантов.

При этом сигнификат и реализующие его номинативные средства являются не компонентами семантемы, а формами ее существования. Сигнификат выступает как функциональный инвариант для средств своего выражения, а инвариант и вариант принципиально разноуровневы, поскольку инвариант всегда более абстрактная единица языка, а значит, существует на более «высоком» языковом уровне, чем вариант.

Следует отметить, что функциональный подход в семасиологии значительно расширяет понятие варианта семантемы, выявляя, что вербализовать языковые понятия могут не только семемы, но и словосочетания как номинативные элементы естественного языка. Понятие семантемы приобретает в функциональной семантике важное методологическое, эвристическое значение единицы, организующей в семантическое целое на функциональных основаниях (на основании функциональных тождеств, подобий и различий) «не только множество слов, но и множество свободных словосочетаний, составляющих основную часть массива номинативных единиц и не могущих быть организованными иначе, как на семантических основаниях» [7, с. 77].

С точки зрения функционального подхода слово не является основной единицей словаря, а следовательно, не будет конечной целью лингвистического описания. Слово существует как только одно из средств номинативной деятельности языкового коллектива, несомненно важное, но не единственное средство осуществления специфической номинативной функции, поскольку «номинация как процесс – это создание не только слова, но и коммуникативного заместителя слова во всех тех случаях, когда слово не может быть создано или когда оно не вполне удовлетворяет цели высказывания» [4, с. 22]. Таким образом, словарь естественного языка конституируется не

только (и даже не столько) словами, но и словосочетаниями как инструментами номинации.

Таким образом, «семантема есть единица (основная составная часть, основной компонент) системы номинации. Сема – элемент этой системы на уровне языковой абстракции. Слова и словосочетания – элементы этой системы на уровне нормы. Слово – основной элемент системы номинации» [9, с. 170].

Социум нуждается в языковых средствах номинации, пригодных для множества возможных ситуаций общения. Существование множества типических ситуаций общения обусловливает наличие множества позиций, в которых языковое понятие должно быть вербализовано. Очевидно, что социум неодинаково относится к различным вариантам семантемы – словам и словосочетаниям, эксплицирующим одно языковое понятие. Одно и то же языковое средство будет более или менее ценным для носителей языка в той или иной ситуации номинации. «Регулятивная предназначенность проникает в сферу номинативных единиц и в виде ценностного отношения носителя языка к предоставляемым языковой системой вариантам семантемы» [9, с. 179].

При этом следует говорить об относительности функционального тождества вариантов семантемы, связанной с тем, что лексическое значение не сводится только к смысловому денотативному компоненту. Уподобляясь по смыслу, слова и словосочетания – варианты семантемы – не совпадают по грамматическому и стилистическому значению, структуре (например, цельно- или раздельнооформленности) и т.д. Природа словозначения такова, что между вариантами семантемы всегда существуют субстанциональные различия, поэтому языковое понятие не может быть выражено в «чистом виде». Относительность функционального тождества делает информативным выбор говорящего одного из вариантов семантемы: в этом выборе проявляются установки и цели субъекта речи, особенности языкового взаимодействия.

Как лексическая группа в целом, так и микрополе вариантов семантемы имеет ядерно-периферийную структуру, что обусловлено коммуникативной заинтересованностью носителей языка в той или иной номинативной единице. Ценностное отношение языкового коллектива к вариантам семантемы стратифицирует микрополе вариантов семантемы по их системным качествам. «Варианты семантемы, тождественные по ценности, формируют части микрополя реализаций семантемы: центр, ядро, периферийную зону» [9, с. 187].

Системным качеством варианта семантемы является «регулятивная пригодность варианта», то, насколько он пригоден для осуществления целей носителя языка. Центр микрополя представляет основной вариант семантемы – «наиболее очевидное и естественное средство экспликации конкретного языкового понятия» [7, с. 91]. Отсутствие однословного варианта семантемы как основного обычно осознается языковым коллективом как лакуна. Очевидно, что слово, способное заполнить позицию центра микрополя ва-

риантов семантемы, должно быть стилистически нейтральным, широко употребительным и обладающим большой сочетаемостью.

Ядерную зону микрополя формируют стилистически нейтральные номинативные единицы, менее употребительные, чем основной вариант, а также устойчивые словосочетания, периферийную зону составляют стилистически маркированные номинативные единицы, свободные словосочетания, неологизмы, просторечные и специальные слова [7, с. 93]. Выделяя в периферии актуальную и собственно периферийную зоны, к последней отнесем устаревшие и нелитературные номинативные элементы.

Исследование вариантных отношений в микрополе семантемы мы проводили на материале лексической группы «положительные формы рельефа» (данная группа входит в семантическое поле «рельеф»). Выборка семем, конституирующих группу на уровне типической речи, производилась из «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [11]; в состав группы были включены такие семемы, как *бархан, взгорок, возвышенность, гора, гряда, массив, отрог, плато, плоскогорье, сопка, увал, холм* и др. Центральная семантема группы – ‘часть земной поверхности выпуклой формы’. Семный набор семантемы во многом «подсказан» значением семемы *рельеф* 0-2 (здесь и далее первая цифра означает номер омонима, вторая – номер значения слова – *Л.М.*) – «совокупность различных неровностей на земной поверхности – поднятий и понижений суши, дна океанов и морей», а также логическим анализом научных знаний об объективной действительности: рельеф «слагается из положительных (выпуклых) и отрицательных (вогнутых) форм» [12].

С помощью компонентного анализа были выделены следующие блоки сем: I Величина форм: 1. Крупные формы. 2. Средние формы. 3. Мелкие формы. II Степень расчлененности поверхности: 1. Расчлененный. 2. Нерасчлененный. III Протяженность по вертикали: 1. Высокий. 2. Средний. 3. Низкий. IV Форма, очертания: 1. Удлиненный. 2. Равносторонний. V Характер склонов: 1. С крутыми склонами. 2. С пологими склонами. VI Характер вершины: 1. С плоской вершиной. 2. Островерхий. VII Индивидуальные семы.

В блоке индивидуальных сем можно выделить семы, репрезентирующие дифференциальный признак «образующая порода» (семы ‘песчаный’, ‘каменистый’ и др.), «местонахождение» (семы ‘между бассейнами рек’, ‘перед горами’ и др.).

Наконец в набор сем, формирующих данную систему семантем, входят коллективоцентристские семы ’у нас’, ’не у нас’, ’сейчас’, ’не сейчас’, которые вычленяются при анализе таких семем, как *полонины, сырт, яйла, джайляу*, а также *сопка* 0-1.

На уровне типической речи каждая семантема представлена микрополем эксплицирующих ее номинативных средств языка – слов и словосочетаний. Так, в нашей лексической группе семантема ‘часть земной поверхности вы-

пуклой формы’ может быть выражена несколькими вариантами, причем вариантами неоднословными: *приподнятые участки земной поверхности, поднятия земной коры, положительные формы рельефа* и под. Все они носят терминологический характер, что обусловлено прежде всего высокой степенью абстракции соответствующего языкового понятия. Возможно, при определенных условиях основным вариантом семантемы могла бы стать семема *возвышенность* 0-1, однако она имеет достаточно узкое с точки зрения объема понятия лексическое значение: «местность, сравнительно высоко расположенная, возвышающаяся над окружающим». А семема *возвышенность* 0-1 // (здесь и далее знак // означает оттенок значения слова в словаре – *Л.М.*) приобрела значение термина: «высокая гористая или холмистая местность, поднимающаяся над уровнем моря более чем на 200 м».

Семантемы верхнего уровня иерархии ‘крупная часть земной поверхности выпуклой формы’, ‘средняя часть земной поверхности выпуклой формы’ и ‘мелкая часть земной поверхности выпуклой формы’ реализуются в терминах *мегарельеф*, *макрорельеф*, *мезорельеф*, которые были обнаружены нами в «Большой советской энциклопедии» [1] в статье «рельеф». Специфичность выражаемых понятий, высокая степень их абстрактности проявляется в том, что нами не были обнаружены на уровне типов словосочетания, являющиеся вариантами данных семантем, кроме словосочетания *планетарные формы рельефа*, функционально тождественного термину *мегарельеф*.

Семантемы ‘расчлененная часть земной поверхности выпуклой формы’ и ‘нерасчлененная часть земной поверхности выпуклой формы’ также не имеют общеупотребительных основных вариантов. Они могут быть вербализованы словосочетаниями терминологического характера: *простая форма рельефа, осложненная форма рельефа*.

Основным вариантом семантемы ‘расчлененная высокая часть земной поверхности выпуклой формы’ выступает семема *горы* (*гора* 1 //), к ядерной зоне микрополя вариантов относятся терминологические сочетания *горная страна, горная система*, к актуальной периферии – словосочетания *горная местность, гористая местность*.

Семантема ‘расчлененная средняя часть земной поверхности…’ не имеет основного варианта, средством выражения может служить словосочетание *невысокие горы*.

Семантема ‘расчлененная низкая часть земной поверхности…’ основным вариантом имеет семему *возвышенность* 0-1 //, в качестве ядерного варианта – семему *нагорье* 0-0 //.

У семантемы ‘нерасчлененная высокая часть земной поверхности…’ основным вариантом является семема *гора* 0-1, ядерным вариантом можно считать семему *вершина* 0-1 //, а в зоне актуальной периферии находятся терминологическое сочетание *изолированная вершина* и словосочетание *горная вершина*.

Семантема ‘нерасчлененная низкая часть земной поверхности…’ реализуется в основном варианте *бугор* 0-1 и ядерных вариантах *взгорок*, *пригорок*, *взгорье*. Периферийными будут варианты *невысокий холм, небольшая горка* и под., а также ограниченное по сфере употребления областное *взлобок*.

В микрополе семантемы ‘расчлененная высокая удлиненная часть земной поверхности…’ в качестве основного варианта могут быть признаны конкурирующие семемы *хребет* 0-4 и *цепь* 0-3. С нашей точки зрения, основным вариантом следует признать семему *хребет* 0-4, т.к. она выступает как в качестве нейтрального наименования, так и в качестве термина, т.е. имеет более широкую сферу применения, что означает бóльшую коммуникативную значимость данного варианта для носителя языка. Периферию микрополя вариантов составят словосочетания *цепь гор, горная цепь, ряд гор, горная гряда* и др.

Основным вариантом семантемы ‘расчлененная средняя удлиненная часть земной поверхности…’ можно признать семему *гряда* 0-1, а ядерным вариантом – *кряж* 0-1. Семемы близки друг другу по словарным толкованиям, более того, семема *гряда* 0-1 идентифицируется в словаре через слово *кряж*. Оба слова могут выступать в качестве терминов, однако слово *гряда* имеет более широкое определение: «общее название положительных вытянутых форм рельефа». Периферию микрополя формируют словосочетания *ряд небольших гор, цепь холмов, невысокая горная цепь, цепь невысоких гор* и т.д.

Семантема ‘нерасчлененная средняя часть земной поверхности… с пологими склонами’ представлена основным вариантом *холм* 0-0. К числу ядерных вариантов относятся *курган* 0-1 // и *высота* 0-3. Периферийными вариантами являются семема *горка* 0-1, а также словосочетания *невысокая горка, небольшая горка* и др.

К семантемам более низких уровней иерархии относятся ‘расчлененная средняя часть земной поверхности с плоской вершиной’ (основной вариант – семема *плоскогорье* 0-0), ‘расчлененная средняя часть земной поверхности с плоской вершиной и крутыми склонами’ (основной вариант – *плато* 0-0), ‘нерасчлененная высокая часть земной поверхности… с острой вершиной’ (*пик* 0-1), ‘нерасчлененная средняя равносторонняя часть земной поверхности… с плоской вершиной’ (*массив* 0-1) и др.

Вариантами одной семантемы – ‘нерасчлененная средняя часть земной поверхности… с крутыми склонами, каменистая’ – на наш взгляд, являются семемы *скала* 0-0 (основной вариант), *утес* 0-0 (ядерный вариант) и *крутогор* (периферийный вариант).

Вариантами одной семантемы – ‘расчлененная средняя удлиненная часть земной поверхности… покрытая лесом’ – выступают семемы *грива* 0-2 (основной вариант) и *рёлка* 0-0 (областное; периферия микрополя) и словосочетание *лесистая гряда*.

Таким образом, мы можем констатировать вариативность средств выражения семантемы, заложенную уже на уровне типической речи и, несомненно, намного более разнообразную и гибкую на уровне речи индивидуальной. Принципиальная множественность средств вербализации семантемы обеспечивает коммуникативную потребность носителя языка в различных вариантах номинации одной и той же реалии в различных ситуациях коммуникации.

Источники и литература:

1. Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1969-1978 – Т. 21.

2. Кочерган М. П. Загальне мовознавство. – К.: Видавничий центр «Академія», 2006. – 464 с.

3. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигматического анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М.: РАН, 1995. – С. 144-238.

4. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. – Минск: Вишэйшая шк., 1985. – 158 с.

5. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / А. Н. Рудяков // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 7-10.

6. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и проблема определения естественного языка // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации: X Международная конференция по функциональной лингвистике: Сб. науч. докладов. – Симферополь, 2003. – С. 3-9.

7. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. – 224 с.

8. Рудяков А. Н. Функциональная семантика. – Симферополь: Таврия, 1992. – 154 с.

9. Рудяков А. Н. Язык, или почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004. – 224 с.

10. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.

11. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981-1984.

12. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1984.

13. Соколовская Ж. П. «Картина мира» в значениях слов. «Семантические фантазии» или «катехизис семантики»? – Симферополь: Таврия, 1993. – 232 с.

14. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1982. – 336с.

Н. А. Руденко

Семантема *ругать* в русском языке

Современная лингвистика характеризуется многовекторностью и интегративным подходом к анализу естественного языка. Конец XX – начало XXI века охарактеризовался возникновением и становлением функционального подхода к изучению языковых явлений как одним из основных в лингвистике. Получившие широчайшее распространение в мире, идеи лингвистического функционализма плодотворно развиваются в российском и украинском языкознании.

Функционализм признается магистральным направлением современной лингвистики, «способным интегрировать все позитивные аспекты, которые усматриваются в ряде существующих теоретических подходов» [1, с. 3]. Функциональный подход предпринимает попытку ответить на вопросы «зачем, для чего, для получения какого результата существует данный элемент, конструкция, система?» и «как они выполняют эту задачу, для реализации которой существуют, какие свойства при этом проявляют?» [4, с. 173].

Размышляя над вопросом причины возникновения и существования такой реалии как язык, функционалисты приходят к выводу, что язык – это способ регуляции сознания и/или поведения одного человека другим, то есть язык возник для эффективного управления одного субъекта другим. Упорное несогласие многих лингвистов с таким утверждением все более часто опровергает реальное использование языка профессионалами – пиарщиками, рекламщиками, политиками и т.п., когда язык становится не просто орудием регуляции, а орудием власти над сознанием масс. И тогда становится очевидным, что коммуникативная функция языка существует лишь для того, чтобы быть формой реализации основного его предназначения – быть регулятором поведения и/или сознания слушающего. И природа языка, его устройство, обусловлена такой его предназначенностью.

Рассмотрение языка с позиций функционализма полностью меняет традиционное описание устройства языка: функциональная система, имеющая знаковую природу, не состоит из знаков; функциональная система должна состоять из функциональных подсистем, каждая из которых предназначена для и «работает» на функцию всей системы.

Вслед за А. Н. Рудяковым такими подсистемами мы считаем:

- строительная подсистема, позволяющая создавать воспроизводимые означающие и связывать их со смыслом: для первой задачи используется множество эталонных звуков – фонем; для второй – множество морфем, которые и осуществляют таинство соединения смысла и имени, означаемого и означающего в семиотическое целое;

- подсистема номинации; основная единица – семантема, элементы слова и словосочетания, предназначенные для именования реалий Универсума;

- подсистема коммуникации; основная единица – предложение;

- подсистема регуляции: это сфера текста, дискурса» [7, с. 128].

Традиционно предлагаемое устройство языка лингвистический функционализм не отрицает, просто видит в нем субстанциональную природу естественного языка. В предлагаемой статье мы уделяем внимание номинативной подсистеме языка.

Говорящий нуждается в средствах именования, способах экспликации понятий и правилах их комбинирования в процессе построения текста. Язык предлагает ему систему номинации, из которой субъект коммуникации может черпать необходимые ему слова и словосочетания для наиболее подходящего здесь и сейчас момента речи (именно для этого в языке существует множество способов выражения одного концепта).

Именно вариантность обеспечивает существование языка и его развитие. На сегодняшнем этапе развития языкознание воспринимает вариантность не только как способность создавать различные способы экспликации под воздействием эксталингвистических факторов или внутренних закономерностей развития языка, а как «свойство, обусловливающее адаптационные возможности языковой системы» [3, с 209].

Поэтому анализ вариантных единиц позволит раскрыть внутренний механизм устройства и развития языка не как замкнутой структуры, а как функциональной системы.

Возможность варьирования в языковой сстеме рассматривается на различных уровнях. Как справедливо отмечает Ю. В. Дорофеев, «представление о вариативности языковых единиц сформировалось изначально в диалектологии, которая рассматривает отдельные территориальные говоры как варианты национального языка со своими фонетическими, морфологическими и другими особенностями. И если для языкознания середины прошлого века было свойственно рассматривать диалектизмы как чуждые литературной речи элементы, от которых желательно избавляться, то сегодня отношение к этим формам национального языка изменилось. А поскольку литературный язык в своей основе не более чем диалект, получивший в определенный момент преимущество перед остальными говорами, то современные диалекты логично рассматривать как один из возможных векторов развития национального языка в определенных условиях. Поэтому, если ранее под вариантами понимались разные проявления одной и той же сущности, видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой, то сегодня представляется обоснованным и оправданным рассматривать вариантность языка в целом, а не на отдельных уровнях, используя вариантно-инвариантный подход, который утвердился первоначально в фонологии» [Дорофеев, с. 210].

Вариативность должна присутствует не только внутри языка, но и на более высоком уровне. Вопрос национальных вариантов русского языка призвана изучать

георусистика (термин А. Н. Рудякова), которая по сути своей не является новым направлением в изучении языка, а представляет собой «саму эту науку в XXI веке» [5, с. 7]; «георусистика – это русистика, осознавшая, что ее объектом является не русский язык, а глобальное русскоязычное пространство» [5, с.7]; «это русистика, в центре внимания которой окажутся процессы языкового партнерства, процессы совершенствования языка как результат взаимодействия с другими языками. В русистике будущего не будет подвергаться сомнению способность русского языка к образованию национальных вариантов. Напротив – эти варианты будут тщательно исследованы, описаны» [5, с. 7].

В нашей статье мы рассмотрим фрагмент номинативной подсистемы русского языка и попробуем проанализировать взаимодействие русского и украинского языков и следствия этого взаимодействия в русском языке, существующем на территории Украины.

Множество слов и словосочетаний организуются системой идей, но номинативная единица предназначена не просто и не только для выражения какой-то определенной идеи, концепта, она предназначена для реализации этого концепта в определенной коммуникативной ситуации (при существовании множества других функционально тождественных ему знаков).

Совокупность регулятивно предназначенных двусторонних вариантов выражения концепта, выступающего по отношению к ним как инвариант, - семантема. Семантема как функциональная единица может быть реализована в трех ипостасях, то есть она имеет три формы существования: сигнификат – феномен уровня языковой абстракции; на уровне типов она может быть реализована одним из вариантов выражения сигнификата – словами и словосочетаниями, функционально тождественными, предназначенными для реализации языкового понятия в различных ситуациях именования; множество конкретных употреблений этих вариантов со всеми индивидуальными характеристиками – феномен уровня речи.

Очень важно отметить, что сигнификат и соответствующие ему средства выражения не являются компонентами семантемы, ее составляющими как чего-то более сложного. Односторонний сигнификат и двусторонний знак - это формы существования единой семантической единицы.

Здесь следует напомнить о разноуровневости инварианта и варианта: инвариант всегда находится на более высоком уровне абстракции, чем вариант. Но при этом вариант и инвариант – это не разные сущности, а формы существования единой единицы.

Семантемой следует называть все вошедшие в иерархию сем языковые понятия, то есть семантемой будет являться и понятие «лошадь» и более описательный вариант «животное….», вариантами выражения этого понятия могут быть не только слова, но и словосочетания, все номинативные единицы естественного языка.

Рассмотрим существование семантемы, определяемого набором сем ‘оказать нефизическое воздействие на сознание человека посредством выражения отрицательной оценки того или иного действия реципиента с целью изменения его (реципиента) такого же поведения в такой же или подобной ситуации в настоящем или в будущем’, в русском языке на различных уровнях. Так, на уровне типов данное языковое понятие может быть реализовано совокупностью функционально тождественных номинативных единиц:

Ругать, бесславить, бранить, проклинать, стыдить, выражать недовольство, лаять, орать, взбучивать, взгревать, вздрючивать, вклеивать, вставлять (пистон, по (первое число, самые ягодицы, самое нехочу), фитиль), громить, грызть, делать (втык, выговор), журить, жучить, задавать (баню, головомойку, гонку, жару, звону, пару, перцу, пфеферу, феферу, чесу), захаивать, излаивать, изругивать, изрыгать хулу, иметь (и в хвост и в голову), камня на камне не оставлять, клять, корить, костерить, костить, критиковать, кричать, крыть, лаять, материть, ментовать, мочалить, накручивать хвост, натягивать, нафитиливать, обзывать, облаивать, отхлестывать, отчеканивать, отчитывать, отчихвосчивать, отщелкивать, продергивать, прокатывать, проклинать, пропердоливать, пропесочивать, прорабатывать, протаскивать, протягивать, прохватывать, прочищать мозги, пушить, разбранивать, разгрaмливать, раздраконивать, разносить, разругивать, раскатывть, раскритиковать, распатронивать, распекать, распушивать, расфигачивать, расхаивать, расчихвосчивать, расщелкивать, сволочить, сказывать пару (ласковых, теплых) слов, склонять, снимать стружку, собачить, ставить пистон, стервить, строжить, стыдить, упрекать, устраивать (головомойку, разгон, разнос), утюжить, факать, хаять, хулить, цукать, честить, чистить, чихвостить, чмарить, чмурить, чмырить, шерстить, шпиговать, шугать и т.п.

Таким образом, совокупность функционально тождественных слов, устойчивых и свободных словосочетаний, словарных формулировок, ситуативных средств выражения и есть форма существования семантемы на уровне типов.

Основным вариантом представления семантемы на уровне типов является семема «ругать», которая на уровне речи реализуется в стилистически нейтральном тексте, без коннотации. Например:

«Она с восхищением уставилась на меня. С таким неподдельным восхищением, что я даже не стала ее ругать, что вошла без спроса» [С. Лукьяненко, В. Васильев «Дневной дозор», с. 87].

Здесь следует обратить внимание в следующий факт: в словарных формулировках «ругать» – грубо бранить; «бранить» – 1. Порицать, выражать своё недовольство бранными словами. 2. перен. Подвергать осуждающей критике (отрицательное суждение о чём–н., указание на недостатки (разг.). То есть, ос-

новным вариантом экспликации исследуемой нами семантемы является семема «бранить».

Но, на наш взгляд, это не совсем так. Мы считаем, что семантема «ругать» на сегодняшнем этапе развития русского языка приобрела статус центральной для исследуемой группы, а ее основной вариант вытеснил семему «бранить» с позиции имени поля (как несколько устаревший способ выражения понятия). Об этом говорит и низкая частотность употребления этого слова в речи современных людей и в текстах современных авторов.

В русском языке встречается употребление семемы «лаять» в значении «ругать» (ругать2. перен. кого-что. – Бранить ругать (прост.). (Ож):

Название статьи: «Собчак лает – ветер носит». [http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:eWih5RvpNFsJ:www.sobesednik.ru/showbiz/jg_26_10_sobchak/+человек+лает+между+собой&cd=9&hl=ru&ct=clnk&gl=ua].

Или:

Это склочницы, которые никак не могут успокоиться, а только лают.

Лаяли бы между собой, а здесь – ПУБЛИЧНОЕ обвинение [http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:aGJvoGE9mPwJ:www.arbenina.com/main.php%3Fsubaction%3Dshowfull%26id%3D1225438689%26archive%3D%26cnshow%3Dheadlines%26start_from%3D%26ucat%3D%26go%3Dheadlines+лаятся+между+собой&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ua].

Отметим, что такая реализация семантемы в украинском языке занимает ядерную позицию:

Лаяти українську армію дуже легко, бо взагалі в нашій країні запланованого хаосу лаяти можна будь-яку структуру. [http://www.khpg.org/index.php?id=1071389788].

Эквивалентом однословного представления семантемы «ругать» на уровне речи являются словосочетания, представленные в следующих контекстах:

«А Васевский продолжал, кипя негодованием…» [С. В. Алешина «Блондин – личность темная», с. 211] (=говорил, испытывая негодование, а следовательно, ругал). Или:

«Мы хозяйке твоей не помешаем? – на всякий случай спросил Михаил. – А то вернется и скандал устроит, если увидит, что мы себе позволяем остограммиться» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 105]. Или:

«Зина возликовала. Ее соседки страшно злились, костеря на все лады неизвестных людей, решивших затеять строительство» [Д. А. Донцова «Привидение в кроссовках», с. 100].

То, что «ругать» предполагает не просто выражение недовольства, а еще и желание исправить поведение реципиента (в настоящем, т.е. после окончания акта говорения, или в будущем (при повторении такой же или похожей ситуации) подтверждает следующий текст:

«Да на, Аська, слов у меня не хватает, ей-крест! Надо же было такую чушь написать. Прям хоть садись и переписывай все заново. По уму-то надо было бы встретиться с ним, ткнуть мордой в каждую глупость, которую он тут изобразил, и заставить переделать» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 265]. Семантема «ругать» эксплицирована в речи словосочетанием «ткнуть мордой» (в данном контексте – это нефизическое воздействие). Выбор именно такого манифестатора описываемого сигнификата свидетельствует о глубоком недовольстве говорящего проделанной работой (а именно написанием автореферата) и желании наказать исполнителя. Такой вариант семантемы содержит также сему ‘превосходства’ (говорящий обладает полномочиями для этого, он – руководитель). Цель такого наказания («тыканья мордой») мы можем увидеть в продолжении текста:

«Раз, другой, третий – пока не получится то, что нужно. Только так аспирантов можно чему-то научить (цель выражения недовольства – *Н.Р.*)» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 265].

Подобное средство выражения семантемы «ругать» на уровне речи представлено и в следующем диалоге:

«Поехали, – кивнула Настя. – Постелю тебе на раскладушке. Только у меня еды нет.

- Ничего, купим по дороге, – оживился Юра. – Заодно и порепетируем душераздирающую сцену завтрашней оперативки. Я прямо вижу, как Колобок будет нас с тобой мордой об стол возить за дело Анисковец» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 66]. В данном экспликаторе исследуемой семантемы содержится сема ‘не наше’, отображающая негатив к предстоящему событию по отношению к «я» говорящего.

Рассмотрим отрывок из текста А. Марининой:

«Настя вжалась в спинку стула, ожидая разноса. Она знала, что Виктор Алексеевич никого не обижает прилюдно, самые резкие слова приберегая для разговора один на один, поэтому приготовилась к худшему» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 74].

В этом отрывке представлен усеченный вариант экспликации семантемы «ругать» – «делать разнос». Но, что наиболее интересно, окружение этого словосочетание такого, что помогает обозначить основные компоненты значения семантемы: реакция – ‘обида’; способ достижения цели – ‘резкие слова’; результат – ‘худшее’.

Проанализируем следующую сцену, описанную Д. Донцовой:

«Кассирша поморщилась и обратилась к очереди:

– Извините, но придется всем подождать.

– Это почему? – возмутился стоявший за мной полный мужик в дубленке. – Что за чушь?

– Я уже пробила чек, – пояснила кассирша, – теперь не могу работать дальше, пока деньги не получу, вот надо эту кнопочку нажать, видите?

– Так жми, и дело с концом, – рявкнул парень в кожаной крутке, – чего мочалку жуешь?» [Д. А. Донцова «Привидение в кроссовках», с. 193].

Как видим, в данном отрывке использовано сразу два варианта реализации описываемой нами семантемы: «возмутился» и «рявкнул». Обратимся к их словарным толкованиям: «Возмутиться1 – испытать негодование, раздражение»; «Рявкать2 на кого – грубо и зло кричать на кого–н. (перен., прост.)». В словаре в значении семемы «возмутиться» вообще не зафиксирован объект воздействия, тогда как в данном отрывке он очевиден – кассирша. То есть происходит добавление признака посредством контекста. «Рявкать» несет более сильную эмоционально-экспрессивную окраску негатива. Таким образом, используя данные манифестаторы семантемы на уровне речи в таком порядке (от менее к более экспрессивной) автор (Д. Донцова) отображает постепенное накаливание обстановки в описываемой им ситуации.

Функционально тождественным лексеме «возмущаться» является словосочетание «брызгать слюной», реализованное в таком контексте:

«Менты потом долго извинялись… Только мне-то от их извинений не легче, – брызгал слюной директор, на несколько мгновений потерявший былую сдержанность. Вся эта ситуация достала его окончательно» [С. В. Алешина «Блондин – личность темная», с. 211].

Объектом воздействия может быть не только некто посторонний, но и сам субъект говорения. Например:

«Нехорошо перед чужими слабость показывать, довольно и того, что перед дядей Владиком и этой женщиной из милиции не сдержалась, сорвалась. Теперь корит себя, простить не может» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 85].

Следующие варианты выражения семантемы «ругать» имеют в себе сему ‘официальность’, ‘от вышестоящего’, хотя различаются сферой употребления:

«Я полагаю, набор стандартный, – сказал Гарик. – Незаконное занятие черной магией. Вмешательство в сознание людей на уровне третьей-четвертой степени. Убийство. Неуплата налогов.., впрочем, это уже не к нам, это к Темным.

– Вам вменяется в вину незаконное занятие черной магией, вмешательство в сознание людей и убийство, – повторил державший Дарью мужчина. – Вы поедете с нами» [С. Лукьяненко, В. Васильев «Дневной дозор», с. 11].

Такое словосочетание может быть использовано в официальной речи, что мы и наблюдаем в тексте (ситуация ареста).

«Совсем недавно кабинет министров и средства массовой информации открыто критиковали агрессивную тактику Фаша, его постоянные столкновения с посольствами ряда иностранных государств, огромные перерасходы его ведомства на новые технологии» [Дэн Браун «Код да Винчи», с. 91]. «Критиковать» содержит в себе семы ‘объективность’, ‘наличие каких-л. аргументов’.

«Беда, однако, была в том, что старший лейтенант Жестеров дисциплинированностью никогда не отличался, за что неоднократно получал выволочки от начальства» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 232].

«Выволочка – то же, что взбучка» (прост.). «Взбучка – грубый выговор, нагоняй или побои, выволочка» (прост.). И хотя словарное толкование содержит значение физического воздействия на человека (побои), в нашем случае реализуется значение «нефизическое воздействие». Употребление данного варианта экспликации семантемы ограничено стилистически – может быть использовано в разговорной речи, а также в художественном тексте для создания характеристики героя.

В качестве варианта семантемы «ругать» в представленном ниже отрывке выступает слово «убить», свойственное разговорной речи, но не закрепленное в словаре в значении «ругать»:

«Настю Каменскую искренне позабавил тот факт, что лечащий врач Галины Терехиной нервничал и постоянно оглядывался по сторонам.

– Знаете, если главврач увидит, сколько времени я трачу на беседы с вами, он меня убьет, – виновато объяснил он» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 172].

Рассмотрим следующие контексты:

«Она лишь покачала головой.

– Алиса Донникова, вы можете обвинить кого-либо из присутствующих в провоцировании тех печальных событий, что привели к вашей гибели?

– Завулон, – абсолютно равнодушно сказала Алиса. – Это его операция.

– Трусливая дура! – крикнул Завулон. – Тебя все равно не ревоплотят! Что же ты делаешь, ведьма!» [С. Лукьяненко, В. Васильев «Дневной дозор», с. 370]. Или:

«Разочарованный водитель, не тратя особо времени на ругань, уже ехал дальше. Интересно, вспомнит ли он о моих словах, когда его тачка забарахлит? Наверняка. Будет орать «накаркала, ведьма!» [С. Лукьяненко, В. Васильев «Дневной дозор», с. 24]. Или:

«Это же фальшивые! – взвизгнул водитель, бережно пряча полтинник в карман. – Да ты, сучка, хотела нас...»

В данных отрывках вариантами экспликации семантемы на уровне речи служат лексемы «крикнуть», «орать» и «взвизгнуть», в составе своего значения имеющие сему ‘громко говорить’. Такие манифестаторы могут быть использованы для выражения состояния говорящего, его неспособности совладать с охватившими его эмоциями (негодования, злости, бессилия и т.д.): «Представляю, как бы вознегодовал Витька, обнаружив еще Олин труп примерно на том же месте, что и вчера» [Д. А. Донцова «Привидение в кроссовках», с. 40].

Осознанное (не в повышенном эмоциональном состоянии) воздействие на сознание и поведение адресата может быть эксплицировано такими семемами: упрекнуть, укорить, высказать недовольство и др. Проиллюстрируем это примерами:

«Старуха, оказывается, следила за ним на протяжении нескольких месяцев и теперь искала встречи, чтобы прочесть ему мораль. К тому разговору с Екатериной Волохов отнесся спокойно, угрызения совести его мучить не стали, а то, что Анисковец больше его не трогала и на пути не попадалась, он расценил как нечто самой собой разумеющееся. Попугала бабулька, выговорилась, нотацию прочла – и забыла, занялась своими делами» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 395]. Или:

«Не скажу, не волнуйся. Но все-таки не по-людски это, – укоризненно сказала Лида. – Как можно друзей разлучать из-за ерунды» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 50].

На уровне речи исследуемое нами языковое понятие может быть реализовано не только словами и словосочетаниями, но и фразеологическими оборотами. Например:

«С одной стороны – можно охране шею намылить, – размышлял вслух Петр. – Чтобы гнали парня прочь. Но тогда что? К койке его привязывать на ночь? Лучше уж пусть сидит среди взрослых, на виду, чем ночью, один, в море купается...» [С. Лукьяненко, В. Васильев «Дневной дозор», с. 68].

Такое представление сигнификата функционально тождественно словосочетаниям «спустить собак», представленных в следующих контекстах:

«Правда, удивляло то, что полковник не оставил Юру Короткова, да и Мишу Доценко отпустил. Не в его правилах было искать стрелочников и спускать собак на «крайнего» [А. Б. Маринина «Иллюзия греха», с. 74].

Экспликатор семантемы может содержать конкретизацию значения. Например:

«Потом моя подружка Вика съехала на двойки, стала матом ругать учителей и даже завуча, ее забрали из нашей школы и, говорят, долго лечили в детской психбольнице от редкой болезни «синдром Желя-Де-Ля-Туретта»» [С. Лукьяненко, В. Васильев «Дневной дозор», с. 103].

Указание на то, с помощью чего (конкретное указание на матерные слова) кто-то ругает кого-то.

Следующий фрагмент наглядно иллюстрирует присутствие в вариантах выражения семантемы «ругать» на уровне речи сем ‘наше’ – ‘не наше’:

«Борис Игнатьевич криво усмехнулся:

– Герой! Ах, какие мы все герои! Ручки у нас чистые, сердца золотые, ноги по дерьму не ступали. А женщину, что отсюда увели, помнишь? Детей ревущих помнишь? Они-то не Темные. Обычные люди, которых мы обещали защищать. Сколько мы взвешиваем каждую плановую операцию? Почему аналитики, пусть я и кляну их каждый миг, с седыми головами в пятьдесят лет ходят?

Как недавно я отчитывал Светлану, отчитывал уверенно и властно, так теперь шеф хлестал меня по щекам» [С. Лукьяненко «Ночной дозор», с. 220].

При характеристике своего поведения по отношению к кому-то герой использует стилистически нейтральный вариант – семему «отчитывать», тогда

как при характеристике такого же поведения по отношению к себе он использует негативно окрашенный вариант «хлестать по щекам» (‘унижать’).

Итак, мы рассмотрели варианты экспликации семантемы «ругать» на уровне речи. Выбор каждого из них зависит от установки говорящего, его отношения к окружающей его действительности, его индивидуальных особенностей (уровня культуры, психологического состояния, профессии и т.п.), ситуации, в которой он находится, и др.

Представленное микрополе вариантов семантемы `ругать` наглядно демонстрирует относительность их функционального тождества. Этот факт помогает сделать вывод о том, что язык предлагает варианты экспликации одного понятия, варианты, обусловленные речевой ситуацией, происходящей здесь и сейчас.

Источники и литература:

1. Бацевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. – Львов: Свит, 1997. – 392 с.

2. Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 5 – 15.

3. Дорофеев Ю. В. О закономерностях развития вариантных форм языка // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2008. – № 142, т. 1. – С. 209-212.

4. Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. – М.: Наука, 1977. – 184 с. – Библ.: с. 171.

5. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 7-10.

6. Рудяков А. Н. Украинский вариант русского языка: мифы и реальность // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. №142. Т.1. Материалы XV Международной конференции «Язык и мир». – Симферополь, 2008. – С. 7-8.

7. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004. – 224 с. – Библиогр.: с. 211 – 220.

РАЗДЕЛ 2
ГЕОРУСИСТИКА: PRO ET CONTRA

Т. И. Плужникова

К вопросу о национальных вариантах языка

Еще 20 лет назад вопрос о национальных вариантах языка для русистов был исключительно теоретическим, поскольку работы, касавшиеся данной проблемы, были связаны, прежде всего, с английским языком (В. Д. Аракин, А. И. Смирницкий, А. Д. Швейцер и др.), а также испанским (Г. В. Степанов), немецким (Э. Г. Ризель, А. И. Домашнев, Х. Мозер и др.), французским (Е. А. Реферовская) и др.

Распад Советского Союза, в котором русский язык выполнял роль языка межнационального общения, повлек за собой изменение функций и статуса этого языка в бывших союзных республиках.

Совершенно очевидно, что в «новой» Украине языковая ситуация стала иной. В понимании языковой ситуации мы опираемся на типологию языковых ситуаций, предложенную социолингвистами А. Д. Швейцером и Л. Б. Никольским, согласно которой «языковые ситуации распадаются на две группы: а) экзоглоссные – совокупности языков и б) эндоглоссные – совокупности подсистем одного языка. Экзоглоссные и эндоглоссные ситуации в свою очередь могут быть поделены на две подгруппы: 1) сбалансированные языковые ситуации, если составляющие их языки или языковые подсистемы в функциональном отношении равнозначны; 2) несбалансированные языковые ситуации, если их компоненты распределены по сферам общения и социальным группам. Таким образом, теоретически возможны следующие типы языковых ситуаций: 1) экзоглоссная сбалансированная; 2) экзоглоссная несбалансированная; 3) эндоглоссная сбалансированная; 4) эндоглоссная несбалансированная» [6].

Очевидно, что «украинская» языковая ситуация из экзоглоссной сбалансированной превратилась в экзоглоссную несбалансированную, результатом чего стало изменение не только статуса языков-участников этой ситуации, но и, предположительно, их качественная модификация. В частности, русский язык, якобы, приобретает признаки, отличающие его от русского языка, на котором говорят, например, в России. Как известно, по решению Верховной Рады Крыма в Крымском республиканском институте последипломного педагогического образования создан исследовательский центр русского языка, основной задачей которого и является лингвистическое описание украинского варианта русского языка [5], то есть факт существования такого языка сомнению не подвергается.

Создание данной структуры, безусловно, можно только приветствовать, поскольку это свидетельствует о включенности украинской русистики в актуальные направления лингвистических изысканий: ведь за последние десятилетия выдели-

лась особая область исследований – теория вариантов языков, занимающаяся изучением форм существования языка, языковых систем, включающих идиолекты, наречия, говоры, диалекты, территориальные и национальные варианты языка.

Но при этом крайне важно сохранять научный подход к решению данной проблемы, поскольку нельзя не согласиться с О. В. Романенко, которая отмечает**,** что «очень часто представители той или иной позиции выражают свое отношение к статусу языкового варианта исходя из политических и экономических, а не лингвистических соображений» [4].

Прежде всего, хотелось бы терминологической точности.

Определение «национального варианта единого языка» было впервые сформулировано ещё в 80-е годы. А. Н. Рудяков в толковании национального варианта языка ссылается на проф. В. Ю. Михальченко: «Национальные варианты языка появляются в результате территориального обособления носителей языка и развития в разных территориальных образованиях (например, национальные варианты английского языка, функционирующего в Англии, США, Канаде, Австралии)» [5]. Однако, как мне кажется, при этом не учитываются два момента: во-первых, в данном случае речь идет о полицентрических языках, к которым относятся испанский, английский, немецкий, португальский языки, а среди азиатских – малайский и арабский языки.

Во-вторых, под национальным языковым вариантом обычно понимается одна из официально закреплённых версий полицентрического языка, обычно возникающая в том случае, когда одним и тем же языком пользуются разные народы, как правило, возникшие в хронологической последовательности на основе одного этнокультурного источника. Русский же язык до настоящего времени признается моноцентрическим (или уницентрическим) языком, поскольку даже в странах, где он признан вторым государственным, его носители опираются на языковую норму России.

Далее. Сложность процессов языкового варьирования и взаимодействия языков в эпоху глобализации делает целесообразным разграничивать в дидактических целях язык как инструмент и хранитель культуры и язык как средство коммуникации [3]**,** то есть, прежде всего, речь.

Естественно, на уровне речи имеет свои особенности и русский язык в Украине, прежде всего, под влиянием украинского языка: это и пресловутый [γ] фрикативный в русском просторечии, произношение местоимения *что* как *шо* (нельзя не отметить, что эти речевые особенности характерны и для южнорусских областей), использование даже русскоязычными СМИ Украины лексических и синтаксических украинизмов, украинских прецедентных высказываний и имён (в том числе названий предприятий в украинском написании). При переводе на русский язык законодательных актов в употребление также были внесены украинизмы *Рада* (вместо *Совет*) и *городской голова* (вместо *мэр* или *градоначальник*). Для нормативного русского языка – это, как минимум, регионализмы, обычная составная часть лексики.

Говоря об отличиях русской речи в Украине, нельзя не вспомнить слова чл.-кор. РАН А. И. Домашнева*:* «при определении понятия национального варианта языка

недостаточно констатировать наличие у него своих специфических черт и особенностей. …Национальные варианты единого литературного языка проверяются на наличие у них собственной нормы» [2, с.8].

В этой связи вернемся к уже, казалось бы, языковым особенностям –использование предложно-падежного управления *в Украину*, *в Украине*, *из Украины*…. В 1993 году Правительство Украины потребовало признать такое написание и произношение нормативным вместо *на Украину, с Украины,* то есть это было политическое решение, в результате чего Украина диктует языковую норму другому государству, поэтому для россиян, не признающих этого диктата, это – безусловно, отклонение от нормы. Вот если бы русский язык был признан в Украине официальным языком, можно было бы говорить о новой норме: например, в Белоруссии, где русский язык признан государственным, возможно закрепление иной, отличной от российской языковой нормы, так, белорусы называют свою страну *Беларусь* (в России же по-прежнему могут говорить и писать *Белоруссия*).

А. Н. Рудяков полагает, что «феномен, который мы именуем украинским вариантом русского языка» – «один из самых значительных продуктов независимости Украины» [5], то есть ему нет и 20 лет, а возник он, видимо, 24 августа 1991 года. Но ведь совершенно очевидно, что те речевые особенности, о которых мы сегодня говорим, имели место и до распада Союза. И тогда их изучали в русле исследования межъязыковой интерференции в условиях русско-украинского двуязычия (труды И. К. Белодеда, Г. П. Ижакевич, Т. К. Черторижской и др.). В то время, правда, исходили из понятия нормы и отклонений от неё, сейчас же А. Н. Рудяков, видимо, считает, что в украинском аллолекте русского языка нормативный характер приобретает русское просторечие, приправленное украинским просторечием же.

При недостаточном владении обоими языка возникает, по определению Л. В. Щербы, полуязычие, на фоне которого причины формирования «нового» русского языка очевидны: в 1990-е годы функции русского языка в украинском государстве резко сужаются, он вытесняется государственным украинским языком из сфер среднего и высшего образования, науки, культуры. В результате вместо двуязычия в Украине начинает преобладать диглоссия, то есть такая форма владения двумя самостоятельными языками, при которой эти языки функционально распределены: например, в официальных ситуациях – законотворчестве, делопроизводстве, переписке между государственными учреждениями и т.п. – используется официальный (или государственный) язык, а в ситуациях бытовых, повседневных, в семейном общении – другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных, прежде всего, русский.

При этом, по данным переписи населения 2001 г., русских в Украине было 8 млн., а 65,7 % населения Украины заявили, что свободно владеют русским языком, на котором и продолжали общаться. В 2006 году Владимир Яворский, апологет украинизации, в статье «Русофоны против украинофонов» признал,

что русский язык на 90, а то и 99 процентов доминирует как язык общенародного общения во всех городах Украины (за исключением Западных областей) [7]. Однако поколение детей, выросших в независимой Украине, русский язык знает в прямом смысле «понаслышке»: это разговорная речь, звучащая в быту, не подкрепленная знанием языка как системы. Русский язык в его письменной форме всегда был сложным в изучении, а при фактическом отсутствии обучению этой форме результатом является тот факт, что русскоговорящие дети пишут русские слова украинскими буквами, например, *сінній*, *вчєра* и т.д. – «формируется украинский вариант русского языка».

В плане языкового прогнозирования, видимо, можно говорить о том, что со временем, если русский язык в Украине не будет квалифицироваться как язык национального меньшинства, а начнет восприниматься как один из языков ООН, которым владеет и пользуется значительная часть украинского народа, как язык, имеющий статус государственного не только в России, но и в Белоруссии, статус официального языка в Казахстане, Киргизии, то есть изменится языковая ситуация, возможно, понятие «украинский вариант русского языка» перестанет быть абстракцией.

Не исключено, что именно в силу влияния украинского языка в «украинском» русском раньше проявятся собственно языковые закономерности, которые системны и потому неизбежны, поскольку «в системе не может появиться ничего такого, чего не было бы уже в норме, но и само изменение нормы есть не что иное, как реализация определенной возможности, уже существующей в системе» [2, с. 6]. Например, уже сейчас в украинском языке наметилась тенденция к узуальному изменению по падежам несклоняемых иноязычных слов, например, *метро, авто, пальто* и т.д. Эта же тенденция имеет место в русском просторечии (в том числе и в России): *в новом пальте*, *поеду метром* и т.д. Видимо, в данном случае срабатывает «закон сокращения основ в пользу окончаний», открытый И. А. Бодуэном де Куртенэ в конце XIX в. Как известно, изучая историю индоевропейского склонения, он пришел к выводу, что в процессе исторического развития конечные гласные основы («тематические гласные») отошли к падежным окончаниям, то есть граница между морфемами основы и окончания стала проходить в ином месте. Формальное сходство конечных гласных несклоняемых слов с окончанием *-о* существительных среднего рода стимулирует начало описанного процесса. Кстати, эта тенденция, пусть даже лишь намечающаяся, является контраргументом сторонникам версии развития русского языка как языка аналитического типа.

К. С. Горбачевич, отмечая тенденции в развитии современной русской морфологии, пишет: «Как бы ни хотелось сохранить приятные на слух формы глаголов *машет, брызжет, плещет* и т.п., они, увы, обречены и в будущем заменятся менее приятными для современного восприятия, но зато более рациональными формами *махает, брызгает, плескает* и т.п. Многие скажут: это порча языка. Ничуть. Это развитие по продуктивной модели» [1, с. 75]. Не исключено, что

близкое соседство украинских слов *махає, бризгає, плескає* ускорит эту тенденцию в русском языке, функционирущем на территории Украины.

Возможно, под влиянием украинского языка скорее изменится принцип склонения сложных числительных, что также уже имеет место в русском просторечии.

Но это всё – в достаточно далеком будущем. Так, утверждение факта существования украинского варианта русского языка опирается на апелляцию к факту существования вариантов, например, английского языка, в частности, американского варианта. Но следует учесть, что, хотя первое постоянное английское поселение в Северной Америке было основано в 1607 г., американский вариант этого языка был признан таковым только в 50-е годы прошлого века: в результате взвешенного отношения к проблеме взаимодействия языка и нации и пристального изучения американского состояния английского языка лингвисты пришли к выводу о существовании особого литературного образца (нормы) английского языка в США. Именно этому критерию не соответствует пока русский язык, функционирующий в Украине, следовательно, нет и украинского варианта русского языка.

Однако нельзя не согласиться с А. Н. Рудяковым в необходимости изучения русского языка в новой для него языковой ситуации, в условиях уже не двуязычия, а диглоссии.

Источники и литература

1. Горбачевич К. С. Дано ли нам предугадать? (о будущем русского языка) // Русистика. – Берлин, 1990. – № 2. – С. 70-80.

2. Домашнев А. И. Концепция национального варианта языка в трудах академика Г. В. Степанова // Res Philologica. Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. – М.: Наука, 1990. – С. 4-17.

3. Подстрахова А. В. Проблемы регионального варьирования языков в эпоху глобализации (на материале современного английского языка) // Международный научно-практический (электронный) журнал – Выпуск №3 / 2004) [Электронный ресурс] / А. В. Подстрахова. – Режим доступа http://vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v3/v3_ar03.htm

4. Романенко О. В. Национальный вариант полицентричных языков как совокупная структура национальной речи // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14. –№2. – С.407-411.

5. Рудяков А. Н. Украинский вариант русского языка: мифы и реальность // Газета «Республика Крым», 30.10.2008.

6. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.

7. Яворский В. Русофоны против украинофонов // День, 16.03.2006.

Л. Пилунский

Лингвистическая уфология профессора Рудякова, или pidgin-russian в степях Украины

Печатается по:
http://maidan.org.ua/static/krymmai/1225790591.html

Удивительную и весьма странную статью «Украинский вариант русского языка: мифы и реальность» удалось прочитать, точнее, изучить целый разворот в газете «Республика Крым» (№39 от 30.10.2008). Ну, казалось бы, тешится высоколобый ученый: отправился в далекие лингвистические странствия, да и Бог с ним, пусть ищет. Но все не так просто, как может показаться.

Вопрос, поднятый профессором не из области научного поиска – он из области идеологии, направленной не столько против Украины, как государства, сколько против основы этого государства – украинского народа, его культуры и основы основ, фундамента его существования – языка.

На мой взгляд, это еще одна, на этот раз почти отчаянная попытка, найти способ нивелировать и если не уничтожить, то значительно унизить достоинство огромного и древнего европейского народа и его древней самобытности.

Но и это еще не все – это завуалированный оскорбительный выпад против сторонников этнического равенства всех народов и языков, и, прежде всего, всех славян без исключения и без превосходства всего лишь одного – русского, как народа, так и его языка. Из русских источников известного как языка ВЕЛИКОРУССКОГО!?

А можно ли себе представить, чтобы любой другой народ себе позволил говорить про свой язык – великоанглийский, великоиспанский и т.д., Нет, не возможно, потому что в этих народах уже угасло «пламя шовинизма и всемирной экспансии». А на самом деле на этих языках на Земле умеют говорить и очень сносно изъясняться людей значительно больше (в десятки, сотни раз), чем на этом самом «великорусском»!

Так что поиск «нового языка» и «настоятельная необходимость» его спасать – это наглый вызов строителям нового Мироустройства XXI века – мира где напрочь отсутствует расизм, геноцид, в том числе и лингвогеноцид, расовая и религиозная нетерпимость и т.д и т.п.

«Раскручивание» и «спасение» новоявленного и нуждающегося «в экстренном спасении русского-украинского» языка – это нападение на защитников спасения любого языка, даже самого крошечного, носителей которого насчитывается на Земле может быть, десяток человек или одно единственное племя, затерянное в дебрях Амазонии.

Кстати, в самой России таких умирающих и уже умерших языков и их носителей только во второй половине кровавого XX столетия, сотни (только фино-угорских языков и наречий таких, как зырянский, ингерманландский,

печорский, эрзя, меря… десятки). А зачем они нужны, когда есть один – «самый великий и самый.., САМЫЙ?»

На самом деле никакого украинского варианта русского языка не существует – это блеф, фокус, фальшивка. Чтобы на свет явился новый язык, нужны десятки и десятки лет, если не века. Нужны фундаментальные исторические потрясения в обществе и окружающем пространстве умноженные на поколения.

Даже октябрьский переворот 1917 года с его последующими жуткими экспериментами, в том числе и над русским языком, не привел к появлению нового русского языка. Хотя советско-русский язык массовых газет типа «Труда» и «Правды» катастрофически сузивший словесную базу языка, все же не привел к появлению русского новояза. Если бы это было не так, то корифеи словесности и крупные филологи нашли бы повода для диссертаций и монографий, свидетельствующих о появлении нового революционного русского языка. Однако, русский как был, так и остался Русским Языком Пушкина и Толстого. Да, и как можно было об этом говорить: неужели можно было вслух сказать, что коммунисты и коммунизм, как идеологический механизм подавления, тоталитарный строй, с очень плохо по-русски говорящими вождями, мог повлиять на Великий и Могучий? Да, вы с ума сошли! Кто бы это вам позволил?

Что же такого произошло в наши дни, сегодня за какие-то 17 лет независимости России от Украины и Украины от России, да такое, что «столпы филологии» вдруг так забеспокоились проблемой защиты и спасения? Да, ничего, просто созрел политический момент для написания сказки о появлении на свет божий нового русского языка, на который, якобы пагубно влияют такие «этно-лингво-монстры», как, например, государственный язык Украины.

А теперь давайте немного поразмышляем, чуть-чуть покопаемся в истории. Вдумайтесь, даже такие языки, как англо-австралийский и англо-американский, и то, что называют Modern English (это и то, что было после отмены категорического неприятия разговорных форм английского языка в литературе) формировались веками. И это при совершеннейшем разлете экономического и политического устройства англоязычных государств с метрополией. Кроме того, в этих странах не было реального сопротивления языку колонизаторов (Австралия, США, Новая Зеландия), хотя территории этих стран и континентов заселяли в подавляющей численности британцы.

Но мы говорим не о так называемом, «суржике», то есть до безобразия упрощенном, например, английском где-нибудь в Африке или в Азии, а о модерном языке.

А вот английский «суржик» (Pidgin-English) отличается даже от Modern English так, что англичанин его просто не понимает. Из своих личных путешествий по Кении или Йемену могу сказать, что я разговаривал с «местными» и мы друг-друга совершенно понимали, но чтобы меня и моего собеседника понял «ортодоксальный носитель английской мовы» из Матушки Британии, нужен был переводчик. Иногда и из местных, но, знавший оба «английских».

Однако, в нашем печальном случае все не так. После благополучного развода-развала прошло всего ничего – 17 лет. Украинский язык в Крыму, как не учили достаточно, чтобы быть свободными носителями, так и не учат, как государственный язык, он не используется даже на государственной службе, так же, как не используется в быту, на работе, на улице... и даже в школе. То есть наши дети вырастают ампутированными от языка страны, где они родились и выросли. Я уже не говорю о тех, кто родился в еще той стране «дружбы и равенства» всех народов.

Украинским языком как никто не пользовался, так и не пользуется под жуткие и истерические вопли о насильственной украинизации. За такой маленький исторический срок при создавшемся положении вещей с русским языком в Крыму ничего не могло случиться и не случилось, тем более при угрожающе подавляющем доминировании русских СМИ и русских воинствующих миссионеров, типа Лужкова-Затулина и Бесноватого Диакона со всевозможными Шаловливыми Детишками Юристов.

Но вот случилось – недоносок, оказывается, уже родился и чтобы предать наукообразный вес и значимость всем этим квазисловесным манипуляциям и лингвистическим жонглированиям, пересыпанных идеологической трескотней, подряжают не затаившегося украиноненавистника и запотевшего русофила, а вполне, казалось бы, благополучного доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русского языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, ректора Крымского республиканского института последипломного педагогического образования, сопредседателя Крымского отделения УАПРЯЛ Александра РУДЯКОВА. Почему именно ему доверена роль крымского «филологического попа Гапона», так пусть он сам ответит, нас же интересует больше всего то, что он не просто доктор филологических наук, а ректор Крымского республиканского института последипломного педагогического образования. Представляете, что он вдалбливает в головы простым школьным учителям?

А вот для чего все это выплескивается из профессорских кругов, кружков и прочих рафинированных собраний интеллектуалов, их учеников и лизоблюдов в средства массовой информации, то есть на суд обиженных судьбой и геополитикой обывателей? Давайте подумаем.

Крымские наукоподобные, ну, там Никифоров с Мальгиным, Киселев с Филатовым и прочая харабугаобразная мелочевка, так заелозили все предыдущие идеологемы, вброшенные в крымское, а частично и в украинское сообщество, что над ними начали в голос смеяться. Я имею в виду такие эквилибристские квази-этно-политические термины, сюжеты и новеллы, как русскоязычное-русскокультурное (?) население; русское православие – это единственное на Земле православие; Украина – это окраина России; нет Украины – есть Малороссия, а еще Новороссия и ее населяют некие малорусские югороссы; Бог не понимает украинского языка, а только русский; компьютер не может работать на украинском языке… и как венец всех этих политических поллюций этно-шизофренический монолог доцента А. Никифорова: «…Отрыв от Москвы усилил этниче-

скую мутацию в Малороссии и украинская казачья «старшина», стала матрицей для «украинской политической элиты», то есть генетическим уродцем».

Всей этой бредятиной можно было достаточно долго кормить население, но не бесконечно же. Поэтому наступил кризис жанра. Население, а точнее электорат, все больше и больше осознает, что политологические поллюционеры, отрабатывая вложенные в них деньги, располнели телом на дармовых харчах, но зело оскудели духовно, словесно и осеменительно. То есть, нет им веры – избрехались.

Вот поэтому, появление новой инициативы, так легко трансформируемой в новую антиукраинскую идеологему, оказалось манной небесной. Хотя на самом деле, вы, уважаемый и проницательный читатель, можете себе представить, что для появления Украинского варианта русского языка достаточно и полтора десятка лет, а для рождения украинского народа и украинского языка недостаточно и 400 (четырех сотен) лет!!! И это только по их русофонским исчислениям исторического времени.

Что же это означает? Да, ничего особенного – просто к лингвистике, филологии и прочим истинным наукам, к истории, например, как и к настоящим ученным, все эти размышлизмы и лингвистические «открытия» не имеет совершенно никакого отношения!

Все эти годы не только политики, а значит и часть население и, как это не странно, научные мужи местного разлива, твердили нам, что настоящего украинского нет, что он давно умер, погиб, а то, что нам предлагает Киев – это или суржик, или галицкий язык, который чужд Восточной Украине и Крыму, а значит и незачем его учить.

И вдруг, такой невероятный кульбит, «случайная» читательница или читатель того самого номера той же газеты «Республика Крым», некто Л. Тихоненко, пишет: «…если людям удобно говорить на суржике, пусть говорят. Тем более, если другие их понимают…»

Думаете это случайный пассаж, случайные мысли, постоянного читателя? Ошибаетесь. В таких газетах, точнее партийных листках-прокламациях, Как «Республика…» ничего не бывает случайным. Из центра поступила новая установка и Юстас передал приказ Алексу. И пусть вас не отвлекают рассказы-откровения ректора о том, что это он все придумал, это он еще в 2006 году начал во весь профессорский голос кричать о рождении русско-украинского новояза, это не имеет значения для «раскручивания» нового витка антиукраинского противостояния, новой идеологемы такой нужной и такой своевременной. Джин новой «мульки» уже вылетел и уже попал в руки тем, кто умеет раскалить до красна межэтническое противостояние.

Сам А. Рудяков, спрятав за словесной трескотней, за, так сказать, «лингвистическим интернационализмом», слова утешения украинскому языку пишет: «…в русистике будущего не будет подвергаться сомнению способность русского языка к образованию национальных вариантов…», но уже через предложение можно узнать, что это чушь, на самом деле профессор страда-

ет тяжелой формой лингвистического шовинизма: «…В русистике будущего лингвистика языкового взаимодействия займется моделированием закономерностей существования и развития русофонии как одного из важнейших языковых миров, формирующих значительный слой планетарной ноосферы…» Ну, загнул, профессор, ну, дает! Надо бы поинтересоваться – не страдает ли ректор манией величия! Мол, вам, украинофонам, суржик, для вашего умирающего языка, а нам русофонам, бессмертие в тысячелетиях.

Я не шучу, рудяковский пассаж заканчивается призывом к лингвистическому тысячелетнему русофонскому «рейху»: «…Трудно представить себе число этих партнеров-языков, предоставляющих русскому языку возможность стать лучше, совершеннее, стать более подготовленным к роли одного из тех немногих языков, которые останутся в распоряжении человечества в далеком будущем…»

И последнее. Пусть вас не утешают слова кандидата филологических наук, доцента Дорофеева из другого панегирика рософонии в том же газетном номере: «…необходимость признания русского языка в Украине в качестве «нашего», а не языка другого государства, как следствие – необходимость планомерных исследований тех изменений, которые происходят в русском языке в Украине и в других странах. Одной из важных мыслей в докладе было то, что в современном мире человек не может быть моноязычным…» Вы думаете, Дорофеев говорит о совершенном знании второго языка, то есть украинского в Украине? Ничего подобного – это будет украинский вариант русского языка.

Ну, действительно, не собирается же профессор Рудяков и сотоварищи открывать в Крымском республиканском институте последипломного педагогического образования, существующего на бюджетные деньги, Центр по изучению проблем украинского языка в Крыму. И изучать эти проблемы и природу тотального сопротивления чиновников и значительной части политиков, чтобы, преодолев это сделать все возможное, чтобы уже через несколько лет из всех крымских школ отправились в жизнь дети, которые в совершенстве бы знали не только русский, как сегодня, но и украинский, а может быть и крымскотатарский.

Да, вы с ума сошли! Не для этого кучкуются все эти русофоны, чтобы делать добрые дела сегодня, сейчас – они работают на бессмертие. Ну, не собираются в этом институте бороться с матерным русским, уже заползающим не только в начальную школу, но и в детские садики, даже не заикаются высоколобые росолюбы об оскудении разговорного русского, наползающей массовой безграмотности и не только среди молодежи, о гибели книжной читательской культуры…

Впрочем, а зачем все это, если институтом управляет человек, исповедующий лингвистический расизм и уверяющий всех, что только русский язык имеет права быть венцом лингвистического будущего всего Человечества.

А. Н. Рудяков

Почему всполошились шаманы

Сложная все же штука – наследственность. Трудно ее преодолеть. Родившись в семье профессоров-лингвистов, потратив почти всю жизнь на изучение человеческого языка, став доктором наук и профессором, поневоле считаешь святым долгом изучение своего объекта, а также преподавание и популяризацию языковедческого знания. Наука для того и наука, чтобы познавать мир и делиться результатами этого познания с обществом. Ученые – странные существа: они исследуют мир по призванию, а не когда какой-нибудь добрый заокеанский дядя подкинет грантик. Результаты своих исследований ученые публикуют в виде статей или книг и обсуждают на конференциях. Отличительной чертой ученых является то, что свои работы они пишут даже тогда, когда эти работы им никто не заказывает. Одну из таких конференций я проводил уже в 15-й раз. Это конференция «Язык и мир», открытие которой состоялось в Ливадийском дворце 7 октября. На конференцию «Язык и мир» традиционно съезжается большое число участников, но год 2008 побил все рекорды: мы опубликовали в сборниках научные статьи 370 авторов, из которых приехало 170 ученых из Украины, России, США, Польши, Латвии, Казахстана и других стран ближнего и дальнего зарубежья. Такой масштаб заставляет меня как организатора конференции думать над тем, чтобы переименовать ее в 2009 году в Крымский лингвистический конгресс. Отличительной чертой конференции является то, что в ней принимают участие ученые различных филологических дисциплин: и русисты, и украинисты, и германисты, и полонисты, и романисты… Такую интегрирующую направленность конференции отметила газета «Крымские известия», опубликовав подробный отчет о ней в середине октября.

Отчет о конференции был опубликован и в газете «Республика Крым». Я как ученый далек от оценок политической деятельности этого издания. Знаю только, что в нем работают талантливые журналисты, подлинные филологи, которым небезразличны судьбы языков нашей страны. Редакция газеты любезно согласилась напечатать и статью «Украинский вариант русского языка: мифы и реальность», которая представляет собой печатный вариант моего пленарного доклада на конференции. Сознательно описываю всю рутинную предысторию этой публикации, чтобы подчеркнуть ее принципиальную научность и непредназначенность для вовлечения в политическую деятельность кого бы то ни было.

Я был несказанно удивлен, узнав от одного из своих коллег, что моя статья была перепечатана где-то в Интернете. Удивлен, потому что разрешения на это я не давал. Стоило большого труда путем длительных расспросов и выяснений обнаружить некий малоизвестный сайт, на котором, как оказалось, дал мне «гнев-

ную отповедь» нет, не ученый-лингвист, взгляды которого не совпали с моими (это обычная ситуация в науке), а некий чиновник по регуляторному ведомству и по совместительству крымский депутат от Руха Леонид Пилунский, небесталанно занимающийся также мелодекламацией своих мемуарных заметок в эфире одной из местных телекомпаний. Научной дискуссии с паном Пилунским не получится. У нас с ним слишком разные уровни абстракции. Да и, говоря откровенно, выбранный Пилунским сайт и особенно его форум вызывает стойкое чувство брезгливости. Тем не менее хотелось бы некоторые достаточно понятные для интеллигентных людей вещи, которым не нашлось места в упомянутой статье, прояснить и пояснить. Начну с того, что слово «профессор» ни в русском, ни в украинском, ни в английском не является ругательным. А у администраторов и «авторов» упомянутого сайта, очевидно, это ученое звание вызывает подзабытую классовую ненависть.

Во-вторых, слово «русистика» не является ругательным. Это всего лишь название отдельной языковедческой дисциплины, объектом которой является русский язык. В-третьих, и слово «русист» не является ругательным. Оно обозначает специализацию лингвиста, который изучает русский язык. Не является ругательным и словосочетание «украинский русист», обозначающее гражданина Украины, который профессионально изучает русский язык. Русист может не быть членом Русской общины и даже не подозревать о существовании такой организации, может вовсе не стремиться переехать в РФ, может искренне и сильно любить Украину и не воспринимать националистов всех политических мастей и этнических окрасов. В-четвертых, конференция – это научное собрание специалистов в той или иной области науки. Конференции бывают и такие, на которые приезжают люди за свой счет или в командировку. Научное общение – вещь редкая и дорогая. Оно стоит того, чтобы на него тратиться. Это я говорю потому, что некоторые «политические деятели» конференции проводят только тогда, когда какой-нибудь добрый заморский дядя или частный фонд даст «длинный доллар». Без этого никак. Видимо, поэтому конференцию, посвященную великому Шевченко, в Крыму организовал украинский русист Рудяков, а не те, кто громче всех призывает спасать от Рудякова Украину…

В-пятых, русская (почему-то именно русская) ненормативная лексика, а также словосочетания типа «недоносок», «сам дурак», «поп Гапон», «вожак пятой колонны», «провокатор» и другие, выбранные участниками озлобленного хора на форуме все того же сайта, не являются аргументами в научном споре.

В-шестых, многие российские русисты были и остаются едва ли не главными противниками идеи существования национальных вариантов русского языка. Поэтому странно было бы думать, что мне статью заказали россияне. Людям, которые меня достаточно хорошо знают, вообще странно слышать, что мне можно заказать статью, но этого знатокам регуляторных актов в области предпринимательства не объяснишь.

Только в последнее время ситуация стала меняться, и ведущие российские русисты стали осознавать парадоксальность такого представления, согласно которому в Великобритании, США, Южной Африке, Австралии, Нигерии, Канаде существуют равноценные национальные варианты английского языка, тогда как в России есть чистый русский, а в Украине, Казахстане, Белоруссии… его «испорченные» разновидности. В этом вопросе всем нам еще расти и расти до уровня сознания финского профессора Арно Мустайоки, который, слушая мою дискуссию с молдавскими (!) коллегами по этому поводу на конгрессе МАПРЯЛ в Варне в 2007 году, вдруг произнес фразу, ставшую для меня знаковой: «Наш (финский) шведский непохож на шведский шведский». Я тогда подумал, что лад в Украине наступит тогда, когда даже наши «языковеды в штатском» из Руха и других националистических структур поймут, что российский русский и наш украинский русский – это не совсем одно и то же.

Вообще идея украинского национального варианта русского языка – интегрирующая, объединительная. Это идея для консенсуса, который так нужен всем нам и так не нужен маргинальным политическим деятелям, для которых самое важное – отыскать врага. Поэтому и к нам в институт на конференции, посвященные Т. Шевченко и В. Сухомлинскому, они не ходят: им научные дискуссии и консенсус не нужны. Им нужны враги и войны, войны и враги.

В-седьмых, наука по самой своей сути не может дать простых и ясных ответов. И мир, и самая непознанная составная часть нашего мира – человек – не могут быть познаны «до конца», «до донышка». В науке всегда остается некая готовность к тому, что понимание того или иного феномена может быть изменено, углублено, расширено. Этим наука – подлинная наука – отличается от понимания мира на уровне обывательского «здравого смысла», которому все всегда ясно и понятно. Плоды руководства страной на этой основе, увы, мы еще долго будем отхаркивать…

В этом контексте хочется вспомнить прекрасный рассказ Василия Шукшина «Срезал», повествующий о том, что в некой глухой сибирской деревне (по-нашему – хуторе) жил «начитанный» мужик Глеб, который знал немного обо всем и который всем городским приезжим задавал какой-нибудь «хитрый» вопрос. И… пасовали городские. Не знали, что ответить. И радовались «хуторяне», говоря с гордостью: «А наш-то… Молодец… Срезал…». Не поленюсь, приведу достаточно большую цитату. По сюжету Глеб только что спросил, где работает его собеседник:

– На филфаке.

– Философия?

– Не совсем... Ну, можно и так сказать.

– Необходимая вещь. – Глебу нужно было, чтоб была – философия. Он оживился. – Ну и как насчет первичности?

– Какой первичности? – опять не понял кандидат. И внимательно посмотрел на Глеба. И все посмотрели на Глеба.

– Первичности духа и материи, – Глеб бросил перчатку. Глеб как бы стал в небрежную позу и ждал, когда перчатку поднимут.

Кандидат поднял перчатку.

– Как всегда, – сказал он с улыбкой. – Материя первична...

– А дух?

– А дух – потом. А что?

– Это входит в минимум? – Глеб тоже улыбался. – Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется, но не особенно-то разбежишься – не с кем. Как сейчас философия определяет понятие невесомости?

– Как всегда определяла. Почему – сейчас?

– Но явление-то открыто недавно, – Глеб улыбнулся прямо в глаза кандидату. – Поэтому я и спрашиваю. Натурфилософия, допустим, определит это так, стратегическая философия – совершенно иначе...

– Да нет такой философии – стратегической! – заволновался кандидат. – Вы о чем вообще-то?

– Да, но есть диалектика природы, – спокойно, при общем внимании продолжал Глеб. – А природу определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена невесомость. Поэтому я и спрашиваю: растерянности не наблюдается среди философов?

Кандидат искренне засмеялся. Но засмеялся один... И почувствовал неловкость. Позвал жену:

– Валя, иди, у нас тут... какой-то странный разговор!

Валя подошла к столу, но кандидат Константин Иванович все же чувствовал неловкость, потому что мужики смотрели на него и ждали, как он ответит на вопрос.

– Давайте установим, – серьезно заговорил кандидат, – о чем мы говорим.

– Хорошо. Второй вопрос: как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?

Кандидаты засмеялись. Глеб Капустин тоже улыбнулся. И терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются.

Василий Шукшин – классик. Он блестяще нарисовал картину беседы «начитанного» невежды и образованного человека, который тщетно спрашивает: «Давайте установим, о чем мы говорим?». Но это неважно: глебоватым людям главное – говорить. Причем чем громче и увереннее, тем лучше. И главное, у глебоватых нет и не может быть никакой рефлексии. Никаких сомнений в том, что ты можешь быть не прав. Или в том, что ты можешь что-то не понять. Между тем некоторые вещи сложно понять сразу. Для их

понимания нужны способности, ясный ум и, может, это и прозвучит непристойно в нашей стране, образование. Хотя бы минимальное.

В-восьмых. Есть такая страна – Соединенные Штаты Америки. Эта страна, утверждают ее апологеты, является примером для подражания для всего остального мира. Особенно для той его части, которую США подкармливают своими зелеными дензнаками. США – страна очень прагматичная, берегущая деньги налогоплательщиков. Так вот (это будет, наверное, откровением для пана Пилунского) в США уже много лет издаются толковые словари американского варианта английского языка. Это Webster'овские словари, которые знает весь мир. Странно, что американцы не завозят словари из Великобритании, как им посоветовали бы провинциальные политические деятели из Украины. А с другой стороны – ничего странного. Они живут по законам XXI века, а не в застывшем хуторском мирке, где все, что непривычно или непонятно, вызывает дикое неприятие и звериную ненависть.

В-девятых, следующая статья, которую я планировал написать, называется «Российский вариант украинского языка». Глебушке и его крымским сотоварищам странно будет узнать, что украинский язык также представляет собой совокупность национальных вариантов, которые требуют исследования. Это украинский вариант украинского языка, российский вариант украинского языка, канадский вариант украинского языка, германский вариант украинского языка… Интересно, разрешат ли мне глебоватые политические деятели написать об этом? Не возмутятся ли? На всякий случай скажу, что лингвистам, работающим в Алжире, разрешают писать об алжирском варианте французского языка; лингвистам, живущим в Австрии, – об австрийском варианте немецкого языка; лингвистам, живущим в Нигерии, – о нигерийском варианте английского языка и т.д.

В-десятых, лично я к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера отношусь так же, как и к другим научным проблемам. Их надо исследовать. Без политиканов.

В-одиннадцатых, самое страшное: «Кандидат искренне засмеялся. Но засмеялся один...».

В-двенадцатых, самое светлое то, что даже на такого пошиба форуме нашлись люди – и немало, которых интересует смысл и логика сказанного, а не исключительная возможность заорать «Ату его!». Спасибо вам.

Ю. В. Дорофеев

О лингвистической УФОлогии, нелингвистической полемике и национальных вариантах языков

Л. Пилунский сообщает на сайте maydanua.org, что ему довелось прочитать «удивительную и весьма странную статью», посвященную проблеме взаимодействия русского и украинского языков, которую он рассматривает и оценивает очень подробно, но только вот с совершенно не научной точки зрения, углядев и здесь происки украинофобов и русофилов. Видимо, это уже такая привычка: если в статье упоминается русский язык, то статья идеологическая и направлена против изучения и развития украинского языка. То есть поиск идет по ключевому словосочетанию, а затем выстраивается ассоциативная цепочка.

Поэтому и обвиняет Л. Пилунский автора статьи А. Н. Рудякова и ряд других людей в том, что они выступают против украинского народа и языка, как будто упомянутые им люди не являются гражданами нашей страны и, соответственно, не составляют ее народ. Однако все это, действительно, споры идеологические, наш же интересует научная и моральная сторона вопроса: можно ли говорить о взаимодействии русского и украинского языков в Украине и стоит ли вмешиваться в этот разговор людям, которые имеют весьма смутные представления о научной дискуссии и об истории развития языков.

Во-первых, великорусским называли ранее не современный русский язык, а наречие тех славян, которые проживали на территории нынешней России, наречия двух других родственных народов назывались, соответственно, малороссийское и белороссийское. При этом значение корня «великий» указывало на численность носителей этого языка, а вовсе не на его превосходство перед остальными. Поэтому искать в этом название унизительное отношение к украинскому народу и выпад против остальных славянских языков есть не что иное как подтасовка фактов.

Что же касается других языков, которые не называют свой язык «великоанглийский» или «великоиспанский», то можно обратиться к названиям диалектов. Например, немецкий язык имеет две основных группы диалектов: средневерхненемецкие и нижнесредненемецкие. Если следовать логике Л. Пилунского, то носители первой группы диалектов ставят себя выше носителей второй группы. А насчет того, что для другим языкам чуждо стремление к «всемирной экспансии» мы позволим себе высказать большие сомнения: очевидно, английский, испанский, французский и некоторые другие языки распространяются сами по себе потому, что они просто нравятся представителям других государств. Кстати, интересный факт. На том же сайте предлагается для обсуждения вопрос: сколько языков в передовых странах мира? И приводятся в пример США, Великобритания, Франция, Германия.

Эти примеры, очевидно, призваны продемонстрировать преимущество моноязычных стран перед полиязычными. Однако тут возникает встречный вопрос: почему в число высокоразвитых стран не попали Канада, Испания и Швейцария? Они что, недостаточно развитые? Нет, причина другая: эти страны (особенно, Швейцария) являются образцом сбалансированной языковой политики, в результате чего на их территории имеют равный статус несколько языков.

Во-вторых, А. Н. Рудяков вовсе не призывает к поискам нового языка, а обращает внимание на процессы, идущие в русском и украинском языках сегодня. Лингвисты очень пристально изучают языковые преобразования в Интернете, но проходят мимо языков реальных. Так что здесь поиски не языка, а указание на новый предмет исследования лингвистов. А в какой связи с этим предметом находится «наглый вызов строителям нового Мироустройства XXI века – мира где напрочь отсутствует расизм, геноцид, в том числе и лингвогеноцид, расовая и религиозная нетерпимость», непонятно.

Поэтому и нет речи о спасении «русского-украинского языка», как, собственно говоря, нет речи и о таком типе языка. Ученый говорит о двух явлениях, которые наблюдаются в современной Украине: развитие суржика и формирование вариантной нормы русского языка и призывает лингвистов обратить на них внимание. И если это нападение на защитников «любых языков», то давайте рассматривать лингвистику как оружие.

В-третьих, для того, чтобы на свет появился новый язык вовсе не обязательно требуется долгий промежуток времени, о чем свидетельствует появление пиджинов и креольских языков (последних насчитывается в мире около пятидесяти). Эти языки имеют своих носителей, но сформировались буквально на протяжении двух поколений. И возникновение этих языков вовсе не связано с историческими потрясениями, а является следствием языковых контактов и языкового взаимодействия. И изучать результаты этого взаимодействия вовсе не означает, что кто-то призывает спасать и защищать языки.

В-четвертых, никто не говорит о возникновении нового русского языка. Речь идет о свойственном всем языкам тенденции к образованию национальных вариантов связанных с функционированием языка на определенной территории. Не вызывает же сомнений тот факт, что английский, немецкий, испанский и многие другие языки существуют в форме признанных вариантов, почему же вариативность русского и украинского языков так пугает уважаемого защитника украинского народа? Не потому ли, что он предпочитает видеть не живые языки, развивающиеся по своим законам, а мертвые символы, искусственно возводимые в ранг неприкосновенных?

В-пятых, когда заходит речь о суржике, названном почему-то «до безобразия упрощенной» формой языка, то А. Н. Рудяков прежде всего предлагает изменить к нему отношение, поскольку суржик на самом деле представляет

собой не что иное как койне (функциональный тип языка, используемого в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков).

В-шестых, вполне естественно, что А. Н. Рудяков рассуждает о сущности русистики как науки. Упрекать за это, значит, совершенно не понять сути лингвистической проблемы в ругаемой статье. О задачах украинистики должны рассуждать те, чьей специальностью она является. И не нужно смешивать сферу научных интересов со сферой административной. К тому же, если говорить о последней, то ректор вуза ничего не «вбивает» в головы тем, кто там учится, а как раз, напротив, создает благоприятную атмосферу для изучения всех языков, функционирующих в АР Крым, что могут засвидетельствовать не только сотрудники вуза, но и представители так называемых нацменьшинств.

Поэтому можно употребить множество бессмысленных фраз, указывающих на несостоятельность представителей крымской интеллигенции, которая является следствием нежелания переходить во всех сферах своей деятельности (и даже в быту) на украинский язык, но лучше ответить на вопрос: почему всех ставят на одну доску? Почему рассуждения о языковом взаимодействии сопоставляются с работами в области истории, политологии и философии? Или же Л. Пилунский не знает, что это разные науки? Поэтому, действительно, рассуждения о формировании украинского народа и языка к данной проблеме никакого отношения не имеют. И приплетать их сюда – исключительно идеологический шаг.

Конечно, любой разговор о состоянии русского языка с такой позиции – это провокация, требование неведомого «центра», покушающегося на неизвестно что. Конечно, в Украине не существует русистики как науки, а ее представители все поголовно шпионы. А уж если не шпионы, то в любом случае сами ни до чего додуматься не могут и все только перепевают с чужих слов. Отличное представление о нашей отечественной науке. Но нам кажется, что глупо отрицать существование русофонии как особого языкового мира и его взаимодействие с другими языковыми мирами. А если кто-то не в состоянии оценить эту идею, то, наверное, сначала нужно немножко поработать над своим образованием, а не упрекать доктора наук во втором поколении в неграмотности и некомпетентности.

Хочется также обратить внимание, что такие красочные эпитеты как «умирающий украинский язык» существуют только в сознании и в статье самого Л. Пилунского, и поэтому суржик и русский язык представляются ему покушением на его индивидуальность. Закрываясь щитом своих собственных рассуждений он останется глух к тем изменениям, которые не зависят от его желаний или нежеланий. Почему бы, например, не обратить внимание на такой «пассаж»: «я

принципиальный сторонник идеи принципиальной многоязычности человека и человечества. Фразы, подобные «Одна душа – одна мова», вызывают у меня сильную аллергическую реакцию, как и всякие другие проявления хуторского мировосприятия. Я убежден, что никогда человечество не придет к тому, чтобы его потребности обслуживал один язык. Их всегда будет несколько». Но зачем же цитировать такие высказывания? Ведь они свидетельствуют о том, что А. Н. Рудяков в своей статье говорила совсем о другом и, в частности, о том, что «идея украинского варианта русского языка очевидно не устраивает тех деятелей украинского политикума, которые заинтересованы в поисках внешнего врага и в объявлении украинского варианта русского языка «языком враждебной державы». Ведь в этом случае мы утрачиваем точку опоры при рассуждениях. Посмотрите, как удобно: они напали на нас первые, они наши враги. Но давайте непредвзято относиться к окружающим нас людям, глядишь, и врагов станет меньше, и «русофонский рейх» перестанет мерещиться.

Но самое главное, тогда придется признать, что в большинстве случаев спор идет о двуязычии, которое не сводится, как у Л. Пилунского, к знанию вариантов русского языка, а к тому, чтобы перестать закрывать глаза на то, что Украина как минимум двуязычная страна

Поэтому, если будут выделены соответствующие средства, то при Крымском республиканском институте последипломного педагогического образования будет создан научно-исследовательский Центр по изучению проблем украинского языка в Крыму. И изучать он будет, разумеется, не «природу тотального сопротивления чиновников». И отметим, что развитие образования на крымскотатарском языке, о котором взывает Л. Плунский, давно уже ведется в институте, которым руководит А. Н. Рудяков, поэтому дети крымских школ отправляются в жизнь, зная о культуре живущих рядом с ними народов больше остальных детей в Украине.

И уверения после этого общественности в том, что «институтом управляет человек, исповедующий лингвистический расизм и уверяющий всех, что только русский язык имеет права быть венцом лингвистического будущего всего Человечества», по меньшей мере свидетельствует о том, что оппонент даже не потрудился узнать, кого и за что он ругает. Да и нужно ли это? Ведь он и так все знает и ему виднее всех, какова объективная ситуация. Главное, было бы кого полить грязью. Надергать цитат и объяснить глупому читателю, что его хотят везде обмануть и только он, Л. Пилунский, объяснит, к чему все эти рассуждения. И видимо, для того, чтобы привлечь внимание к «оскудению» русского языка, о котором он вдруг вспомнил к концу своей статьи, автор в избытке использует жаргонную лексику.

Поэтому давайте предоставим людям науки заниматься наукой, администраторам – руководить, а Моськам – продолжать лаять. Надо же и им о себе заявить.

Л. А. Кудрявцева,

Пресс-релиз по итогам IV Международной конференции «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, 8–11 июня 2010 г.)

Печатается по: http://www.mapryal.org/content/ пресс-релиз по итогам IV международной конференции «русский язык в поликультурном мире». Ялта

8–11 июня 2010 года в г. Ялте в рамках Международного фестиваля «Великое русское слово» состоялась IV Международная конференция «Русский язык в поликультурном мире», в которой приняли участие Президент МАПРЯЛ Л. А. Вербицкая, члены президиума МАПРЯЛ, Президент УАПРЯЛ Л. А. Кудрявцева, члены президиума УАПРЯЛ, представители органов государственной власти Российской Федерации, Украины и Автономной республики Крым, ведущие филологи-русисты и педагоги Украины, России, стран СНГ и ЕС, философы, социологи, политологи и культурологи, сотрудники региональных институтов повышения квалификации работников образования, других научных и образовательных учреждений, политических и общественных организаций, Православной Церкви. Конференция проходила при поддержке Федерального агентства по образованию МОН РФ, под эгидой МАПРЯЛ.

8 июня в Ливадийском дворце состоялось Торжественное открытие конференции, на котором с приветственными речами выступили первый заместитель председателя Верховного Совета Крыма, Сопредседатель движения „Русское единство", председатель „Русской общины Крыма" С. П. Цеков, Президент МАПРЯЛ, Президент Санкт-Петербургского государственного университета д-р филол.н., проф., акад. Л. А. Вербицкая, Президент УАПРЯЛ д-р филол.н., проф. Л. А. Кудрявцева, депутат Госдумы РФ, член Общественной палаты, директор Института политических исследований С. А. Марков. Сразу же после приветственных речей началось Пленарное заседание, на котором выступили с докладами проф. Ю. Е. Прохоров (Москва): «Национально-культурная специфика русского речевого общения в поликультурном мире», заместитель директора украинского филиала Института стран СНГ А. С. Филатов (Симферополь): «Русский язык как средство культурно-цивилизационной идентификации», В. П. Сидельников (Донецк): «Русский язык в современных социокультурных условиях», В. А. Пироженко (Киев): «Русское культурно-языковое пространство и галицикий проект Украины», проф. Л. А. Кудрявцева (Киев): «Кто и как нами манипулирует: язык украинских масс-медиа глазами лингвиста». В указанных докладах четко прослеживалась идея языкового, культурного и национального единства Русского мира.

В противовес этой доктрине на Пленарном заседании прозвучали доклады проф. А. Н. Рудякова (Симферополь) и О. Г. Ровновой (Москва), выдвинувших идею существования не единого русского языка, а системы так называемых его национальных (украинского, казахского и т.д.) вариантов. Эта идея, которую поддержали на секционных заседаниях ученики проф. А. Н. Рудякова Р. В. Забашта, Ю. В. Дорофеев и др., вызвала широкую волну критики. Выступавшие в прениях проф. Л. А. Вербицкая, проф. Л. А. Кудрявцева, проф. В. Г. Костомаров, проф. В. И. Теркулов и многие другие отмечали, что понятие «национальный вариант языка» может быть употреблено только в том случае, если население той или иной страны самоопределяется как отдельная нация, отличная от нации метрополийной территории использования языка.

В соответствии с программой работали шесть тематических секций: «Актуальные проблемы лингворусистики», «Социолингвистические аспекты функционирования русского языка на Украине», «Язык средств массовой информации», «Сопоставительное изучение языков: теоретические и методические аспекты», «Методика преподавания русского языка как иностранного», «Методика преподавания русского языка в условиях би- и полилингвизма», «Социально-политические детерминанты культурно-языкового пространства», III Всеукраинский научно-методический семинар для учителей русского языка и литературы «Русская словесность: теория и школьная практика», а также Круглые столы «Современный учебник по русскому языку: каким он должен быть?» и «Двуязычное образование в школах и вузах Украины».

А. Н. Рудяков

Обер-русистика

Печатается по: http://www.kp.crimea.ua/newspaper_details.php?newspaper_calendarDate=2010-07&newspaper_id=3135

Отзвучали фестиваль «Великое русское слово» и его ключевая конференция «Русский язык в поликультурном мире». Но горькое послевкусие от конференции осталось и не даёт покоя её активному участнику, доктору филологических наук, профессору Александру Рудякову. Ему слово.

Конечно же, я отношусь к этой конференции, как к своему детищу. Пристрастно, придирчиво, критически. Но пристрастность эта обусловлена прежде всего не желанием пригласить для участия в конференции «своих» «на халяву», а определённым пониманием того, что нужно Крыму от этой конференции в плане научном. Хотелось бы, чтобы эта конференция была и оставалась крымской не только и не столь-

ко по месторасположению, но и по интересам, по потребностям. Что нужно Крыму от лингвистической науки? Прежде всего обсуждение насущных и болезненных проблем, связанных с языковой политикой и сосуществованием языковых коллективов. Дело в том, что мы с нашими проблемами – не первые и не единственные. Есть люди, которые их решали и уже решили. Можно болеть «детскими болезнями» заново, а можно обратиться к опыту тех, кто эти болезни уже перенёс. Во-вторых, это проблемы языкового взаимодействия. В-третьих, проблемы интеграции языковых коллективов. В-четвёртых, проблемы того, где, как, сколько преподаётся русский язык в учебных заведениях Крыма. Ничего этого не было. Не было ни одного доклада, посвящённого проблемам Крыма. Никто даже не заикнулся о том, что в ТНУ сократили набор на русское отделение на десять мест. А ведь это прямое следствие прошлогоднего разгрома кафедры русского и общего языкознания. Ни слова не прозвучало о нашей непростой языковой ситуации. К нам вновь отнеслись, как к курортной площадке для приятного времяпрепровождения: решили свои проблемы и укатили по домам. Важнейшая на такого рода конференциях секция социолингвистики включала всего четыре доклада.

В центре внимания оказался русский язык как иностранный. Но, помилуйте, люди добрые, русский язык в Крыму и на Украине – не иностранный. И удивительным образом составители этой программы, представляющие украинский «осередок» ассоциации русистов, оказались в одном строю с украинскими националистами, утверждающими, что русский язык – это язык враждебной державы.

Для чего мы, крымчане, всё это проводим? Чтобы решить наши проблемы или для решения чужих проблем? Но средства-то наши. И немалые. Стоит ли обсуждение вопроса о том, сколько часов русского языка должно быть у китайских студентов, которые обучаются в наших вузах, тех огромных денег, которые крымский бюджет выделил на проведение конференции? Не уверен. Внимание тех людей, которые болели, болеют и будут болеть за судьбу русского языка в нашей стране, обращает на себя то, какой ортодоксальной стала нынешняя МАПРЯЛ (Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы) по крайней мере по отношению к ситуации в странах СНГ. Специалисты в области русского как иностранного всегда были восприимчивы к тем сигналам, которые давала жизнь, всегда чутко реагировали на новые научные идеи. К сожалению, с такими ортодоксальными взглядами, как у нынешнего руководства МАПРЯЛ, завоёвывать новые вершины русскому языку будет сложнее. Менеджмент и адекватная современному миру концепция имеют решающее значение для успешной деятельности в нашем веке.

Знакомство с докладами на секции социолингвистики на традиционном Московском конгрессе русистов в марте этого года показывает, что лингвисты разных стран очень остро ощущают потребность в новых концепциях, способных отражать новые реалии. Размышления о вариативности русского языка (не о «распаде», не об «уничтожении», не о «смерти») прозвучали в докладах немецких, казахстанских, российских, итальянских лингвистов. Это не безграмотность – это осознание того, что мир изменился, и говорить об этом новом мире в системе старых представлений по меньшей мере наивно.

Нелепо в новой исторической ситуации обвинять многомиллионную армию не живущих в России носителей русского языка в неспособности выучить правильный русский язык, в пристрастии к использованию «испорченного» русского (причём то, что на западе – акцент, на востоке – просторечие). Нелепо в XXI веке слепо верить, что взаимодействие языков не приводит к их взаимовлиянию, унификации, совершенствованию.

Периферия русского языкового мира – не провинция и глушь. Это его важнейшая составная часть, обеспечивающая взаимодействие русофонии с другими языковыми мирами. Именно здесь происходящие и грядущие изменения и преобразования ощущаются острее и болезненнее, чем в центре, призванном хранить качественную определённость системы. Поэтому спор центра и периферии имеет объективную природу. Главное – осознать, что сигналы, идущие с периферии, призваны не расшатать, не уничтожить систему, а усовершенствовать её, модернизировать в новых исторических условиях. Глупо подозревать русскоязычных украинцев, казахов, немцев, белорусов в попытке разрушить главный стержень их идентичности.

Русскоязычные крымчане, на своих плечах несущие русистику Крыма, без чьей-либо помощи, без поддержки, подвергающиеся бесконечным нападкам со стороны русофобов, оказались недостаточно русскими для российских гостей. И опыт показывает, что место любимчиков, говорящих только ожидаемые вещи, займут люди послушно-равнодушные или продажно-покорные. Жаль, но такова жизнь в наших странах.

Любопытно также, что в наше время повальной политической ангажированности люди даже не могут предположить, что такая потенциально политическая идея, как идея о существовании украинского варианта русского языка, может быть выдвинута из собственно научных побуждений. Но, позвольте, клеймят за неё и украинские националисты, и российские оберрусисты. Кто же заказчик? Нет его. Нет, к сожалению. И сожаление это не о гонораре, а о пользе дела. Мы отстаём от, например, Казахстана, где исследование казахстанского варианта русского языка идёт полным ходом. И нам пора бы отдавать себе отчёт, какой русский мы преподаём в наших школах и вузах.

Нормальные русские языки (интервью с Ю. Е. Прохоровым)

Печатается по:
http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/interview/interview0063.html

Недавно в Крыму завершилась Международная конференция «Русский язык в поликультурном мире». Проходившая уже в четвёртый раз, в этом году конференция была особенно представительной. Помимо традиционной встречи российских и украинских русистов, преподавателей русского языка и литературы, состоялось и заседание президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. В эти дни в Ялту прибыли известные российские филологи – Виталий Костомаров, Леонид Крысин, Людмила Вербицкая и др. Корреспондент сайта «Русский мир», присутствовавший на конференции, побеседовал с ректором Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина профессором Юрием Прохоровым о том, ждёт ли нас «регионализация» русского языка и надо ли бороться за его чистоту.

– Юрий Евгеньевич, на конференции вы говорили о том, что сейчас происходит отрыв русского языка от русской когнитивной базы. Правильно ли я понял, что это характерно для тех, кто оперирует русским языком в отрыве от современной русской культуры, то есть для иностранцев, говорящих по-русски?

– Нет, речь идёт о людях, живущих в других странах, у которых русский язык родной. Но база, на которой они строят своё общение, другая – социально, культурно другая. Поэтому естественно, что я формулирую что-то одним образом, в силу пребывания в этой культуре, а они – другим, но формулируют на том же русском языке. Это явление естественное. Вся наша коммуникация имеет три составляющих. К примеру, я сегодня здесь, в Ялте, и говорю: «У вас очень тепло». А мой старый приятель Рафаэль Гусман, который приехал из Испании, где 35 градусов, говорит: «Слава Богу! Здесь прохладно». Мы говорим на одинаковом русском языке, опираясь на разные представления о действительности. Я знаю что-то об этой действительности, и знаю, как об этом сказать. Есть действительность, есть «текст» – моё знание о ней, и есть дискурс – то, с чем я выхожу в общение. И, как голограмма, эта трёхмерная реальность всё время двигается. Ведь если вы обратитесь к кому-то с вопросом: «Не подскажете ли..?», а в ответ услышите «Чё надо?», этот дискурс поменяет весь ваш настрой на общение. У нас в сознании тут же всплывает текст – мы понимаем, откуда эта речевая конструкция, и начинаем этого человека оценивать совершенно по-другому. Общение у нас когнитивно-прагматическое. Как только меняется представление, на какой когнитивной основе оно будет происходить, я становлюсь перед прагматическим выбором: вступать в него или нет, как вступать, на каком языке и т. д.

– Профессор Александр Рудяков из Таврического национального университета им. В. И. Вернадского высказал на конференции идею, что можно и нужно говорить о разных «мирах» русского языка: в России он один, на Украине – другой, в Казахстане – третий и т. д. Вы согласны с таким подходом?

– Да, вполне. Потому что мир, в котором реализует себя носитель русского языка, в разных регионах разный. Например, он говорит: «Завтра наш любимый праздник Курбан-байрам», но мне нужны пояснения: что это за праздник, каковы традиции, как его празднуют и т. д. Точно такие же вопросы вызовут у них какие-то наши праздники, например, выходной ли у нас день 8-е марта? У нас немного разная картина мира, и связано это с различной социальной реальностью.

– Такое региональное расхождение – нормальное явление? Его нужно принять, или с этим нужно бороться во имя чистоты русского языка?

– Нельзя бороться – потребовалось бы сражаться с самой действительностью. Это бессмысленно.

– В таком случае через какое-то время мы придём к тому, что появятся отдельные словари украинского русского, российского русского и т. д. – по аналогии с современными словарями британского английского, американского и т. д.

– Вы думаете, мы не слышим, что половина людей на Украине говорит на украинском русском – от фонетики до конструкций? Слышим.

– Так может быть, наоборот, нужно «внедрять в массы» высокую культуру речи, а не мириться с этим? В конце концов, в Киеве столетиями говорили на чистом русском. Иначе придётся признавать законность суржика…

– Да, местная интеллигенция говорила практически на чистом русском. А почему? Потому что действительность была практически одна и та же. Почему мы говорим, что есть американский язык, есть английский, существуют австралийский и индийский варианты, а у нас это невозможно? У нас больше нет теперь единой общности советского народа, есть независимые государства, и у носителей русского языка в этих странах картина мира в чём-то всё равно особенная. К примеру, я не могу назвать украинский парламент Верховным советом или Думой – это Рада, но ведь в русском языке такого слова нет. И таких явлений очень много. Мы живём в уже новой – политической и социальной – реальности, и вопрос о суржике не так уж однозначен. Тут нужно думать.

Если так говорят на Украине, то почему бы и не признать «шо» вместо «что» украинской нормой? Есть петербургская фонетическая школа, и есть московская – они нормативны. Значит, все, кто живёт за Уралом, говорят на ненормативном русском языке – ведь у них твёрдое произношение? Всё же это неправильно. Нормативно говорят не только те, кто живёт между Петербургом и Москвой. Норма гораздо шире.

Вы знаете, что стихотворение «Я помню чудное мгновенье» написано – я утрирую – на *олбанском* языке? Фраза «гений чистой красоты» в первых изданиях всегда печаталась курсивом, потому что это строчка не Пушкина, а Державина, и это некое издевательство, пародия, поскольку сам Пушкин не понимал, что она означает. И дальше: не было тогда в русском языке слов «виденье», «мгновенье», но только «видение», «мгновение». Это чистой воды *олбанский* язык. А Воейков писал про поэму «Руслан и Людмила», что там рифмы мужицкие, и вопрошал, как автор посмел заменить прелестное русское слово «водомёт» безобразным нерусским «фонтан».

Часто говорят: «Мы теряем язык Пушкина». Но разве мы сами читаем и понимаем «Евгения Онегина» так, как написал Пушкин? Комментарии к «Евгению Онегину» толще самой поэмы. Мы сейчас читаем это по-своему, мы не потеряли пушкинский язык, потому что мы можем читать его на русском языке. Но если бы мы по-прежнему говорили на языке того времени, это бы означало, что жизнь давно остановилась.

Любой язык не только обеспечивает трансляцию культуры, он обеспечивает самое главное: моё существование «здесь и сейчас». Если что-то сейчас пойдёт не так, то у меня «почта» будет «глючить», и проблему я буду пытаться решить с помощью «мышки» и т. д. Это нормально.

Да, вы читали письма Пушкина к Наталье Николаевне? В письме 1832 года, написанном по-русски, есть гениальная фраза: «велосифер – по-русски поспешный дилижанс». Он переводит на русский язык «велосифер» словом дилижанс, тоже явно нерусским.

– Таким образом, борьба за чистоту русского языка, по-вашему, изначально ненужная, обречённая на провал затея?

– Я не понимаю, что значит чистота русского языка. Вы её по отношению к чему меряете? Если за норму принимается русская классическая литература девятнадцатого века, то как тогда быть с веком двадцатым? Тогда была другая модель жизни и общения. Но она меняется с изменением действительности.

– Как относиться к языку многочисленных мигрантов? Может, и их язык – норма? Не приведёт ли общение с ними к упрощению и даже коверканью языка у самих носителей?

– Мигрантов нужно обучать, чтобы они могли нормально существовать, и мы бы могли с ними общаться. Но нет ни единого примера, чтобы язык мигрантов повлиял бы на русский язык. Я могу, общаясь с ними, использовать точно такие же простые языковые конструкции, потому что мне нужно достичь результата – чтобы меня поняли. Но потом я повернусь к вам и буду говорить совершенно по-другому, потому что я окажусь в другом коммуникативном пространстве.

Если вы такой сторонник чистоты русского языка, то напомню слова великого Льва Щербы, который говорил, что литературный русский язык для его

носителя всегда немножко иностранный. Чтобы в этом убедиться, напрягитесь и попытайтесь за ужином в семье поговорить на сугубо литературном русском языке. В лучшем случае через пять минут вас попросят говорить нормально. Дома я говорю одним образом, на работе – по-другому, с иностранцами – иначе. Каждый раз мы находимся в новом языковом пространстве.

Самый бессмысленный, на мой взгляд, призыв к иностранцам: «Учите русский, и вы будете читать Пушкина в подлиннике». Потому что это не должно быть целью изучения языка. Все языки приспосабливаются. Повторяю, язык обеспечивает коммуникацию здесь и сейчас – это его главная задача. Поэтому любой язык меняется, приспосабливаясь к новым условиям. Не меняются только мёртвые языки.

Беседовал Борис Серов

К 55-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА РУДЯКОВА

О. В. Лещак

Диалог функционалистов (заметки на полях книги «Язык, или почему люди говорят»)

Diabeł tkwi w szczegółach
Польская пословица

Данная статья представляет собой, может быть, несколько сумбурные рассуждения по поводу последней книги профессора Александра Николаевича Рудякова «Язык, или почему люди говорят». Возможность высказаться на этот счет для меня особенно важна, так как мы с автором, образно говоря, едем в одной функциональной упряжке, хотя, может быть, иногда и тянем в разные стороны. Да это и нормально, поскольку научно-философская функциональная парадигма, к счастью, является весьма широким методологическим полем и допускает определенные варианты решения сходно сформулированных проблем. Функционализм – методология плюралистическая и изначально предполагает разнообразие видения. В отличие от других лингвофилософских концепций разноголосица здесь весьма желанна.

Специфика и особенная прелесть гуманитарной сферы познания состоит в том, что здесь сколько бы не старался ответить на ключевые вопросы человеческого бытия и как бы не пытался решить важнейшие проблемы человеческой сущности, и так они останутся величайшей загадкой и будут привлекать к себе новые и новые поколения исследователей. Факты в гуманитарных науках занимают однозначно подчиненное место. Гораздо интереснее искать новые подходы и предлагать новые решения. Именно такова новая книга Александра Николаевича. Мне, как функционалисту и прагматисту, читать ее было особо отрадно, но и невероятно сложно, так как к взглядам своих научных единомышленников относишься всегда особо ревностно и с предубеждением.

При кажущейся легкости и простоте изложения монография весьма насыщена в концептуальном плане. Уже первые ключевые положения функциональной методологии – *телеологизм, социологизм* и *системоцентризм* – требуют внимательного к себе отношения и тщательной разработки. Формулы «адекватное определение языка должно быть не субстанциональным (как определение в качестве знаковой системы), а функциональным» (с. 1), «в человеческом мире в роли системообразующего фактора, как правило, выступает функция [...] системы, существующие в мире человека, есть прежде всего функциональные системы» (с. 22) и «системность и функциональность – две

основополагающие идеи, положенные в основу предлагаемой концепции лингвистического функционализма» (с. 23) красной нитью проходят через всю книгу и становятся ее своеобразным теоретическим каркасом.

Автор очень точно улавливает телеологическую онтологическую сущность функционального понимания человеческого опыта (включая и языковой опыт), заключающуюся в том, что определяющим фактором существования любой гуманитарной (антропной) сущности является ее целевая направленность. Особое место в работе отведено системной сущности вербальных функций. Жаль, что не сделан следующий решительный шаг и сами гуманитарные объекты не определены в качестве функциональных отношений. Это значительно упростило бы выяснение множества затрагиваемых в книге проблем. Система языкового опыта в целом, каждая ее единица, каждый элемент и компонент могли бы быть представлены как функциональное отношение одновременно к цели и к другому элементу, единице, системе.

Исключительно важным положением работы я считаю тезис «знак, равно как и язык, не материален и не идеален. Знак (равно как и язык) двусторонен, знаков, семиотичен» (с. 26). Тем самым функционализм уходит от необходимости ввязываться в бессмысленные метафизические споры о т.н. «главном вопросе философии». Язык (равно как и остальные человеческие проявления) опытен и семиотичен по самой своей онтологической природе.

Следующим «сильным» концептуальным положением работы является утверждение, что «язык не есть система знаков. Язык есть знаковая система» (с. 27). Очень точное замечание. Верное для всех пониманий термина «язык» – и в смысле langue, и в смысле langage. Остается лишь сожалеть, что эти понятия в работе четко не разведены. В обоих случаях используется один и тот же термин – «язык», что несколько затрудняет понимание концепции автора: «множества лингвистических споров, противоречий, недоразумений можно было бы избежать, последовательно различая ***язык*** и речь как формы существования ***языка*** и его единиц» (с. 45). Спорным мне представляется также тезис о том, что язык и речь – две формы существования одной и той же сущности. Данное положение, как мне кажется, страдает определенным субстанциализмом, поскольку уравнивает и отождествляет инвариантную информацию, модели, процедуры и актуальные семиотические комплексы. Очевидно, что **одно и то же** не может существовать и в форме потенциального регулятивного знания и умения, в форме номинативно-куммуникативного действия и в форме готового текста (потока означенной информации). Профессор Рудяков сам неоднократно подчеркивает принципиальное отличие этих функций: «видимо, инвариант и варианты всегда существуют на разных уровнях: инвариант – на более абстрактном уровне языка, варианты – на менее абстрактном» (с. 90). Но далее следует вывод, что «при этом инвариант и варианты не есть разные сущности – это разные формы существования единого компонента языковой

системы» (там же). Это довольно распространенное мнение, восходящее к гегелевской диалектике. Так себя могут вести только субстанциальные сущности (как люди, переходить с этажа на этаж или, как химические вещества, синтезироваться в единое, будучи противоположными). Функция, по моему, всегда определяется уровнем и сама определяет уровень. А значит, уровни и подсистемы языка, части языкового опыта – это не «вместилище» субстанций, а взаимодействие отношений. Различные части языкового опыта обладают различной функциональной сущностью. Однако данное замечание носит не столько критический, сколько проблематический характер. Это проблема чисто теоретическая и требует дальнейшей дискуссии.

Совершенно замечательно, по моему мнению, наблюдение Александра Николаевича, что «речь – такая же абстракция, как и язык: вопреки расхожему мнению о „наблюдаемости", воспринимаемости речи, никому не дано наблюдать речь вообще" (с. 41). Однако, с чем я не могу согласиться, так это с утверждением, что «единственной данной нам „в ощущениях" языковой реальностью является творимый или сотворенный текст» (там же). Почему? Да потому, что текст как таковой это тоже абстрактная фикция. Говоря «текст», мы подчас смешиваем в одном термине совершенно различные онтологические феномены и функции. Во-первых, это смысл и содержание, без которых текст не является текстом. А семантика никак не может быть отнесена к наблюдаемым сторонам «текста». Во-вторых, синтактика и грамматика текста. Их также нет никакой возможности наблюдать. Единственными наблюдаемыми сторонами т.н. «текста» оказываются (или только кажутся) фоника (в устном тексте) и графика (в тексте письменном). Но давайте задумаемся. Воспринимая устный текст, мы слышим то, что звучит, или то, что **должно** звучать? Вспомним известный пассаж «логофета» в исполнении Р. Быкова из фильма «По семейным обстоятельствам»ю Вспомним «фефочку Еночку», «уицу Койкого» и «фефекты фикции». Следует, очевидно, различать то, что мы слушаем (физическое явление – звуковой ряд), и то, что мы слышим (психофизиологическое и семиотическое явление – фонетический ряд). То же самое и с графикой. Мы можем прекрасно **видеть**, что Д, д, *д*, *Д*, д, *д*, **д**, Д, **Д**, **д** – это десять **различных** изображений, но при этом мы **прочитываем** их как одну и ту же букву. Потому что смотрим мы на физический ряд изображений, а видим графический ряд русских букв. Что из этого следует? Следует выделять не один «текст», а, как минимум, четыре различных продукта речи: семантический текст, синтаксический текст, фонетический текст и графический текст, каждый из которых представляет собой иную онтологическую сущность со своей структурой и со своими функциями. И что самое важное, **ни одна из этих ипостасей** «текста» не является чувственно воспринимаемой. То, что мы воспринимаем органами чувств – **уже не текст**, а только его физический след, материальный субстрат фонетического или графического текста. Таким образом языковая деятельность во всех своих проявлениях (и как язык, и как речь, и как текст) является чисто функциональной сущностью и не воспринимается органами чувств.

К несомненным заслугам данной функциональной концепции профессора Рудякова следует отнести также выдвижение на передний план **регулятивной** функции языковой деятельности. Вопрос, вынесенный автором в заглавие, находит в тексте четкий и однозначный ответ – языковая деятельность осуществляется с социально-регулятивной целью. При этом, я полагаю, нет принципиального противоречия между определением языка как социально-регулирующей функции (семиотической деятельности), как средства общения и как функциональной системы знаков. Сами по себе последние две дефиниции не являются методологически значимыми, поскольку все зависит от того, какое место занимают эти утверждения в лингвистической концепции. Они могут трактоваться альтернативно, комплементарно или функционально. Методологический характер эти дефиниции получают лишь в первом случае, когда взаимно исключают друг друга. В двух последних случаях дефиниции имеют только теоретический или вспомогательный характер. Утверждение, что язык – это средство общения, является просто утверждением об одном из предназначений языка, которое в Пражской школе обычно дополняется утверждением, что язык – это также средство выражения мыслительных интенций. Утверждение же, что язык – это функциональная система знаков, является чисто структурным определением, ответом на вопрос, как устроен язык. Оба традиционных определения касаются не langage, a langue. Выдвижение же на первый план регулятивной функции семиотической мыследеятельности является просто обобщением гораздо высшего уровня, чем два традиционных, и касается собственно langage. Замечу, что выдвижение Александром Николаевичем регулятивной функции в качестве ведущей в семиотической деятельности вполне соответствует общефункциональному пониманию деятельности как целенаправленного взаимодействия и одновременно позволяет онтологически определить языковую деятельность как основной вид .культурно-социального регулирования личностного опыта как в его отношениях с другими личностными опытами, так и в его отношениях с феноменальным миром.

Несколько слов следует сказать о структуре языковой системе и выделяемых в ней А. Н. Рудяковым ярусов и ключевых единиц. Здесь проявилась одна характерная особенность способа рассуждения автора. Автор (возможно, с сожалением) отдает должное «субстанциональному прошлому», когда эксплицитно делит языковую систему на четыре яруса (строевой, номинативный, предикативно-синтаксический и регулятивно-текстовый), ведь в основе такого деления лежит идея структурного включения единиц низшего уровня в единицы высшего – чисто субстанциальная идея. А ведь в другом месте автор монографии пишет совершенно определенно, что «представления об устройстве языка в виде системы гомогенных систем небезупречно. Будучи построены на примате субстанциональности, примате природности, они являются по сути дела классификацией по формальным принципам, игнорирующей функциональную суть единиц языка» (с. 65). Но все же интуитивно (а значит – в соответствии со своими методологическими убеждениями) автор строит свою концепцию в совершенно

функциональном плане, сосредоточившись на двух принципиальных аспектах – семантике (**что?**) и фонематической форме (**как?**). Именно этим объясняется то, что de facto профессор Рудяков излагает концепцию функциональной структуры языка по аналогии с соссюровской дуалистической концепцией знака (знак = понятие + акустический образ). В языковой структуре автор рецензируемой монографии выделяет две ключевые функции: смысловую – **семантему** и выразительную – **фонему**. Именно вокруг них организуются две основные подсистемы языка – информационная база и внутренняя форма. Ниже Александр Николаевич сам, уже explicite, выделяет две сферы языковой системы: «Первая сфера – это область средств именования, средств экспликации понятий. Из этой сферы черпает язык средства, позволяющие говорящему индивиду именовать каждого из участников ситуации: субъект, объект, предикат – той типовой ситуации, сеть которых налагается человеком на воспринимаемый им мир. Вторая сфера – это сфера законов и правил построения текста как основного инструмента воздействия на сознание собеседника» (с. 75). Очень четкое и важное положение!

Значительная часть текста книги посвящена рассмотрению принципов организации информационной базы языка («области средств наименования») вокруг основной системообразующей семантической функции – семантемы, а также организации внутренней формы языка («сферы законов и правил построения текста») вокруг основной формальной системообразующей функции – фонемы. Замечательно четко при этом проводится идея функциональной первичности смысла-цели и инварианта в языковой деятельности. Это касается и соотношения семантем и номинативных речевых знаков, и соотношения фонем, звукотипов и звуков речи. Ср. «Рассмотрение материала в направлении «от содержания к средствам выражения в типической речевой ситуации» позволяет преодолеть внутрисистемную ограниченность традиционного компонентного анализа, связать устройство системы номинативных единиц с их «средой» – системами коммуникации и регуляции. Построение типологии позиций реализаций семантем является шагом семантики номинативных единиц к реальному взаимодействию с синтаксической теорией, вне которого вряд ли возможно подлинно функциональное описание системы словаря» (с. 91) и «Так, любой звукотип, в котором сохраняется только коммуникативно значимое для носителей языка, не может быть произнесен, но скорее всего, и будет услышан, так как воспринимающий субъект автоматически абстрагируется от совокупности индивидуальных признаков конкретного звука, сводит его к соответствующему инварианту» (с. 47). Принцип примата функции (цели) проведен здесь совершенно последовательно.

Среди семантических идей А. Н. Рудякова несомненно заслуживает внимания тезис «собственно лингвистической формой представления системы языковых понятий является иерархия сем» (с. 79). Идея может оказаться весьма плодотворной. Она позволяет унифицировать информационную базу языка и представить лексические знаки как функциональное соотнесение определенных конфигураций сем с определенными моделями внутренней формы. Отсюда вполне логично проистекает положение, что «то, что мы привычно именуем лексикой – совокуп-

ностью слов – на самом деле есть система номинативных средств языка, единицами которой являются семантемы, а элементами на уровне типов, или нормы, – слова и словосочетания» (с. 4). Огромной важности проблема поставлена в работе также в виде задачи – построить типологию позиций употребления, и особенно нейтрализации значений («семантем») (с. 92). Последний момент открывает совершенно новые и неожиданные возможности представления значений номинативных единиц в виде своеобразных архисемем или архилексем (по аналогии с архифонемами пражской школы).

Что касается выразительной стороны языковой деятельности, то здесь я бы особо подчеркнул весьма плодотворную идею А. Н. Рудякова, что «звукотип по отношению к звукам выступает как инвариант субстанциональный, тогда как фонема по отношению к звукотипам – как инвариант функциональный» (с. 48) Я бы рискнул развить идею автора и предложил бы ввести еще несколько уровней фонематического инвариантного обобщения, а именно: развить линию «звукотип – фонема» еще двумя обобщенными единицами – архифонемами и морфонемами, подходящими вплотную к морфемному уровню внутренней формы языка (если быть точным – к формам морфем), а между звукотипами (фонами) и физическими звуками выделить звуки речи и звуковые ощущения. Но при этом предложил бы помнить, что это все не один объект в разных ипостасях, а разные, но функционально связанные смежные объекты, представляющие друг друга на различных уровнях организации психофизиологического опыта. Звук как таковой (как физический феномен) я бы вообще вывел за пределы языкового опыта. Он не семиотичен и не антропологичен. Звукотип (фон) – инвариант не физических звуков, а звуков речи (т.е. фактических звуковых речевых ощущений), которые (в свою очередь) являются инвариантами фактических физиологических звуковых ощущений. Эти же последние не могут быть инвариантами физических звуков по той причине, что обладают отличной природой. Звуки – физические волны, ощущения – психофизиологические раздражения. Все остальные фонетико-фонематические единицы могут быть инвариантами в отношении друг друга, поскольку обладают сходной онтологией – все они нейропсихофизиологические функции. Эти предложения, как мне кажется, вполне могли бы дополнить очень интересную фонологическую концепцию профессора Рудякова.

Подчеркивая огромную теоретическую и методологическую ценность концепции профессора А. Н. Рудякова, актуальность поднимаемой им проблематики на фоне общего упадка системных исследований и новизну предлагаемых им решений, хочу завершить статью цитатой из книги, под которой готов полностью подписаться: «Как представляется, функционализм – это будущее лингвистической науки, это лингвистическое мировосприятие XXI века» (с.17).

Литература

Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – К.: Грамота, 2004. – 224 с.

Дорогой Александр Николаевич!

Сердечно поздравляем Вас, ученого-лингвиста и талантливого педагога, со знаменательным юбилеем.

Ко дню Вашего юбилея Вы пришли с огромным багажом успехов и заслуг. Вы многие годы отдали научной и преподавательской деятельности и ныне продолжаете вдохновлять многих исследователей и своими работами поддерживать не только развитие лингвистики, но и принимаете активное участие в формировании современного образовательного пространства в Крыму и Украине.

Вся Ваша научная работа и жизнь неразрывно связаны с развитием лингвистической науки, Вы всегда на ее переднем крае. Ваша мудрость и умение успешно сочетать интенсивную научную и организаторскую работу с плодотворной педагогической деятельностью способствовали воспитанию специалистов в разных областях филологии. Вы, как никто другой, умеет зажечь своим энтузиазмом, своей верой в успех и благодаря этому собрать вокруг себя учеников, единомышленников, друзей, которые разделяют Ваши идеи, и находите силы и возможности поддерживать и оберегать тех, кто на разных жизненных этапах был рядом с Вами. Ваша многолетняя работа отмечена многими государственными и международными званиями, премиями, наградами.

Все мы знаем Вас как блестящего и остроумного лектора, внимательного и требовательного ученого, безгранично преданного науке, а в последние годы и как подвижника в области образования Украины.

От имени всех друзей, коллег, единомышленников и учеников мы желаем Вам крепкого здоровья, успехов в Вашей многогранной деятельности новых научных исследований, достойной оценки Вашей работы лингвистическим сообществом, большого счастья в жизни, прежней энергии в трудах и радости в сердце, жизни яркой и полной.

Сведения об авторах

Дель Гаудио Сальваторе кандидат филологических наук, стажер Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев

Дорофеев Юрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь

Журавлёва Евгения Александровна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Забашта Роман Валентинович, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь

Лещак Олег Владимирович, доктор филологических наук, профессор Университет гуманитарных и естественных наук им. Я. Кохановского, Кельце, Польша

Людмила Алексеевна Кудрявцева, профессор Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко, президент УАПРЯЛ

Маркина Мария Геннадьевна, преподаватель кафедры филологии Крымского республиканского института последипломного педагогического образования, Симферополь

Михальченко Вида Юозовна, доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук, Москва

Моря-Мицык Лилия Анатольевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь

Плужникова Тамара Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Института иностранной филологии Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова, Киев

Ровнова Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка Российской академии наук, Москва

Руденко Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой методики преподавания иностранных языков и языков и литератур национальных меньшинств Одесского областного института усовершенствования учителей, Одесса

Рудяков Александр Николаевич, доктор филологических наук, профессор, ректор Крымского республиканского института последипломного педагогического образования, академик Академии педагогических и социальных наук (Москва), Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Раздел 1: Георусистика – русистика 21 века

Георусистика – русистика 21 века 8
Национальный вариант языка как результатего адаптации к этнолингвистическим условиям 21
Вариативность как основной признак мировых языков 29
Лингвистический функционализм как основа исследования вариативности языка 40
Идеи георусистики глазами диалектолога 50
Об украинском варианте русского языка: спорные вопросы 69
Языковая вариативность и особенности номинативной системы украинского варианта русского языка. 75
Проявление вариативности языка в подсистеме номинативных единиц (интерлингвистический аспект) 87
Вариативность средств реализации семантемы (на материале лексической группы «положительные формы рельефа») 97
Семантема ***ругать*** в русском языке 107

Раздел 2: Георусистика: pro et contra

К вопросу о национальных вариантах языка. 117
Лингвистическая уфология профессора Рудякова, или pidgin-russian в степях Украины 122
Почему всполошились шаманы 127
О лингвистической УФОлогии, нелингвистической полемике и национальных вариантах языков 132
Пресс-релиз по итогам IV Международной конференции «Русский язык в поликультурном мире»(Ялта, 8–11 июня 2010 г.) . . .136
Обер-русистика 137
Нормальные русские языки (интервью с Ю. Е. Прохоровым) 140

К 55-летию Александра Николаевича Рудякова

Диалог функционалистов (заметки на полях книги «Язык, или почему люди говорят») 144
Сведения об авторах 151